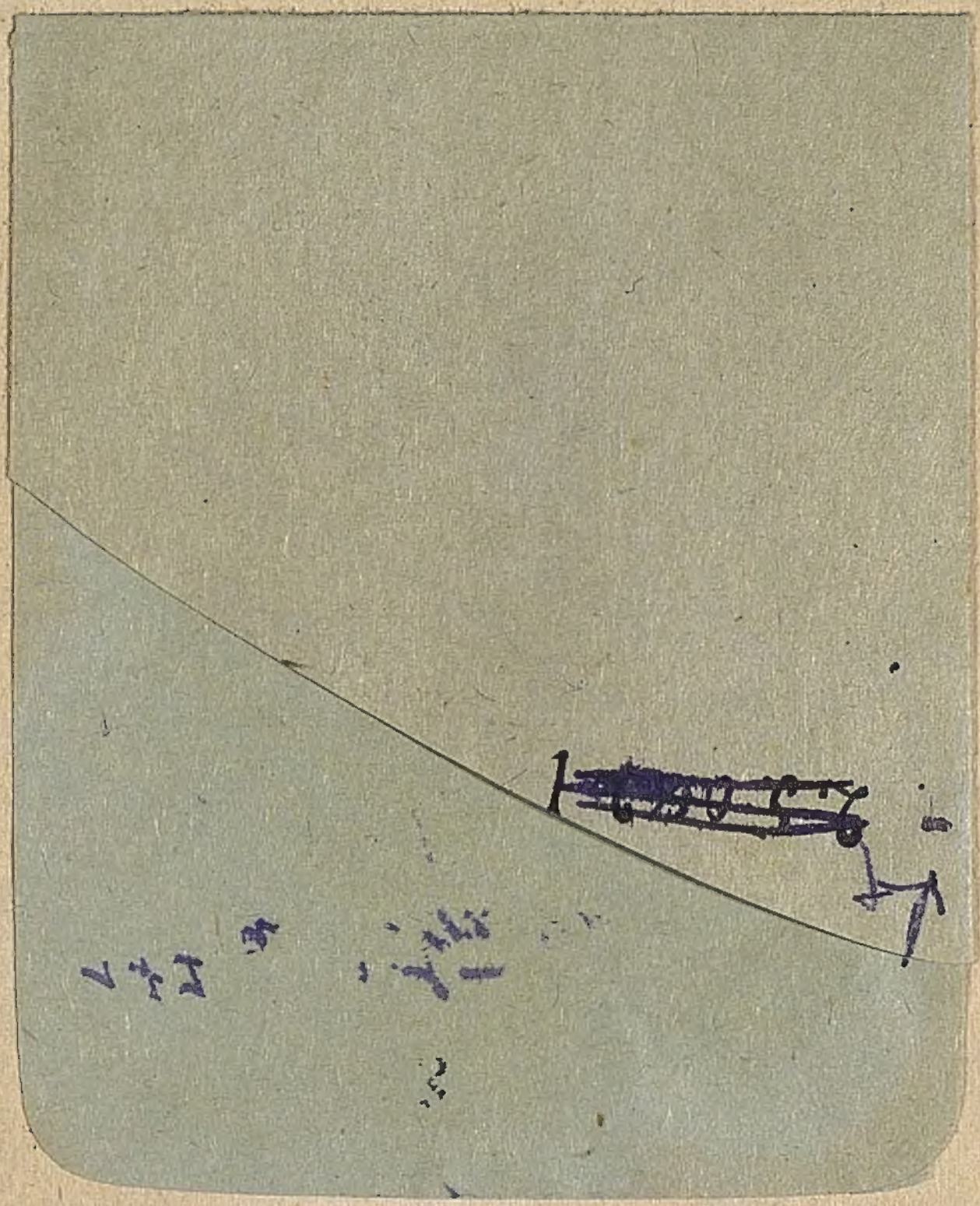
947
K563



п 34 г.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ
ВЪ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХЪ ОЧЕРКАХЪ
подъ редакціей *В. Я. УЛАНОВА.*

М. Н. КОВАЛЕНСКІЙ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ.

947.
К563

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки

МОСКВА.
Издательство К. Ф. Некрасова.
MCMXVI.

при Доме Народа
БИБЛИО
Имени Карла Либкнехта

ОТЪ РѢДАКЦІИ.

Задачей настоящей брошюры было нарисовать послѣдній завершительный шагъ трехвѣковой русской колонизаціи къ берегамъ Чернаго моря (Новороссія). Вмѣстѣ съ тѣмъ путешествіе Екатерины открываетъ возможность показать провинціальную Россію ея времени и отношеніе провинціальнаго общества къ великой императрицѣ, обрисовать заодно личность самой Екатерины, къ многогранному проявленію которой путешествіе и встрѣчи представляютъ столько возможностей; показать окружавшихъ ее сотрудниковъ и друзей—особенно организатора и героя поѣздки—Потемкина. Встрѣча съ королемъ расчленяемой въ то время Польши, съ австрійскимъ императоромъ и съ послами другихъ державъ выпукло опредѣляетъ международныя отношенія Екатерининскаго царствованія, а попутное описаніе вновь присоединенныхъ областей и разноплеменнаго населенія ихъ даетъ бытовую

жизнь юга Россіи и въ частности Крыма въ моментъ его присоединенія.

Авторъ брошюры щедрою рукою черпалъ свои краски и сцены изъ богатѣйшей мемуарной литературы, принадлежавшей перу участниковъ и свидѣтелей этого феерическаго по декоративности путешествія „Семирамиды Сѣвера“ въ „страну Ифигеніи“.

I.

ПОСОЛЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЯ.

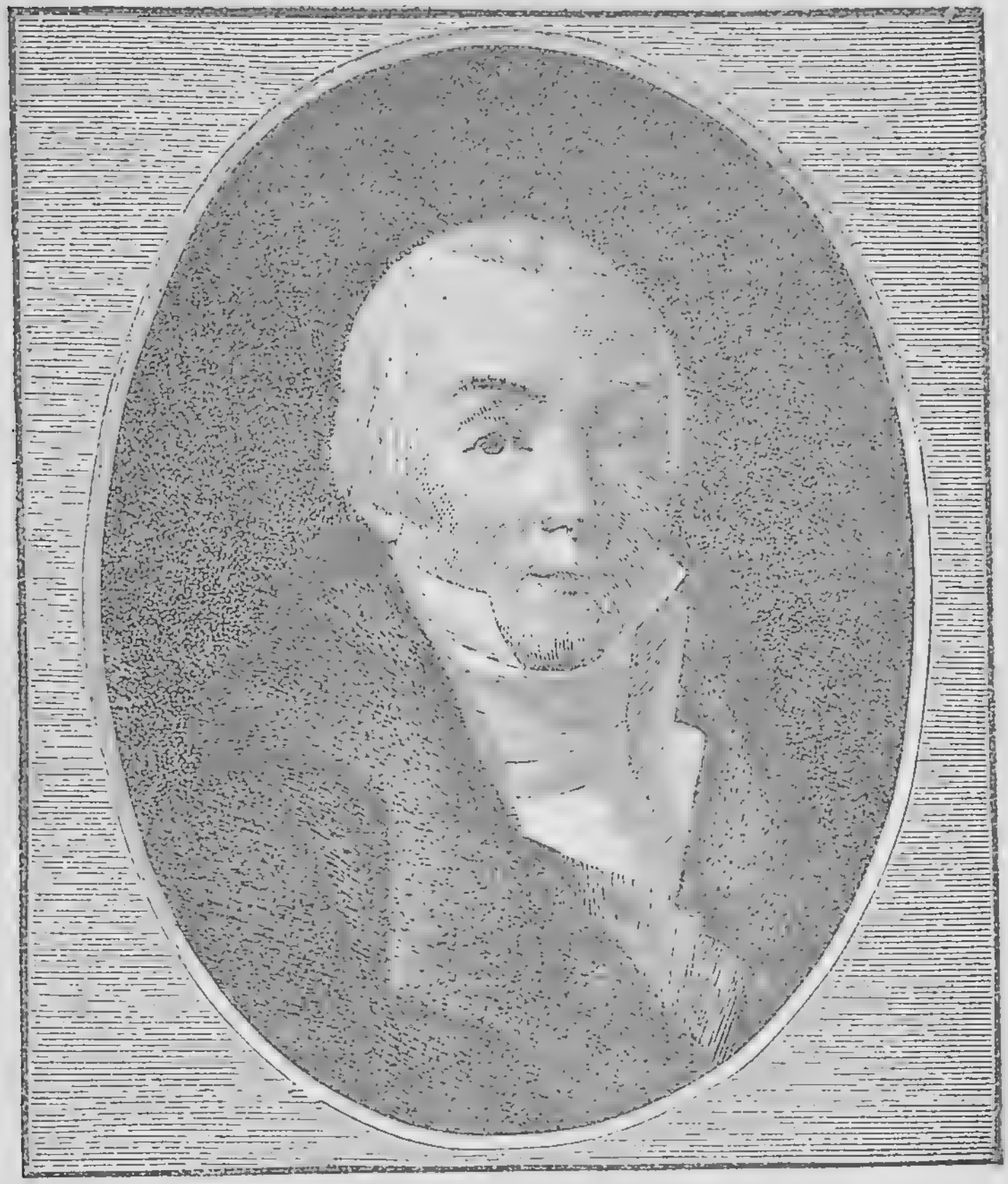
Въ 1785 году явился въ Петербургъ новый посолъ французскаго короля Людовика XVI, графъ Сегюръ.

Молодой графъ,—ему было тогда 28 лѣтъ,—въ первый разъ попалъ въ русскую столицу. Петербургъ поразилъ его двойственностью своего характера, обиліемъ внутреннихъ противорѣчій. „Здѣсь въ одно время встрѣчаешь просвѣщеніе и варварство, слѣды X-го и XVIII вѣковъ, Азію—и Европу, скифовъ и европейцевъ, блестящее гордое дворянство—и невѣжественную толпу“,—писалъ Сегюръ въ своихъ запискахъ.– „Съ одной стороны—модные наряды, богатыя одежды, роскошные пиры, великолѣпныя торжества, зрѣлища, подобныя тѣмъ, которыя увеселяютъ избранное общество Парижа и Лондона;—съ другой—купцы въ азіатской одеждѣ, извозчики, слуги и мужики въ овчинныхъ тулупахъ, съ длинными бородами, съ мѣховыми шапками и рукавицами и иногда съ топорами, заткнутыми за поясъ. Эта одежда, шерстяная обувь и родъ грубаго котурна на ногахъ напоминаютъ скифовъ, даковъ, роксоланъ и готовъ, нѣкогда грозныхъ для римскаго міра. Изображенія дикарей на барельефахъ Траяновой колонны въ Римѣ какъ будто оживаютъ и движутся передъ вашими глазами“.

Екатерина была въ то время на верху своей славы. Крымъ былъ уже присоединенъ къ Россіи, и начаты были раздѣлы Польши. Вслѣдъ за усмиреніемъ Пугачевщины были произведены внутреннія преобразованія: издано Учрежденіе о губерніяхъ, и даны жалованныя грамоты дворянству и городамъ; россійское благородное дворянство получило свою хартію. Сегюръ удивлялся „успѣхамъ Екатерины". Она успѣла употребить честолюбіе другихъ монарховъ въ свою пользу; раздѣлила съ своими союзниками Польшу и увеличила свои владѣнія; побѣдила турокъ, и паденіе Порты было остановлено только несогласіемъ христіанскихъ монарховъ.

..Удивленная Европа увидѣла, какъ русскій флотъ прошелъ черезъ океанъ и Средиземное море, пробудилъ покоившуюся во прахѣ Спарту, возвѣстилъ грекамъ свободу и взорвалъ мусульманскій флотъ въ Чесменскомъ заливѣ; наконецъ, великій визирь былъ осажденъ Румянцевымъ въ Шумлѣ, и тѣнь Петра Великаго отомщена... „Въ ея царствованіе Россія стала державою европейскою; Петербургъ занялъ видное мѣсто между столицами образованнаго міра, и царскій престолъ возвысился на чреду престоловъ, самыхъ могущественныхъ и значительныхъ". Фридрихъ II говорилъ о ней: „многія государыни заслужили славу: Семирамида—побѣдами, Елисавета англійская—ловкою политикою, Марія Терезія—удивительною твердостью въ бѣдствіяхъ, но одна только Екатерина заслуживаетъ наименованіе законодательницы". Принцъ де-Линъ, австрійскій фельдмаршалъ, сравнивалъ ее съ Генрихомъ IV и съ Людовикомъ XIV, и называлъ ее „Екатериномъ Великимъ". Сама Екатерина не

менѣе высоко цѣнила свои заслуги, и посылала въ письмѣ къ Гримму, еще въ 1781 г., списокъ своихъ дѣяній, со-



Гр. Сегюръ.

ставленный секретаремъ ея Безбородкой. Вотъ этотъ списокъ:

Губерній, по новому положенію учрежденныхъ . . 29
Построенныхъ городовъ 144
Заключенныхъ договоровъ и соглашеній 30
Одержанныхъ побѣдъ 78
Достопамятныхъ указовъ о законахъ или учрежденіяхъ 88
Указовъ, облегчающихъ участь народа 123

Итого . . . 492

Такова была славная монархиня, при которой я находился въ качествѣ посла",—заключилъ свое описаніе Сегюръ. Къ ея двору былъ онъ командированъ министрами короля, чтобы добиться ея дружбы, улучшить отношенія между Россіей и Франціей. Отношенія эти были очень натянуты въ то время. Франція косо смотрѣла и на польскій раздѣлъ, и на присоединеніе Крыма, и на русскую политику на Черномъ морѣ, гдѣ Екатерина мечтала разрушить Турцію и возстановить Греческую имперію. Франція, наоборотъ, старалась укрѣпить Турцію, чтобы не дать усилиться на ея счетъ сосѣдямъ; французскіе инструкторы обучали турокъ военному дѣлу, снабжали ихъ оружіемъ и военными припасами. Сегюръ долженъ былъ слѣдить за ходомъ дѣлъ на Черномъ морѣ, и не давать туркъ въ обиду; но въ то же время не слишкомъ раздражать Россію, чтобы не довести до войны съ нею,—Франція была наканунѣ революціи, финансы ея были разстроены, и воевать ей было бы невозможно. Положеніе Сегюра было трудное: французскіе министры не вѣрили въ успѣхъ его стараній; русскіе министры не довѣряли ему, говоря, что французы подстрекаютъ ту-

рокъ къ войнѣ. Самъ Потемкинъ не разъ упрекалъ его за излишнюю снисходительность къ туркамъ и называлъ его, на турецкій манеръ, Сегюръ-Эффенди. Но Сегюръ не отчаивался; онъ надѣялся преодолѣть всѣ преграды, и разсчитывалъ даже добиться большаго, — онъ старался завязать торговыя сношенія Россіи съ Франціей на Черномъ морѣ, и мечталъ заключить торговый договоръ, выгодный для Франціи, оттѣснивъ на второй планъ торговыхъ соперниковъ—англичанъ. „Это тѣмъ нужнѣе для обоихъ государствъ, — говорилъ Сегюръ, — что императрица имѣетъ нынѣ порты на Черномъ морѣ. Мы находимся въ самомъ выгодномъ положеніи для того, чтобы открыть мѣста сбыта для южныхъ областей имперіи, отправляющихъ свои произведенія по дальнему, трудному пути къ Балтійскому морю... Взаимная мѣна такъ нужна Франціи и Россіи, что порты ихъ немедленно наполнятся купеческими судами обѣихъ странъ, лишь только будутъ устранены препятствія“...

Но прежде, чѣмъ склонять русскихъ министровъ къ торговому договору, надо было получить аудіенцію у императрицы. Аудіенціи этой пришлось нѣсколько подождать; когда, наконецъ, аудіенція была назначена, и Сегюръ явился во дворецъ, онъ чуть было не испыталъ неудачи. „По обыкновенію,—разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ,—я представилъ вице канцлеру копію съ рѣчи, которую долженъ былъ произнести. Когда я пріѣхалъ во дворецъ, въ пріемной комнатѣ, гдѣ я дожидался, встрѣтилъ меня графъ Кобенцель, австрійскій посланникъ. Его живой, одушевленный разговоръ и важность предметовъ этого разговора заняли мое вниманіе и развлекли меня

совершенно, такъ что, когда мнѣ объявили, что императрица готова меня принять, я замѣтилъ, что совершенно позабылъ свою привѣтственную рѣчь. Напрасно я старался вспомнить ее, проходя черезъ рядъ комнатъ, какъ вдругъ отворилась дверь, и я предсталъ передъ императрицей"...

Екатерина съ перваго взгляда производила сильное впечатлѣніе. „У нея поистинѣ царственный видъ, —говорилъ о ней современникъ Рюльеръ.— Возвышенное чело, нѣсколько откинутая назадъ голова, гордый взглядъ и благородство всей осанки, казалось, возвышали ея не высокій ростъ". У нея были орлиный носъ, прелестный ротъ, голубые глаза и черныя брови, чрезвычайно пріятный взглядъ и привлекательная улыбка... Бѣлизна и блескъ кожи служили ей украшеніемъ, которое она долго сохраняла",—такъ описываетъ ее Сегюръ. Можно себѣ представить, какъ долженъ былъ смутиться посолъ, забывшій свою рѣчь, когда передъ нимъ появилась эта Семирамида Сѣвера.

„Въ богатой одеждѣ стояла она, облокотясь на колонну, — продолжаетъ онъ свой разсказъ.—Ея величественный видъ, важность и благородство осанки, гордость ея взгляда, ея нѣсколько искусственная поза, все это поразило меня, и я окончательно все позабылъ. Къ счастью, не стараясь напрасно понуждать свою память, я рѣшился тутъ же сочинить рѣчь; но въ ней уже не было ни слова изъ той, которая была сообщена императрицѣ, и на которую она приготовила свой отвѣтъ. Это ее нѣсколько удивило, но не помѣшало тотчасъ же отвѣтить мнѣ чрезвычайно привѣтливо и ласково и высказать нѣсколько словъ, лестныхъ для меня лично".

Принцъ де-Линь, описывая Екатерину, сравниваетъ ее съ Королемъ-Солнцемъ: „при видѣ Людовика XIV—говоритъ онъ—всякій трепеталъ; при видѣ Екатерины всякій ободрялся". Сегюру пришлось на себѣ испытать правильность этого сужденія.

Екатерина была очень довольна новымъ посломъ, и писала о немъ въ письмѣ Гримму: „Я не удивляюсь репутаціи г. Сегюра,—она мнѣ кажется заслуженной, и навѣрное она лучше всего, что отъ васъ когда-либо пріѣзжало въ нашу страну". Черезъ нѣсколько времени Сегюръ получилъ приглашеніе въ Царское село.

II.

ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

„Я пишу вамъ въ кабинетѣ изъ массивнаго серебра, отчеканеннаго съ узоромъ изъ красныхъ листьевъ; четыре колонны съ тѣмъ же узоромъ поддерживаютъ зеркало, служащее балдахиномъ дивану, обитому ярко-зеленой матеріей съ серебромъ московскаго издѣлія; стѣны состоятъ изъ зеркалъ, которымъ серебряные пилястры съ красными же листьями служатъ рамами. Балконъ выходитъ въ садъ; дверь образуютъ два зеркала, такъ что она всегда кажется раскрытою, хотя бы была затворена. Этотъ кабинетъ очень роскошенъ, блестящъ, веселъ, не обремененъ тяжелыми украшеніями и очень пріятенъ. У меня есть другой, на которомъ, какъ на табакеркѣ, соединены бѣлый и голубой цвѣтъ съ бронзою; бѣлое и голубое стекло, а узоръ по нимъ—изъ арабесковъ".

Такъ писала Екатерина въ одномъ изъ писемъ къ Гримму. Она любила и свой серебряный кабинетъ, и кабинетъ-табакерку, и громадную колоннаду, съ широкимъ видомъ на окружающее море зелени. Любила прогуливаться по извилистымъ дорожкамъ вдоль озера, окруженная внуками, съ семилѣтнимъ Александромъ во главѣ, предшествуемая собаками, изъ потомства сэра Томаса Андерсона, подареннаго ей когда то англійскимъ докторомъ, привившимъ ей оспу; собаки носились кругомъ съ веселымъ лаемъ и визгомъ, и давали всѣмъ знать, гдѣ находится ихъ хозяйка. „Вы меня здѣсь не легко найдете послѣ обѣда,—писала Екатерина тому же Гримму:—потому что кромѣ семи комнатъ, украшенныхъ яшмою, настоящимъ и поддѣльнымъ мраморомъ, кромѣ сада, прямо прилегающаго къ моимъ покоямъ, я обладаю громадной колоннадой, которая примыкаетъ къ тому же саду и оканчивается лѣстницей, ведущей прямо къ озеру. И послѣ того ищите меня, если хотите; еслибъ вы когда-нибудь сюда пріѣхали, то развѣ только лай Томасовъ укажетъ вамъ путь, по которому я направляюсь, а иногда лепетъ пяти малютокъ (внучатъ), которые прилипаютъ ко мнѣ, какъ репьи, и надо мнѣ стряхнуться, чтобъ отогнать ихъ, потому что они никогда бы со мной не разставались“. Иногда раннимъ утромъ садилась она на Камероновой галлереѣ, посреди колоннады, и любовалась открывавшимся передъ ней просторомъ,—съ колоннады было видно на сто верстъ кругомъ; или прогуливалась по колоннадѣ, „между бронзовыми бюстами, тамъ стоящими,—Юлій Кесарь, Ахиллъ, Цицеронъ, Аполлонъ, Гомеръ и другіе,—со временемъ ихъ будетъ 82;—

вы не можете себѣ представить, какія прекрасныя мысли внушаетъ подобная компанія“...

Спустившись съ колоннады, Екатерина гуляла вдоль озера, и доходила до грота, стоявшаго у берега и глядѣвшагося въ воды озера. Этотъ гротъ былъ великолѣпенъ. Строилъ его еще при Елизаветѣ знаменитый

Колоннада и паркъ въ Царскомъ Селѣ при Екатеринѣ II.

Растрелли; но тогда онъ весь былъ покрытъ раковинами, на его убранство пошло 210 тысячъ большихъ раковинъ и 17 съ половиной пудовъ малыхъ. Теперь всѣ эти раковины были сняты, и гротъ былъ отдѣланъ гораздо проще. Высокая зала, устроенная внутри грота, дѣлилась арками на три части; красивыя желѣзныя рѣшетки на окнахъ и на дверяхъ, красивыя лѣпныя работы на стѣнахъ придавали всему зданію нарядный видъ. Здѣсь хранились ан-

тичные бюсты и статуи, собранные Екатериной, это была ея „зала антиковъ“: отсюда брались образцы для изготовленія копій, которыми Камеронъ украсилъ свою колоннаду. А посреди античныхъ Аполлоновъ и Антиноевъ — возсѣдалъ великій Фернейскій старецъ (Вольтеръ), весь изъ мрамора, и на мраморныхъ же креслахъ, — знаменитая статуя Гудона, присланная изъ Парижа. „Когда входишь въ эту залу, то, право, духъ захватываетъ,— писала Екатерина Гримму,—и—о чудо!—статуя Вольтера нисколько не теряетъ отъ всего, ее окружающаго. Вольтеръ прекрасно стоитъ тамъ; онъ любуется на лучшія статуи античныя и современныя“...

Въ этомъ гротѣ, посреди античныхъ бюстовъ и передъ лицомъ Вольтера, Екатерина часто проводила ранніе утренніе часы, занимаясь дѣлами или перепиской; здѣсь она, можетъ быть, писала и письма къ Гримму.

Въ 10 часовъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ утренней работы, императрица иногда оставалась тутъ же, въ гротѣ, завтракать; особымъ сигналомъ созывались къ ней ея приближенные, прибѣгали иной разъ и внуки, и изъ дворца приносили чай, кофе и шоколадъ. Откуда нибудь съ озера доносились звуки легкой музыки...

Въ часъ дня императрица обѣдала, въ большомъ обществѣ въ Камероновой галлереѣ, или въ тѣсномъ своемъ кругу, — въ Эрмитажѣ. Тамъ можно было обходиться безъ прислуги, и бесѣдовать на полной свободѣ: по знаку, данному особымъ шнуркомъ, изъ-подъ пола поднимались накрытые для обѣда или ужина столы, уставленные блюдами; передъ всѣми собравшимися оказывались аспидныя доски съ гри-

фелемъ,—достаточно было написать свое требованіе и дернуть шнурокъ—и черезъ нѣсколько мгновеній снизу появлялось заказанное блюдо. Здѣсь, въ Эрмитажѣ, устраивались и танцы, и спектакли. Екатерина писала потомъ Гримму: „Вчера здѣсь играли комедію; послѣ театра вся дипломатическая клика (послы) гуляла и ужинала со мной;—и всѣ были въ такомъ настроеніи, что находили все прелестнымъ, восхитительнымъ“...

Сюда, въ этотъ прелестный восхитительный уголокъ, былъ приглашенъ Сегюръ. Императрица собиралась показывать ему все Царское, со всѣми его строеніями, бесѣдками и аллеями, статуями антиковъ—и статуей Вольтера. Графъ прибылъ изъ Парижа, гдѣ вращался при образцовомъ дворѣ, прогуливался въ самомъ Версалѣ,—его не удивишь никакой роскошью; вѣдь у французскаго короля нѣсколько тысячъ царедворцевъ,—у русской императрицы всего по дюжинѣ камеръ-юнкеровъ, камергеровъ и фрейлинъ; но гротъ, эрмитажъ, колоннада, серебряный кабинетъ и голубой кабинетъ-табакерка навѣрно ему понравятся; и аллеи англійскаго сада,—онѣ не хуже „регулярныхъ аллей Версаля“.

III.

ВЪ ГОСТЯХЪ У ИМПЕРАТРИЦЫ.

Сегюръ былъ очарованъ тѣмъ, что видѣлъ, тѣмъ пріемомъ, какой былъ ему тамъ оказанъ, и писалъ въ своихъ запискахъ:

„Когда я пріѣхалъ туда, императрица была такъ добра, что сама показывала мнѣ всѣ красоты своего великолѣп-

наго загороднаго дворца. Свѣтлыя воды, тѣнистая зелень, изящныя бесѣдки, величественныя зданія, драгоцѣнная мебель, комнаты, покрытыя порфиромъ, лазоревымъ камнемъ и малахитомъ,—все это представляло волшебное зрѣлище и напоминало удивленному путешественнику дворцы и сады Армиды...

„При совершенной свободѣ, веселой бесѣдѣ и полномъ отсутствіи скуки и принужденія, одинъ только величественный дворецъ напоминалъ мнѣ, что я не просто на дачѣ у самой любезной, свѣтской женщины. Кобенцель былъ неисчерпаемо веселъ; Фитцъ Гербертъ (британскій посолъ) выказывалъ свой образованный, тонкій умъ, а Потемкинъ свою оригинальность, которая не оставляла его даже въ нерѣдкія минуты задумчивости и хандры. Императрица свободно говорила обо всемъ, исключая политики; она любила слушать разсказы, любила и сама разсказывать. Если бесѣда случайно умолкала, то оберъ шталмейстеръ Нарышкинъ своими шутками непремѣнно вызывалъ на смѣхъ и остроты.

„Почти все утро государыня занималась, и каждый изъ насъ могъ въ это время читать, писать, гулять, однимъ словомъ, дѣлать, что угодно. Обѣдъ, за которымъ бывало немного гостей, и немного блюдъ, былъ вкусенъ, простъ, безъ роскоши; послѣобѣденное время употреблялось на игру или на бесѣду; вечеромъ императрица уходила довольно рано, и мы собирались у Кобенцеля, у Фитцъ Герберта, у меня или у Потемкина“.

Во время прогулки по саду Екатерина привела Сегюра къ небольшому кладбищу, на которомъ были схоронены любимыя ея собаки, изъ фамиліи Андерсонъ.

Здѣсь подъ тремя мраморными плитами были закопаны бѣдныя животныя; подъ одной изъ плитъ была погребена недавно Земира. Екатерина разсказывала о ней Сегюру, и жалѣла, что никто не сочинилъ для Земиры какой-нибудь эпитафіи. Сегюръ любезно вызвался написать таковую. Онъ хотѣлъ только знать, что представляла собой покойница.

„Я полагаю, что вамъ достаточно будетъ знать, — возразила императрица,—что она родилась отъ двухъ англійскихъ собакъ: Тома и Лэди, что она имѣла множество достоинствъ и только иногда бывала немножко зла“. Этого было довольно; эпитафія скоро была готова. Она была написана по-французски.

„Эпитафія Земиры (переводъ).

Здѣсь пала Земира, и опечаленныя Граціи должны набросать цвѣтовъ на ея могилу. Какъ Томъ, ея предокъ, какъ Лэди, ея мать, она была постоянна въ своихъ склонностяхъ, легка на бѣгу и имѣла одинъ только недостатокъ,—была немножко сердита; но сердце ея было доброе. Когда любишь, всего опасаешься, а Земира такъ любила ту, которую весь свѣтъ любитъ, какъ она. Можно ли быть спокойною, при соперничествѣ такого множества народовъ! Боги, свидѣтели ея нѣжности, должны были бы наградить ее за вѣрность безсмертіемъ, чтобы она могла находиться безотлучно при своей повелительницѣ“.

Императрицѣ такъ понравились эти стихи, что она приказала вырѣзать ихъ на камнѣ, служившемъ надгробнымъ памятникомъ Земирѣ.

IV.

НОВОРОССІЯ.

Новороссія, куда собиралась ѣхать Екатерина, была для Россіи дѣйствительно новой областью. Въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія своей исторіи, русскій народъ не могъ свободно селиться въ степи, гдѣ господствовали кочевники; весь южный край съ его богатѣйшимъ черноземомъ былъ закрытъ для русской колонизаціи; спускаться туда рѣшались, да и то съ большою оглядкой, одни бѣглецы-казаки, которымъ некуда было больше итти. Только съ Ивана Грознаго началось движеніе на югъ, за Оку, гдѣ въ степи стали строиться русскіе города,—Тула Орелъ и другіе; и въ теченіе двухъ вѣковъ выросли одна за другой пять укрѣпленныхъ линій, пять рядовъ крѣпостей, съ валами, рвами и засѣками, все дальше и дальше отводившихъ русскій рубежъ къ югу. Россія постепенно повертывалась лицомъ къ югу, населеніе спускалось на югъ, на „червонное золото“ южнаго чернозема, передъ русскими людьми открывались неисчерпаемыя богатства обѣтованной страны,—полуденнаго края. Начиналась тяга къ Черному морю.

До половины XVIII вѣка пространства къ югу отъ Кіева и Чернигова, Полтавы и Харькова оставались еще пустыми, незаселенными. Украинская укрѣпленная черта, возведенная Минихомъ, была южной границей Россіи. Только днѣпрскіе запорожцы двигались глубже въ степи. Съ половины XVIII вѣка началось заселеніе степей къ югу отъ этой черты,—Крымъ приходилъ въ упадокъ и

не внушалъ уже прежняго страха. При Елизаветѣ Петровнѣ сюда устремились поселенцы съ славянскаго юга,—сербы, хорваты изъ Австріи; они шли сюда цѣлыми полками, со своими полковниками—Хорватомъ, Шевичемъ, Прерадовичемъ во главѣ, и селились на всемъ пространствѣ отъ южнаго Буга—черезъ Днѣпръ—до Сѣв. Донца; выростали военные поселки, формировались новые гусарскіе полки, заселялись новыя русскія окраины, Новосербія, Славяносербія.

Екатерина II разрѣшила селиться тамъ русскимъ бѣглымъ, раскольникамъ и инымъ, уходившимъ раньше за русскій рубежъ. Къ 1764 г. здѣсь было уже до 200 селеній и свыше ста тысячъ жителей.

Послѣ первой турецкой войны Екатерины южный предѣлъ Россіи продвинулся еще дальше на югъ и достигъ уже Чернаго моря,—двумя рукавами, въ Керчи и Азовѣ—и въ Кинбурнѣ—охвативъ съ обѣихъ сторонъ Крымъ. Затѣмъ сталъ русскимъ владѣніемъ и татарскій Крымъ. Движеніе къ Черному морю было завершено; теперь надо было заселить новыя области, закрѣпить ихъ прочнѣе за Россіей. Во главѣ этого дѣла былъ поставленъ Потемкинъ. Съ 1774 г. онъ сдѣлался главнымъ командиромъ Новороссіи, а съ 1777 г. ему же были подчинены и двѣ губерніи нижняго Поволжья, Саратовская и Астраханская; въ его рукахъ была теперь вся южная Россія; четыре большихъ русскихъ рѣки: Бугъ, Днѣпръ, Донъ и Волга, въ его намѣстничествѣ впадали въ моря; онъ былъ намѣстникомъ трехъ южныхъ морей Россіи, Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго; вся „обѣтованная страна“ подчинилась его единой власти.

Первые 6 лѣтъ своего управленія Новороссіей Потемкинъ оставался въ сѣверной столицѣ и правилъ страной изъ Петербурга. Въ эти 6 лѣтъ онъ уничтожилъ окончательно Запорожскую сѣчь, тревожившую мирныхъ поселенцевъ своими грабежами, призвалъ новыхъ поселенцевъ—грековъ, участниковъ турецкой войны Россіи, переформировалъ мѣстные полки, ввелъ подушную подать, выстроилъ новыя верфи въ Таганрогѣ, основалъ новые большіе города,—Херсонъ, Екатеринославъ.

Съ 1780 г. Потемкинъ самъ явился на югѣ и принялся съ большимъ жаромъ за колонизацію и устройство Новороссіи. Онъ усиленно привлекалъ въ страну новыхъ колонистовъ, призывалъ русскихъ бѣглецовъ, сулилъ имъ всякія облегченія и льготы, приглашалъ грековъ и армянъ изъ Крыма, корсиканцевъ съ Корсики. Всѣмъ имъ раздавались казенныя плодоносныя земли.

Потемкинъ заботился не только о заселеніи края, но о его обогащеніи о развитіи въ немъ хозяйства. Онъ выписывалъ изъ-за моря сѣмена, устраивалъ сады и огороды, хлопчатыя плантаціи и виноградники, сажалъ тутовыя деревья и разводилъ шелковичныхъ червей. Въ одномъ изъ писемъ къ императрицѣ, посылая ей дорогую шелковую матерію, Потемкинъ писалъ: „Вы приказали червямъ работать на людей... Ахтуба приноситъ Вамъ на платье. Если моленіе мое услышано будетъ, то Богъ продлитъ лѣта Ваши до позднѣйшихъ временъ, и Ты, милосердая мать, посѣщая страны, мнѣ подчиненныя, увидишь шелками устланъ путь“.

Усиленно строились въ Новороссіи города. Для строенія Херсона были вызваны 3 полка солдатъ и 500 ко-

рабельныхъ плотниковъ выписано изъ Россіи. Въ немного лѣтъ здѣсь выросъ цѣлый городъ, крѣпость и порты.

„Черезъ 2 года по основаніи сюда уже приходили иноземные корабли, народъ стремился со всѣхъ сторонъ и обогащался, иностранцы завели коммерческіе домы.“ Хер онъ долженъ былъ сдѣлаться вторымъ Петербургомъ.

Въ 1782 г. Новороссію посѣтилъ президентъ Академіи Наукъ, бывшій малороссійскій гетманъ гр. К. Г. Разумовскій. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Ковалинскому онъ такъ описывалъ свое путешествіе: „Въ сдѣланномъ мною въ Херсонъ вояжѣ я ощущалъ особливое удовольствіе, ибо не точію въ путешествіи семъ не имѣлъ никакого безпокойства, но зрѣніе мое безпрестанно занималось пріятнымъ удивленіемъ, поколику на самой той ужасной своей пустотой степи, гдѣ въ недавнемъ времени едва кое-гдѣ разсѣянныя обрѣтаемы были ничего не значущія избушки, называемыя отъ бывшихъ запорожцевъ зимовниками, на сей пустотѣ, особливо по Херсонскому пути, начиная отъ самаго Кременчуга, нашелъ я довольныя селенія верстахъ въ 20, въ 25 и не далѣе 30, большею же частью при обильныхъ водахъ.

„Что принадлежитъ до самаго Херсона, то, кромѣ извѣстнаго великолѣпнаго Днѣпра, представьте себѣ множество всякій часъ умножающихся каменныхъ зданій, крѣпость, замыкавшую въ себѣ цитадель, и лучшія строенія, адмиралтейство съ строющимися и построенными уже кораблями, обширное предмѣстье, обитаемое купечествомъ и мѣщанами, разнородными, съ одной стороны,

казармы, около 10 тысячъ военнослужащихъ въ себѣ вмѣщающія, съ другой. Присовокупите къ сему и видопріятный островъ съ карантинными строеніями, съ греческими купеческими кораблями и съ проводимыми для выхода сихъ судовъ каналами. Все сіе вообразите, и тогда вы не удивитесь, когда вамъ скажу, что я и понынѣ не могу выйти изъ недоумѣнія о толь скоромъ возращеніи на мѣстѣ, гдѣ такъ недавно одинъ только обрѣтался зимовникъ. Не говорю уже о томъ, что сей городъ, конечно, въ скорости процвѣтетъ богатствомъ и коммерціей, сколь то видѣть можно изъ зависднаго начала оной. Херсонъ для меня столь показался пріятенъ, что я взялъ въ немъ и мѣсто для постройки дома, на случай, хоть быть тамъ нѣкогда и согражданиномъ.

„Скажу вамъ и то, что не одинъ сей городъ занималъ мое вниманіе. Новые и весьма недавно также основанные города Никополь, Новый Кондакъ, лѣпоустроенный Екатеринославль. Къ тому же присовокупить должно расчищенные и къ судоходству удобными сдѣланные Ненасытицкіе пороги съ проведеннымъ и проводимымъ при нихъ съ невѣроятнымъ успѣхомъ каналомъ, равно достойны всякаго вниманія и разума человѣческаго“.

Движеніе Россіи на югъ, къ Черному морю, не могло не встревожить турокъ. Можно было предвидѣть, что Турція возьмется за оружіе чтобы остановить этотъ ростъ Россіи и положить ему предѣлъ. Въ ожиданіи будущей войны Потемкинъ спѣшилъ вооружаться.

Получивъ для этой цѣли изъ казны 18 милліоновъ рублей, онъ занялся военной подготовкой края: въ Херсонѣ и Кременчугѣ лили пушки, въ Херсонѣ и Таганрогѣ стро-

или корабли, въ Херсонѣ, Кинбурнѣ, Кизикерменѣ, Керчи, Еникалѣ возводились крѣпости. Двѣ русскихъ арміи стояли въ южныхъ губерніяхъ Россіи,—одна въ Малороссіи —Румянцева,—другая въ Новороссіи,—Потемкина. Въ Крыму бывшая Ахтіарская гавань обращалась въ военный Севастопольскій портъ; сооружался военный черноморскій флотъ,—строились линейные корабли и фрегаты; лѣсъ для постройки сплавлялся по рѣкамъ изъ Полтавы, Воронежа, Бѣлоруссіи, желѣзо шло съ сибирскихъ заводовъ, рабочіе выписывались изъ внутреннихъ губерній.

Столицей новаго края долженъ былъ сдѣлаться новый городъ, построенный во славу Екатерины,—Екатеринградъ или Екатеринославъ. Цѣлая армія рабочихъ строила этотъ городъ, начиная съ 1785 года.

Заготовлялись для построекъ матеріалы, ассигновывались большія денежныя средства; на первые расходы отпущено были 200 тыс. рублей. Все дѣлалось на широкую ногу. На казенный счетъ строили каменные дома, и сдавали всѣмъ желающимъ, чтобы привлечь побольше поселенцевъ. Должны были строиться 12 фабрикъ и „лавки полукружіемъ, на подобіе Пропилей или преддверія Афинскаго“, съ биржей посрединѣ, „судилище на подобіе древнихъ базиликъ“. Улицы должны были быть шириной въ 30 саженъ, а весь городъ долженъ былъ раскинуться на 300 кв. верстахъ, и тянуться вдоль Днѣпра на 25 верстъ; на одни городскіе выгоны для скота отводилось 80 тысячъ десятинъ земли. Городской соборъ долженъ былъ быть копіей св. Петра въ Римѣ, только на аршинчикъ больше. Затѣмъ предполагалось открытіе театра, музыкальной академіи или консерваторіи, и уни-

верситета. Въ университетѣ должны были преподаваться „не только науки, но и художества“, и при томъ—„какъ для подданныхъ Россійскихъ, такъ и для сосѣдственныхъ народовъ, наипаче же единовѣрныхъ съ нами“. Потемкинъ надѣялся, что „по сосѣдству Польши, Греціи, земель Волошской, Молдавской и народовъ иллирійскихъ, множество притечетъ „туда юношества обучаться“. Толковали уже объ обсерваторіи, о цѣломъ латинскомъ кварталѣ для профессоровъ и студентовъ; учреждена была университетская канцелярія, положено жалованье профессорамъ и приглашены нѣкоторые изъ нихъ; былъ назначенъ и директоръ консерваторіи, извѣстный музыкантъ и композиторъ Сарти. Столица Новороссіи должна была вырости изъ земли съ американскою быстротой.

Въ столицѣ новой страны строился и дворецъ ея правителя, Потемкина. При дворцѣ разбивался обширный садъ съ двумя оранжереями: въ одной изъ нихъ разводились ананасы, въ другой—лимоны и апельсины, финики и гранаты, лавры и померанцы. Здѣсь собирался намѣстникъ Новороссіи принимать императрицу.

Къ 1787 г., когда Екатерина рѣшила посѣтить Новороссію, въ ней было населенія уже 700 тысячъ человѣкъ.

V.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ ПОТЕМКИНА.

Первая мысль о путешествіи въ южную Россію, во вновь пріобрѣтенные полуденные края, возникла еще въ 1780 г., во время свиданія въ Смоленскѣ съ Іосифомъ II.

Австрійскій императоръ, пріѣзжавшій подъ именемъ графа Фалькенштейна, обѣщалъ русской государынѣ посѣтить ее въ тѣхъ мѣстахъ и встрѣтиться съ ней въ Херсонѣ. Но тогда Крымъ не былъ еще присоединенъ къ Россіи. Послѣ присоединенія Крыма мысль эта еще болѣе укрѣпилась. Екатерина собиралась ѣхать на югъ лѣтомъ 1784 г., но чума, занесенная войной въ Херсонъ, тогда помѣшала.

Затѣмъ мысль эта возродилась снова. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, это было дѣломъ враговъ Потемкина; они хотѣли свалить свѣтлѣйшаго, чтобы самимъ занять его мѣсто; одинъ изъ нихъ предложилъ императрицѣ отправиться въ Новороссію и Крымъ, чтобы лично убѣдиться въ царящихъ тамъ порядкахъ. Разсказывали, будто Потемкинъ, узнавъ объ этомъ, „сильно перепугался и даже сознался, что полученные имъ для административныхъ цѣлей 3 милліона рублей истратилъ на собственныя частныя нужды“... Но провѣрка была отложена на 3 года; этого времени было достаточно, чтобы подготовить не паденіе, а торжество Потемкина.

Съ осени 1784 г. Потемкинъ занялся приготовленіями въ своемъ намѣстничествѣ къ пріему императрицы.

Мѣстнымъ губернаторамъ посланъ былъ подробный приказъ,—строить дворцы, заводить дороги, садить плантаціи, устраивать кирпичные и черепичные заводы, рыть колодцы, заготовлять и подвозить матеріалы для скорѣйшей постройки Екатеринослава. Далѣе говорилось о приготовленіи для высочайшей путешественницы потребнаго числа лошадей, объ устройствѣ по пути обѣденныхъ столовъ, о квартирахъ для свиты, о мебели и т. п.

Особенно трудно было организовать поставку лошадей. Ихъ должны были давать мѣстные жители. Лошадей требовалось громадное количество. Отъ Петербурга до Кіева устроено было 76 станцій, и на каждой надо было приготовить по 550 лошадей, всего только до Кіева 41800 лошадей. На всемъ протяженіи пути въ оба конца, туда и обратно—лошадей нужно было 110 тысячъ; это стоило населенію не менѣе 5 милліоновъ рублей. Лошадей ставили губерніи, лежавшія близь пути, по которому должны были ѣхать путешественники; губерніи, далеко находившіяся отъ пути „шествія", должны были откупаться отъ лошадиной повинности деньгами; такъ платили деньгами губерніи Колыванская, Пермская, Кавказская, Тобольская, Иркутская; въ Костромской губерніи съ одной только волости было собрано (по 30 коп. съ души) 830 р. Сверхъ того, на расходы пути была увеличена подушная подать, на 20 к. съ души, и такимъ путемъ получено 2 милліона рублей.

На всѣхъ станціяхъ должны были быть устроены помѣщенія для остановки и заготовлены съѣстные припасы. Въ однихъ мѣстахъ строились дворцы, съ новой спеціально заказанной мебелью, въ другихъ—крытыя галлереи, по коимъ разставлялись столы съ явствами, „съ приличными напитками и приборомъ". За столомъ подавалось каждый разъ совершенно новое столовое бѣлье. Въ городахъ отводилось по 25 квартиръ для свиты императрицы. Съѣстные припасы требовались по расписанію: „рогатыхъ скотинъ на станціи по 3, телятъ, хорошо выпоенныхъ по 3, барановъ 10, птицъ: курей 15, гусей 15, и дикихъ птицъ сколько можно, муки крупичатой

2 пуда, сыръ голландской, масла коровья пудъ, сливокъ 2 ведра, яицъ 500, окороковъ 6, чаю фунтъ, кофе полпуда, масла прованскаго полдюжины, сельдей боченокъ, сахару 2 пуда, самовары, чайники большіе, доски подносныя, чайные приборы, такожъ и вина бѣлаго и краснаго французскихъ по 3 ведра, водки французской, сладкой и крѣпкой водки штофовъ по 5, аглицкаго пива по 4 дюжины, лимоновъ 50, столовое бѣлье, столовые приборы, посуда столовая и поваренная, поваровъ и прочее, что до столовъ нужно, и служителей въ хорошемъ одѣяніи.

„На тѣхъ станціяхъ, гдѣ ни обѣда, ни ночлега не означено, должно быть въ заготовленіи блюдамъ съ жареными разнаго рода холодными блюдами, пирогами, сыръ, масло, окороки, словомъ, съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ со всѣхъ, о коихъ выше упомянуто, поставлять половинное количество противъ прежняго пункта“. Все, что можно, рекомендовалось присылать на станціи изъ дворянскихъ домовъ безденежно; деньги же требовались больше на то, что надо было купить,—на конфеты, на пряное варенье и т. п., и на иллюминацію: „необходимо надобна иллюминація, для которой отъ каждаго уѣзда прислать по 6 рублей денегъ“.

Объ одной изъ дорогъ, по которой должна была проѣхать Екатерина, Потемкинъ писалъ, чтобы сдѣлали ее „богатою рукою, чтобы не уступала римскимъ дорогамъ; я назову ее Екатерининскій путь“. Въ разныхъ мѣстахъ сооружались тріумфальныя арки и ворота; на Днѣпрѣ, противъ Херсона, былъ въ полгода выстроенъ новый совсѣмъ городокъ Алешинъ и заселенъ нарочно выписанными малороссами.

Въ разныхъ мѣстахъ, черезъ которыя должна была проѣзжать императрица, были выработаны особые планы и церемоніалы торжественныхъ встрѣчъ и пріемовъ. Встрѣчать высокихъ гостей должны были на границѣ уѣздовъ уѣздный предводитель дворянства съ верхокон-ными молодыми дворянами, и затѣмъ препровождать до мѣста, до дворца; у „опровожателей", молодыхъ дворянъ, должны быть „на лошадяхъ уборы, по возможности хо-рошіе, сами въ губернскихъ мундирахъ, въ шляпахъ съ бантами, въ перчаткахъ, въ щиблетахъ";—а „буде бы кто изъ господъ дворянъ чѣмъ ослушнымъ или нерадивымъ оказался, таковой подвергаетъ честь, жизнь и имѣ-ніе свое опасности". По городскимъ улицамъ „граждане стоять по обѣ стороны въ случаѣ же не помѣще-нія, по великости стеченія онаго, позволить быть на кровляхъ и заборахъ;—во время шествія, никому черезъ улицы не перебѣгать;—улицы въ селеніяхъ наметать тра-вою съ полевыми цвѣтами, не густо посыпанными, но ельнику нигдѣ не употреблять и деревьями не усаживать, —никакихъ повозокъ по большой улицѣ не терпѣть, и ни-кто бы навстрѣчу не ѣхалъ".—„Во всѣхъ на дорогѣ се леніяхъ жителей поставить по обѣимъ сторонамъ улицы, такъ какъ и изъ окружныхъ близь лежащихъ селеній прика-зать быть, при тѣхъ же самыхъ деревняхъ, кои на трак-тѣ, гдѣ будутъ удобнѣе мѣста при дорогѣ для пастьбы скота, то изъ окружныхъ селеній приказать на оныхъ мѣстахъ на тотъ день, когда будетъ шествіе, пригнать, дабы въ проѣздѣ отъ поселянъ во всѣхъ частяхъ лучшей видъ былъ представленъ. При всѣхъ оныхъ крестьянахъ должны быть тѣхъ селеній начальники, кои наблюдаютъ

между ими тишину и порядокъ, чтобъ всѣ крестьяне были въ пристойной крестьянской чистой одеждѣ; такъ же строго смотрятъ того, чтобъ между сими поселянами не было больныхъ и увѣчныхъ".

Императрицу должны были встрѣчать представители мѣстнаго населенія, въ томъ числѣ крымскіе и ногайскіе татары, киргизы, туркмены и другіе.

Дѣвкамъ и женщинамъ предписывалось подносить императрицѣ пучки цвѣтовъ и травъ, связанныхъ красной лентой, и бросать подъ карету цвѣты, а прочимъ „изъявлять свои восхищенія приличными поступками и привѣтствіями"; только чтобы не было никого „въ развращенныхъ и разодранныхъ одеждахъ, а особливо пьяныхъ и нищихъ". Несомнѣнно,—говорилось въ одномъ церемоніалѣ встрѣчи,—что „господа дворяне, хотя на станціяхъ и безъ того уже будутъ приготовлены лошади,—еще „поусердствуютъ", и „приготовятъ" въ упряжку подъ имп. карету по 12 лошадей и при нихъ по 4 человѣка форейторовъ въ красныхъ камзольчикахъ съ красными стоячими воротниками, обшлага подъ кладки зеленые съ бѣлыми жёлетами, и такимъ же исподнимъ платьемъ въ черныхъ картузахъ". При этомъ напоминалось жителямъ, чтобы они не смѣли подавать государынѣ челобитныя, такъ какъ это запрещено закономъ 1765 г., подъ страхомъ жестокихъ каръ: для кого—вычета изъ оклада, лишенія чина, ссылки въ свои деревни, а для кого—и плетей, и рекрутчины, и каторги.

Во все время плаванія (2 недѣли), запрещалась всякая переправа; въ Харьковской губерніи должна была на день въѣзда прекратиться дѣятельность судебныхъ учрежденій,

и судьи были освобождены отъ обязанностей „на сей высокій, знаменитый случай“.

Въ Крыму также принимались энергичныя мѣры. Для проведенія новыхъ дорогъ раскапывались горы, разставлялись верстовые столбы и каменныя мили, сажались вдоль дорогъ ряды деревьевъ. Въ городахъ нѣкоторыя улицы застраивались „хорошими домами и лавками“, а худые ломались и увозились; „какъ нѣту способу совсѣмъ привести въ красоту города теперешніе,—писалъ въ Крымъ Потемкинъ,—то по меньшей мѣрѣ сдѣлать сколь можно опрятнѣе“. Во исполненіе этого приказа города чистились и бѣлились, на домахъ поправлялись крыши, приводились въ исправность трубы. По большой дорогѣ, гдѣ должна ѣхать императрица, предписано было, „отступя 10 саженей, всѣ удобныя мѣста къ посѣянію хлѣба—вспахать и засѣять“,—дабы можно было усмотрѣть, „что здѣшніе жители не въ праздности и лѣности дни свои провождаютъ“. Въ городахъ и на станціяхъ строились дворцы, съ пріемными и столовыми, кабинетами и буфетами, передними, передпередними и „маленькими апартаментами“. Для дворцовъ отправлялись изъ Москвы цѣлые транспорты съ вещами,—кибитки на полозьяхъ, груженыя люстрами и зеркалами, ломберными столами и т. д. Во дворцахъ комнаты украшались зеркалами въ золотыхъ рамахъ, мраморными каминами, хрустальными люстрами, канапе, обитыми краснымъ сафьяномъ, на стѣнахъ вѣшались гардины изъ зеленой тафты съ шелковыми кистями, а въ другихъ покояхъ—изъ бѣлаго миткалю и краснаго кумачу, съ ки-

стями и съ бахрамой. Полы застилались коврами малиноваго или зеленаго сукна, а стѣны обивались парчей или голубой тафтой. Стулья были плетеные крашеные, были и съ бусами и съ перилами, съ красной шелковой обивкой и съ красными сафьянными подушками. Припасались и платяныя щетки, и крылья для сметанія пыли, и уксусъ для окуриванья дворцовъ. Заранѣе набиралась прислуга; въ одинъ дворецъ въ Бахчисараѣ требовалось для императрицы и ея свиты 188 человѣкъ прислуги. Въ Харьковъ и Кременчугъ посылали за сѣрою и селитрой для фейерверковъ; для той же цѣли требовалась драня,—ее брали съ кровель крестьянскихъ избъ. Нечего говорить о томъ, сколько припасалось фруктовъ, конфектъ, шоколаду, пива, винъ и сироповъ. Даже веревокъ для вожжей велѣно было заготовить не менѣе 10 тысячъ саженей.

Въ 1786 г. Потемкинъ самъ отбылъ на югъ, чтобы руководить лично всѣми приготовленіями. Мѣстный архіерей не зналъ, на какую тему говорить ему слово при встрѣчѣ императрицы; Потемкинъ написалъ ему тему собственноручно. Музыкантъ, директоръ будущей консерваторіи, Сарти сочинилъ для пріема императрицы торжественную ораторію; Потемкинъ прослушалъ самъ заранѣе эту ораторію. Затѣмъ Потемкинъ самолично посѣтилъ Крымъ, и объѣхалъ всѣ мѣста, по какимъ должна была „шествовать“ императрица.

Для встрѣчи императрицы, чтобы было ей что показать, принимались и другого рода мѣры. Тамъ, гдѣ не было еще никакихъ селеній, среди пустыни воздвигались великолѣпныя декораціи, и цѣлые села и города

разрисовывались на полотнѣ; толпы людей, собранныхъ издалека, пригонялись къ мѣстамъ, черезъ которыя лежалъ путь императрицы, и въ нарядныхъ костюмахъ, въ цвѣтахъ и лентахъ, должны были ее привѣтствовать. Заранѣе заготовлялись стада скота, которыя нужно будетъ перегонять съ мѣста на мѣсто, и всюду показывать тѣ же стада императрицѣ. Въ громадныхъ житницахъ и амбарахъ для хлѣба мѣшки наполнялись, вмѣсто пшеницы, пескомъ, такъ какъ не было столько хлѣба, чтобы произвести надлежащее впечатлѣніе.

Такъ создавалась та чудная панорама, та волшебная феерія полуденнаго края, которую собирался показать Екатеринѣ Потемкинъ. Одинъ изъ сотрудниковъ его, Чертковъ, дивился его необыкновенному искусству: „Я былъ съ его свѣтлостью,—разсказывалъ онъ,—въ Тавридѣ, въ Херсонѣ, въ Кременчугѣ мѣсяца за два до пріѣзда туда ея величества. Нигдѣ тамъ ничего не видно было отмѣннаго; словомъ, я сожалѣлъ, что его свѣтлость позвалъ туда ея имп. величество попустому. Пріѣхавъ съ государыней, Богъ знаетъ, что тамъ за чудеса явилися. Чортъ знаетъ, откуда взялись строенія, войска, людство, татарва, одѣтая прекрасно, казаки, корабли... Ну, ну, Богъ знаетъ что... Какое изобиліе въ явствахъ, въ напиткахъ, словомъ, во всемъ,—ну, знаешь, такъ, что придумать нельзя, чтобъ пересказать порядочно. Я тогда ходилъ, какъ во снѣ, право, какъ сонный. Самъ себѣ ни въ чемъ не вѣрилъ, щупалъ себя: я ли? гдѣ я? не мечту ли, или не привидѣніе ли вижу? Ну-у! надобно правду сказать: ему,—ему только одному можно такія дѣла дѣлать; и когда онъ успѣлъ все это сдѣлать? Ка-

жется, не видно было, чтобы онъ въ Кіевѣ занимался слишкомъ дѣлами... Ну, подлинно, удивилъ. Не духи ли какіе-нибудь ему прислуживаютъ?..“

Графъ Ліенжеронъ, бывшій позднѣе правителемъ южныхъ областей, также дивился искусству Потемкина. „Какимъ чародѣйствомъ—спрашивалъ онъ—можно породить подобныя чудеса? —И разсказываетъ, что это было за чародѣйство. „Надо сказать,- продолжаетъ онъ,—они были созданы тиранiей и страхомъ, и разореніемъ нѣсколькихъ провинцій. Изъ населенныхъ губерній Малороссіи и тѣхъ мѣстъ, по которымъ не слѣдовала государыня, все населеніе было пригнано въ эти пустыни; тысячи деревень были на это время выселены, и всѣ ихъ обитатели со всѣми стадами препровождены на разныя намѣченныя станціи. Ихъ заставили спѣшно строить искусственныя деревни на ближайшихъ берегахъ Днѣпра и фасады деревень въ отдаленіи. Когда государыня проѣзжала, всѣхъ этихъ несчастныхъ гнали обратно, многіе умерли вслѣдствіе такого переселенія... Будучи 30 лѣтъ спустя генералъ-губернаторъ этихъ провинцій, я могъ удостовѣриться въ истинности этихъ подробностей, показавшихся мнѣ сначала невѣроятными“.

VI.

СБОРЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЪ ПУТЬ.

1 января 1787 г. Екатерина писала Гримму: „Завтра я ѣду отсюда въ Царское село, а оттуда 7 января выѣзжаю въ Кіевъ. Столъ мой уже пустъ и вполнѣ очищенъ. Со мною поѣдутъ мои три карманные министра...“

Участвовать въ путешествіи долженъ былъ и принцъ де-Линь. Принцъ былъ не менѣе блестящимъ спутникомъ для Екатерины, чѣмъ графъ Сегюръ, котораго она такъ цѣнила за его любезность. Это былъ незамѣнимый человѣкъ. „Во всѣхъ европейскихъ дворахъ—разсказываетъ Сегюръ,—его принимали и ласкали. Его любили за добродушіе и обходительность, за оригинальный умъ и живое воображеніе; онъ могъ оживить самое бездушное общество. Онъ отличался рыцарскою храбростью на войнѣ, обладалъ обширными свѣдѣніями въ военныхъ наукахъ, исторіи и литературѣ, былъ внимателенъ, ласковъ со стариками, перещеголялъ молодежь своей живостью, участвовалъ во всѣхъ забавахъ своего времени, во всѣхъ войнахъ, во всѣхъ торжествахъ. Въ 50 лѣтъ *) онъ сохранилъ свою мужественную красоту. Умомъ своимъ онъ былъ еще 20-лѣтній юноша. Вѣжливый съ равными, ласковый съ низшими, развязный съ высшими и монархами, онъ умѣлъ обойтись со всякимъ, ни передъ кѣмъ не терялся, писалъ стихи всѣмъ дамамъ... Другой старикъ съ такимъ безпечнымъ нравомъ показался бы смѣшнымъ, но де-Линь былъ такъ разнообразенъ, любезенъ, остроуменъ и притомъ такъ добродушенъ, что нравился даже своими недостатками“.

Екатерина писала ему еще въ сентябрѣ 1786 г. „Я, наконецъ, назначила время моего путешествія въ Тавриду. Я выѣду отсюда въ первыхъ числахъ января, 18 дней буду въ дорогѣ до Кіева, тамъ терпѣливо подожду вскрытія Днѣпра и тѣхъ, кто пожелаетъ сопровождать

*) Ему было тогда 52 года.

Принцъ де-Линь.

меня въ плаваніи, въ началѣ апрѣля. Я употреблю на это, какъ видите, цѣлыхъ два мѣсяца. Потомъ я повезу своихъ спутниковъ въ страну въ которой, говорятъ, обитала нѣкогда Ифигенія. Одно названіе этой страны оживляетъ воображеніе; самыя разнообразныя измышленія распускаются по поводу моего пребыванія тамъ. Вѣрно то, что я буду очень рада васъ снова увидѣть; я надѣюсь повезти туда множество вашихъ знакомыхъ и многихъ министровъ міра, въ присутствіи которыхъ не можетъ произойти никакой битвы". Въ декабрѣ она писала ему опять о своемъ шествіи въ полуденные края: „Весьма далека будучи отъ того, чтобы быть похожею въ моемъ шествіи на блистательный образъ солнца, какъ вы выражаетесь, мы принимаемъ, напротивъ того, всевозможныя предосторожности, чтобы имѣть видъ очень густыхъ тучъ, такъ какъ каждая изъ звѣздъ, меня сопровождающихъ, запаслась хорошей, густого мѣха черной шубой"...

Къ этому, изъ скромности, она прибавила: „Желаю, чтобъ это путешествіе вамъ не наскучило; мы вѣдь какъ голова Медузы, приводящая въ остолбенѣніе всѣхъ, кто увидитъ ее, мы вовсе не составляемъ пріятнаго общества".

Сегюръ разсказываетъ о де-Линѣ:

„Онъ былъ въ большой милости у императрицы. Едва онъ пріѣхалъ, какъ она объявила ему, что жалуетъ его имѣніемъ въ Крыму, на берегу Чернаго моря, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, находился храмъ, въ которомъ царевна Ифигенія была жрицею".

„Я уже нѣсколько лѣтъ былъ друженъ съ де-Линемъ,—

прибавляетъ Сегюръ,—и потому болѣе другихъ наслаждался пріятною мыслью, что буду имѣть въ пути такого милаго товарища".

Для Сегюра, впрочемъ, путешествіе казалось не простой увеселительной прогулкой. Онъ опасался, какъ бы оно не приняло характера серьезной политической демонстраціи противъ турокъ, и не повело бы къ войнѣ съ ними. „Императрица намѣревается короновать въ Херсонѣ внука своего Константина, въ надеждѣ возбудить этимъ въ грекахъ желаніе свергнуть турецкое иго,—писалъ онъ французскимъ министрамъ.—Вслѣдствіе этого громадная Оттоманская имперія рано или поздно должна рушиться среди ужасовъ продолжительной междоусобной войны. Планъ этотъ—прибавляетъ французскій посолъ—казался мнѣ несбыточнымъ, но онъ встревожитъ турокъ, и этого было достаточно, чтобы повести къ раздору. Мы въ такомъ случаѣ возбудили бы противъ себя Россію, и лишились бы надежды когда-либо окончить торговый договоръ".

Сегюръ спѣшилъ заключить этотъ договоръ, и такъ какъ переговоры плохо подвигались впередъ,—русскіе министры тормозили дѣло, подымая споры то изъ за пошлинъ на французское вино и мыло, то изъ за пошлинъ на русское желѣзо,—Сегюръ обратился, наконецъ, къ содѣйствію фаворита Мамонова; сразу все уладилось безъ труда. „Какая то тайная сила подѣйствовала на расположеніе русскихъ министровъ; Воронцовъ сталъ уступчивѣе, Безбородко дѣятельнѣе, Остерманъ любезнѣе. Всѣ почти перемѣны, какихъ желалъ нашъ (франц.) дворъ, были сдѣланы". Послѣ еще нѣсколькихъ совѣщаній, договоръ, выгодный для Франціи, былъ подписанъ.

Екатерина хотѣла взять съ собой въ путешествіе старшихъ внуковъ своихъ, великихъ князей Александра и Константина. Родители ихъ, великій князь Павелъ съ супругой Маріей Федоровной, очень противились этому, не желая отпускать на такой долгій срокъ дѣтей, считая это для себя—слишкомъ тяжелымъ, а для дѣтей—опаснымъ. Они писали императрицѣ: „Мысль быть въ разлукѣ съ Вашимъ Имп. Величествомъ въ теченіе шести мѣсяцевъ была уже сама по себѣ тяжела для насъ, но долгъ принудилъ насъ уважать молчаніе Ваше, Государыня, по поводу путешествія этого и скрывать горесть нашу; но извѣстіе о данныхъ Вами приказаніяхъ касательно приготовленій къ путешествію сыновей нашихъ довершило нашу скорбь, ибо уже одна мысль, Государыня, быть въ разлукѣ съ Вами и съ ними слишкомъ тягостна для насъ... Опасенія наши, Государыня, основываются на здоровьѣ дѣтей нашихъ, нѣжный возрастъ которыхъ возбуждаетъ сомнѣнія, вынесутъ ли они утомленіе долгаго пути, предпринятаго среди зимы, и перемѣну климата... Путешествіе это и сопряженныя съ нимъ развлеченія могутъ замедлить успѣхи ихъ воспитанія“.

Екатерина отвѣчала имъ: „Любезнѣйшія дѣти мои. Мать, видя огорченіе своихъ дѣтей, можетъ только совѣтовать имъ умѣрить огорченіе это... Дѣти ваши принадлежатъ вамъ, принадлежатъ мнѣ, принадлежатъ государству. Съ самаго ихъ младенчества я вмѣнила себѣ въ обязанность и за удовольствіе считала прилагать о нихъ нѣжнѣйшія попеченія. Вы неоднократно выражали мнѣ изустно и письменно, что на заботливость мою о нихъ смотрите, какъ на истинное счастіе для дѣтей вашихъ, и

что лучшаго для нихъ ничего быть не можетъ. Я нѣжно люблю ихъ. Вотъ какъ я разсуждала: въ разлукѣ съ вами для меня будетъ утѣшеніемъ, чтобы они были близь меня, изъ пятерыхъ—трое останутся при васъ; неужели же мнѣ одной, на старости лѣтъ, въ теченіе 6 мѣсяцевъ быть лишенной удовольствія имѣть при себѣ кого-нибудь изъ семьи моей"...

Но судьба смиловалась надъ родителями; вел. князья заболѣли корью, и не поѣхали съ императрицей вовсе.

Къ участію въ путешествіи были приглашены еще двѣ коронованныхъ особы,—польскій король Станиславъ Понятовскій, бывшій нѣкогда поклонникомъ Екатерины, и изъ ея рукъ получившій свою корону,—и германскій цесарь Іосифъ II, дѣлившій съ ней Польшу— и собиравшійся теперь дѣлить Турцію. Они должны были присоединиться позднѣе, на Днѣпрѣ.

VII.

ДО КІЕВА.

2 января 1787 г. Екатерина торжественно, при пушечной пальбѣ, покинула Петербургъ, и выѣхала въ Царское, откуда должна была ѣхать въ Крымъ. Въ Царскомъ собрались всѣ участники путешествія, и 7 января въ раззолоченныхъ экипажахъ пустились въ путь. „Поѣздъ состоялъ изъ 14 каретъ и 124 саней съ 40 запасными; на каждой станціи насъ ожидали — разсказываетъ Сегюръ—по 560 лошадей".

Карета императрицы, запряженная 30-ю лошадьми, представляла изъ себя цѣлый вагонъ; она состояла изъ

нѣсколькихъ отдѣленій,—изъ кабинета, гостиной на 8 человѣкъ, игорнаго стола, небольшой библіотеки, и была снабжена всякими удобствами. Въ этой каретѣ сидѣли съ императрицей графъ Мамоновъ, Левъ Нарышкинъ и фрейлина Протасова; „карманные министры“—иноземные послы,—приглашались въ карету поочередно,—одинъ день тамъ ѣхалъ Кобенцель, другой—Сегюръ, третій—Фитцъ Гербертъ, и т. д. По словамъ послѣдняго, движеніе возковъ „было такъ же плавно и покойно, какъ движеніе гондолъ“: это была настоящая прогулка.

Потемкинъ не ѣхалъ съ императрицей: онъ былъ на югѣ и устраивалъ тамъ все для ея пріема. Вмѣсто него руководилъ всѣмъ гр. Безбородко. Весь Большой дворъ, то-есть дворъ императрицы, выѣхалъ вмѣстѣ съ нею; выѣхали и ближайшіе служащіе ея двора, секретарь Храповицкій съ двумя помощниками и двумя курьерами, и неизмѣнная камеръ-юнгф-ра Марья Саввишна Перекусихина *). Остался въ Петербургѣ только Малый дворъ,—дворъ наслѣдника престола и его супруги. Петербургъ сильно опустѣлъ: „Мы походимъ теперь на провинціальный городъ,—жаловались петербуржцы,—всѣ вѣсти и дѣла со дворомъ путешествуютъ“.

„Было 17° мороза,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ Сегюръ,—дорога прекрасная, и мы ѣхали славно. Наши кареты на высокихъ полозьяхъ какъ будто летѣли. Чтобы защищаться отъ холода, мы закутались въ медвѣжьи шубы, надѣтыя сверхъ другой болѣе нарядной

*) Даже старый вельможа Елизаветы, И. И. Шуваловъ, ѣхалъ съ Екатериной въ Крымъ.

и богатой, но тоже мѣховой одежды; на головахъ у насъ были собольи шапки. Такимъ образомъ мы не за-

Екатерина II въ дорожномъ костюмѣ.

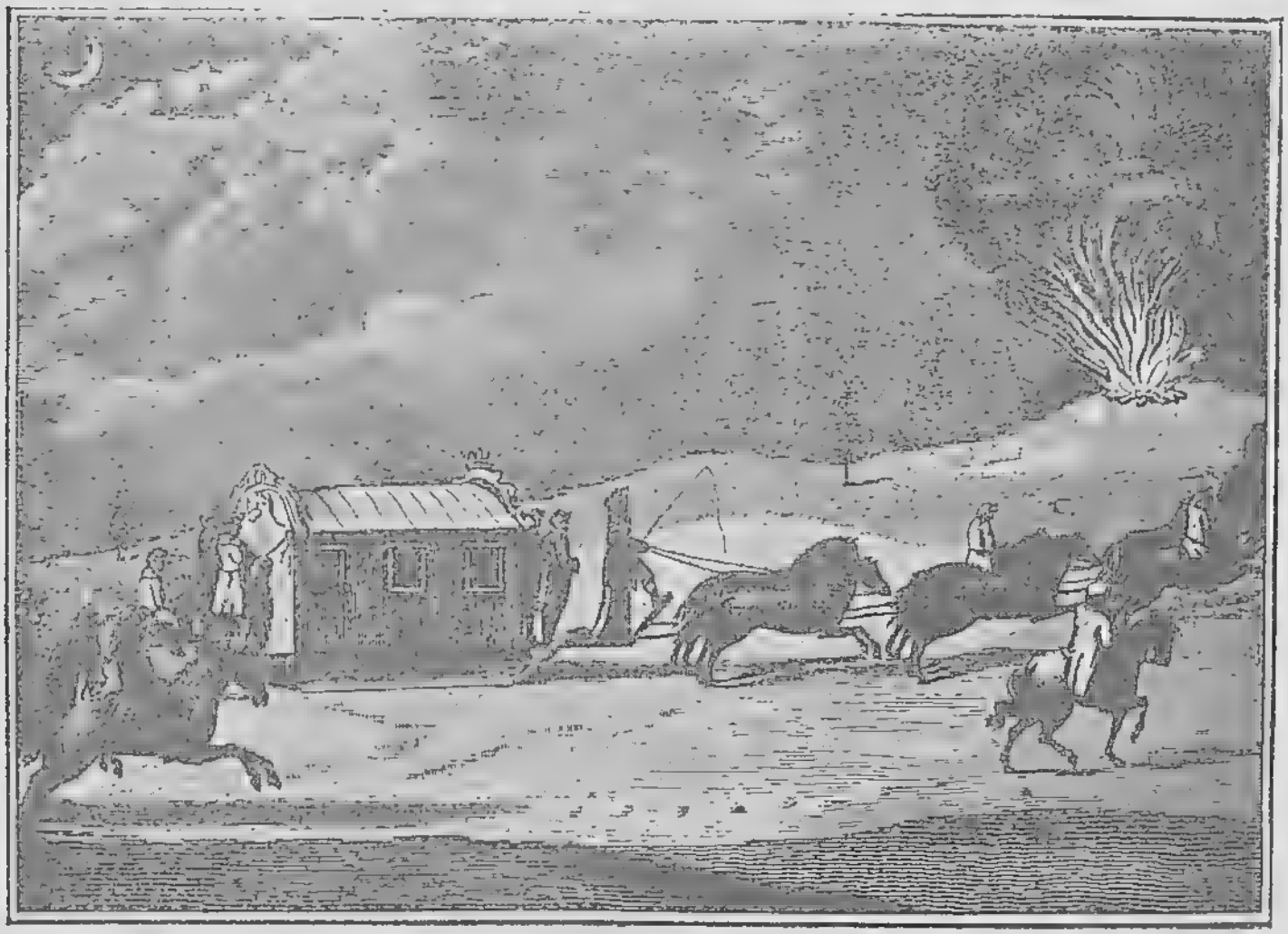
мѣчали стужи, даже когда она доходила до 20°. На станціяхъ вездѣ было такъ хорошо натоплено, что ско-

рѣе мы могли подвергнуться излишнему жару, чѣмъ холоду. Въ это время самыхъ короткихъ дней въ году солнце вставало поздно, и черезъ 6 или 7 часовъ наступала уже темная ночь. Но для разсѣянія этого мрака восточная роскошь доставила намъ освѣщеніе: на небольшихъ разстояніяхъ, по обѣимъ сторонамъ дороги горѣли огромные костры изъ сваленныхъ въ кучи сосенъ, елей, березъ, такъ что мы ѣхали между огней, которые свѣтили ярче дневныхъ лучей. Такъ величавая властительница сѣвера среди ночнаго мрака изрекала свое: пусть будетъ свѣтъ!

„Мы проѣзжали по обширнымъ снѣжнымъ равнинамъ чр зъ лѣса сосенъ и елей, которыхъ вѣтви, опушенныя инеемъ, порою при солнечномъ освѣщеніи блистали брильянтами и кристаллами. Можно себѣ представить—какое необычайное явленіе представляла на этомъ снѣжномъ морѣ дорога, освѣщенная множествомъ огней, и величественный поѣздъ царицы сѣвера со всѣмъ блескомъ самаго великолѣпнаго двора. Въ городахъ и деревняхъ этотъ одинокій путь покрывался толпами любопытныхъ горожанъ и поселянъ: они, не замѣчая стужи, громкими криками привѣтствовали свою государыню.

„Обычный порядокъ, который императрица ввела въ свой образъ жизни, почти не измѣнился во время ея путешествія. Въ 6 часовъ она вставала и занималась дѣлами съ министрами, потомъ завтракала и принимала насъ. Въ 9 часовъ мы отъѣзжали и въ 2 останавливались для обѣда; послѣ того снова останавливались въ 7. Вездѣ она находила дворецъ или красивый домъ, приготовленный для нея. Мы ежедневно обѣдали съ нею.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ, посвященныхъ туалету, императрица выходила въ залу, разговаривала, играла съ нами; въ 9 часовъ уходила къ себѣ и занималась до 11 ти. Въ городахъ намъ отводили покойныя квартиры въ домахъ зажиточныхъ людей. Въ деревняхъ мнѣ при-



Путешествіе Екатерины при свѣтѣ костровъ.

ходилось спать въ избахъ, гдѣ иногда отъ нестерпимой жары нельзя было уснуть".

Народъ всюду ожидалъ Матушку Царицу. „Бѣдные поселяне,—продолжаетъ Сегюръ,—съ заиндевѣвшими бородами, несмотря на холодъ, толпами собирались и окружали маленькіе дворцы, какъ бы волшебной силой воздвигнутые посреди ихъ хижинъ, дворцы, въ которыхъ

веселая свита императрицы, сидя за роскошнымъ столомъ и на покойныхъ широкихъ диванахъ, не замѣчала ни жестокости стужи, ни бѣдности окрестныхъ мѣстъ. Вездѣ находили мы теплые покои, отличныя вина, рѣдкіе плоды и изысканныя кушанья.“ Въ городахъ устраивалась иллюминація; императрица не совсѣмъ была этимъ довольна, и освѣдомившись, чего стоила иллюминація, „говорила о пустомъ блескѣ и ничего незначущемъ“, какъ записалъ ея слова Храповицкій.

Сидя въ своей каретѣ, императрица бесѣдовала со своими „карманными министрами“; Сегюръ записалъ нѣсколько такихъ бесѣдъ.

„Екатерина знала, что многіе, особенно французы, считали Россію страною азіатскою, бѣдною, погрязшей въ невѣжествѣ, во мракѣ варварства, и любила говорить о своей имперіи, чтобы разсѣять такія обвиненія. „Какъ вамъ нравится моe маленькое хозяйство? спрашивала она.—Не правда ли, оно понемножку устраивается? У меня немного денегъ, но, кажется, они употреблены съ пользою?“

Другой разъ, обращаясь къ Сегюру, она сказала: „Я увѣрена, графъ, что ваши парижскія красавицы, модники и ученые теперь глубоко сожалѣютъ о васъ, что вы принуждены путешествовать по странѣ медвѣдей, между варварами, съ какой-то скучною царицею. Я уважаю вашихъ ученыхъ, но лучше люблю невѣждъ; сама я хочу знать только то, что мнѣ нужно для управленія моимъ маленькимъ хозяйствомъ“.

„Ваше В-во изволите шутить на нашъ счетъ,—возразилъ Сегюръ,—но Вы лучше всѣхъ знаете, что думаетъ

объ Васъ Франція. Слова Вольтера какъ нельзя лучше и яснѣе выражаютъ В. В-ву наши мнѣнія и наши чувства. Скорѣе Вы можете быть недовольны тѣмъ, что необычайное возрастаніе Вашего маленькаго хозяйства внушаетъ нѣкоторымъ образомъ страхъ и зависть даже значительнымъ державамъ."

„Да,—говорила она иногда смѣясь,—вы не хотите, чтобы я выгнала изъ моего сосѣдства вашихъ дѣтей турокъ. Нечего сказать, хороши ваши питомцы, они дѣлаютъ вамъ честь. Что если бы вы имѣли въ Пьемонтѣ или Испаніи такихъ сосѣдей, которые ежегодно зано сили бы къ вамъ чуму и голодъ, истребляли бы и забирали бы у васъ въ плѣнъ по 20 тысячъ человѣкъ въ годъ, а я взяла бы ихъ подъ свое покровительство, что бы вы тогда сказали? О, какъ бы вы стали тогда упрекать меня въ варварствѣ!"

„Бесѣды смѣнялись веселыми шутками и смѣхомъ; скучать было некогда. Несмотря на все однообразіе пути, скука была изгнана присутствіемъ любезной императрицы... Иногда по вечерамъ мы забавлялись играми, сочиненіемъ шарадъ, загадокъ, стиховъ на заданныя рифмы (буримэ). Разъ Фитцъ Герберсъ предложилъ мнѣ слѣдующія рифмы: amour, frotte, tambour, note.

Я написалъ на нихъ слѣдующіе стихи:

De vingt peuples nombreux Catherine est l'amour;
Craigner de l'attaquer; malheur à qui s'y frotte!
La renommée est son tambour,
Et l'histoire—son garde-note.

То-есть: „Екатерина—предметъ любви 20-ти народовъ. Не нападайте на нее: бѣда тому, кто ее затро-

нетъ. Слава ея — барабанщикъ, а исторія — памятная книжка“ Эта бездѣлушка понравилась и заслужила себѣ болѣе похвалъ, чѣмъ иная ода. При дворѣ, и при томъ въ дорогѣ, все сходитъ съ рукъ.“

Въ городахъ, черезъ которые проѣзжали, надо было „дѣлать пріемы и выходы, осматривать заведенія, давать совѣты и поощрительныя награды“; на отдыхъ императрицѣ оставалось немного времени (ей было 58 лѣтъ). Но императрица была, казалось, неутомима. „Даже сидя въ своей каретѣ и оставляя заботы правленія, она употребляла досугъ свой на то, чтобы плѣнять насъ, и была неистощимо умна, любезна и весела.“

Въ Смоленскѣ пришлось отдохнуть дольше, чѣмъ предполагали: всѣ устали, Мамоновъ разхворался, да и отъ вѣтра, дувшаго въ лицо, у многихъ болѣли глаза. Здѣсь, какъ и вездѣ, было большое стеченіе народа. Храповицкій, въ бесѣдѣ съ императрицей, упомянулъ объ этомъ; Екатерина отвѣтила шуткой: „и медвѣдя смотрѣть кучами собираются“.

Когда всѣ поправились, двинулись снова въ путь. Въ Мстиславѣ устроена была торжественная встрѣча; знаменитый проповѣдникъ, Георгій Конисскій, бывшій уже въ глубокой старости, привѣтствовалъ императрицу „молодецкой рѣчью“, за которую получилъ въ награду тысячу рублей; онъ сравнивалъ Екатерину съ солнцемъ: „Оставимъ астрономамъ судить, солнце ли около насъ ходитъ, или мы съ землею около его обращаемся. Наше солнце около насъ ходитъ. Исходиши, премудрая монархиня, яко женихъ исходяй изъ чертога своего, отъ края моря Балтійскаго до края моря Евксинскаго шествіе твое,

да тако ни единъ укрыется благодѣльныя теплоты твоея. Тецы убо, о солнце наше, спѣшно! Тецы исполинскими стопами, къ западу только жизни твоея не спѣши, а въ противномъ случаѣ мы уцѣпимся за тебя и потребуемъ, какъ Іисусъ Навинъ: стой, солнце, и не движися, дондеже вся противная намѣреньямъ твоимъ побѣдиши".

Екатерина писала съ дороги письма сыну съ невѣсткой, Потемкину въ Крымъ, Гримму. Въ письмахъ къ Гримму она писала: „Пріѣхала сюда (въ Новгородъ Сѣверскій) въ добромъ здоровьѣ и сегодня давала здѣсь балъ, такъ же, какъ въ Смоленскѣ: вотъ какъ мы путешествуемъ. Завтра я буду обѣдать въ имѣніи фельдмаршала Румянцева"... Изъ Чернигова между прочимъ писала объ иноземныхъ послахъ: „мои карманные министры веселы и здоровы". Маріи Федоровнѣ изъ Нѣжина разсказывала о покупкахъ: „Мнѣ только что принесли два куска черкесской матеріи, которые показались мнѣ очень красивыми; голубую съ серебромъ я посылаю вамъ и внучкамъ, надѣюсь, что ея будетъ довольно; фіолетовую съ серебромъ—великому князю и внукамъ моимъ, и тогда всѣ семеро получатъ къ Пасхѣ обновку, купленную въ Нѣжинѣ; игрушекъ же найти нельзя."

VIII.

ВЪ КІЕВѢ.

„Я пріѣхала сюда 29 января, при 20° мороза,—писала Екатерина Гримму изъ Кіева,– несмотря на то, не было ни носовъ, ни ушей отмороженныхъ Мы провели

всѣ эти дни въ балахъ, празднествахъ, маскарадахъ (была масляница), а сегодня, въ понедѣльникъ, слава Богу, начался постъ, и положилъ конецъ всему этому шуму".

„Въ Кіевѣ для Екатерины,—повѣствуетъ Сегюръ,—построили дворецъ просторный, изящный и богато убранный. Она принимала въ немъ духовенство, правительственныхъ лицъ, представителей дворянства, купцовъ и иностранцевъ, пріѣхавшихъ во множествѣ въ Кіевъ, куда привлекло ихъ величіе и новость зрѣлища, здѣсь ихъ ожидавшаго. Въ самомъ дѣлѣ, имъ представился великолѣпный дворъ, побѣдоносная императрица, богатая и воинственная аристократія, князья и вельможи, гордые и роскошные, купцы въ длинныхъ кафтанахъ, съ огромными бородами, офицеры въ различныхъ мундирахъ, знаменитые донскіе казаки въ богатомъ азіатскомъ нарядѣ, татары, нѣкогда владыки Россіи, теперь подданные, женщины и христіанки, князь грузинскій, повергшій къ трону Екатерины дань Фазиса и Колхиды, нѣсколько пословъ отъ безчисленныхъ ордъ киргизовъ, наконецъ, дикіе калмыки, настоящее подобіе гунновъ... Весь Востокъ собрался здѣсь, чтобы увидѣть новую Семирамиду, собирающую дань удивленія всѣхъ монарховъ Запада. Это было какое-то волшебное зрѣлище, гдѣ, казалось, сочетались старина съ новизною, просвѣщеніе съ варварствомъ, гдѣ бросалась въ глаза противоположность нравовъ, лицъ, одеждъ самыхъ разнообразныхъ".

Въ Кіевъ явилось много польскихъ пановъ. „Поляки,—говоритъ Сегюръ,—явились толпами, разумѣется болѣе изъ страха, чѣмъ по привязанности къ владычицѣ Сѣвера (первый раздѣлъ Польши тогда уже совершился

и назрѣвалъ новый, второй раздѣлъ). „Половина Польши здѣсь“,—писала Гримму Екатерина. Явились также французы, кавалеръ Ламетъ и графъ Дильонъ; герой американской войны за независимость, Лафайетъ, „тоже объявилъ свое намѣреніе явиться ко двору Екатерины, но такъ какъ онъ былъ выбранъ въ члены собранія государственныхъ чиновъ, то и не могъ выполнить своего намѣренія. Императрица сожалѣла объ этомъ; она очень желала познакомиться съ нимъ“.

Прибылъ въ Кіевъ принцъ де-Линь; онъ ѣздилъ въ Вѣну, возилъ Іосифу II маршрутъ путешествія. Блестящее общество, съѣхавшееся въ Кіевѣ, поразило принца, и онъ писалъ своей пріятельницѣ—маркизѣ: „Боже мой! какой шумъ! какое разнообразіе! Какое множество бриліантовъ, золота и орденовъ! Сколько ожерельевъ, лентъ, тюрбановъ, и красивыхъ шапокъ, низкихъ или высокихъ, и остроконечныхъ. Людовикъ XIV позавидовалъ бы во многомъ сестрѣ своей Екатеринѣ II. Напримѣръ, сыновья кавказскаго царя Ираклія доставили бы ему гораздо больше удовольствія, нежели пять или шесть престарѣлыхъ кавалеровъ св. Людовика. Сейчасъ приходятъ звать меня на фейерверкъ, который, какъ говорятъ, стоитъ болѣе 40 тысячъ рублей.“

Стеченіе иностранцевъ поражало императрицу. „Что за толпа!—писала она Гримму.—Никогда я ничего подобнаго не видала“. Въ другихъ письмахъ она писала: „Ежедневно здѣсь гостей прибываетъ, не токмо отъ окрестныхъ, но и отъ всѣхъ подсолнечныхъ народовъ. Лишь назовите народъ, а мы предъявимъ здѣсь въ лицахъ. Съ роду я столько не видывала, хотя привыкла

видѣть націй разныхъ. У насъ здѣсь 4 гранда д'Еспань, князья имперскіе безъ счета, поляковъ тьма, англичане, американцы, французы, нѣмцы, швейцарцы; на многихъ страницахъ имена ихъ не перечтешь; съ роду столько иноязычныхъ я не видала,—даже и киргизцы, и тѣ здѣсь очутились, и все сіе по кіевскимъ хижинамъ живетъ, и непонятно, какъ умѣщается. Трудно отгадать, что ихъ привлекло въ Кіевъ. Нельзя полагать, чтобы всѣ они были обмануты нѣкоторыми газетами, которыя изо всей силы оповѣщали будущее мое коронованіе въ Тавридѣ или здѣсь, о чемъ я никогда не думала."

Жизнь двора въ Кіевѣ шла такъ же шумно и весело, какъ въ Царскомъ Селѣ: балы, собранія, маскарады начались снова, какъ только кончился постъ. Особенно торжественно была отпразднована Свѣтлая Заутреня. „Дворъ былъ чрезвычайно великолѣпенъ,—писалъ очевидецъ:—это великолѣпіе поразило всѣхъ, преимущественно у заутрени, въ Печерской лаврѣ". Въ болѣе тѣсномъ кругу, куда допускались лишь избранные, царило всегдашнее веселье. „Разъ или два въ недѣлю,—разсказываетъ Сегюръ,—императрица имѣла собраніе при дворѣ и давала большой балъ или прекрасный концертъ. Въ прочіе дни столъ ея накрывался на 8 или на 10 приборовъ. Трое пословъ, ее сопровождавшихъ, были ея постоянными гостями, также князь де-Линь и иногда принцъ Нассау. Вечера мы всегда проводили у нея; въ это время она не терпѣла принужденія и этикета; мы видѣли не императрицу, а просто любезную женщину. На этихъ вечерахъ разсказывали, играли въ билліардъ, разсуждали объ литературѣ. Однажды государынѣ взду-

малось учиться писать стихи. Цѣлые 8 дней я объяснялъ ей правила стихосложенія. Но когда дошло до дѣла, то мы замѣтили, что совершенно напрасно теряли время. Нѣтъ, я думаю, слуха, столь нечувствительнаго къ созвучію стиха. Умъ ея, обширный въ политикѣ, не находилъ образовъ для воплощенія мечты. Онъ не выдерживалъ утомительнаго труда прилаживать рифмы и стихи. Безуспѣшность этихъ опытовъ, казалось, раздосадовала государыню. Фитцъ Гербертъ сказалъ ей: „Что же дѣлать! Нельзя же въ одно время достигнуть всѣхъ родовъ славы; Вамъ должно довольствоваться Вашимъ двустишіемъ, посвященнымъ Вашей собакѣ и Вашему доктору:

Ci-git la durchesse Anderson,
Qui mordit Monsieur Rogerson.

(т.-е. здѣсь похоронена герцогиня Андерсонъ, укусившая г. Реджерсона).“ Итакъ я отказался отъ этихъ уроковъ поэзіи и объявилъ августѣйшей моей ученицѣ, что ей надо ограничиться одной прозой“.

„Князь де-Линь, – продолжаетъ Сегюръ,—не допускалъ, чтобы скука хоть на минуту водворилась въ нашемъ маленькомъ кружкѣ. Онъ безпрестанно разсказывалъ разные забавные анекдоты и сочинялъ на разные случаи пѣсенки и мадригалы. Пользуясь исключительнымъ правомъ говорить, что ему вздумается, онъ вмѣшивалъ политику въ свои загадки и разсказы. Хотя веселье его доходило иногда до дурачества, но порой, подъ видомъ шутки, онъ высказывалъ дѣльныя и колкія истины. Онъ былъ привычный царедворецъ, расчетливый льстецъ, добрь сердцемъ, мудрецъ умомъ. Его насмѣшки забавляли, но никогда не оскорбляли.“

Упражненія въ стихотворствѣ вообще были обычнымъ занятіемъ въ этомъ кругу. Екатерина посылала Гримму то бурные, написанные „въ одну минуту“ Сегюромъ на рифмы, заданныя Кобенцелемъ, то стихи, сочиненные де-Линемъ на рифмы, предложенныя Екатериной; „а пока эти господа занимались стихосложеніемъ, Красный Кафтанъ (фаворитъ Мамоновъ),—писала Екатерина,—рисовалъ одного изъ нихъ (Сегюра) въ профиль“. Для этого Краснаго Кафтана были выписаны изъ Парижа ученыя книги, полное изданіе сочиненій Бюффона,—а пока эти книги не пришли,—всѣ предавались безудержному веселью: „Красный Кафтанъ и мои карманные министры ужасно шумятъ: каждый хочетъ перещеголять другого въ шуткахъ и дурачествахъ,—жаловалась Екатерина.—Господа эти совершенно не стѣсняются. Они спорятъ, говорятъ и смѣются всѣ въ одинъ голосъ, а я слушаю и смотрю и сижу очень смирно въ уголкѣ. Да, вотъ такъ жизнь! И однако же они называютъ это очень тихой жизнью; безумные люди!“

Всѣ три посла считались гостями императрицы, и она требовала, чтобы они жили всецѣло за ея счетъ. Въ Кіевѣ имъ отвели прекрасныя помѣщенія,—Сегюру дали цѣлый домъ,—и императрица прислала имъ цѣлый штатъ прислуги. „Я жилъ въ Кіевѣ,—говоритъ Сегюръ,—своимъ дворомъ, какъ любой русскій бояринъ, или какой-нибудь потомокъ Рюрика или Владимира. Когда императрица не приглашала насъ къ своему столу, что случалось раза два въ недѣлю, мы давали обѣдъ у себя. Но скоро намъ надоѣло жить раздѣльно, и мы согласились сходиться у гр. Кобенцеля, потому что домъ его

Гр. Мамоновъ.

былъ просторнѣе и покойнѣе и могъ свободно вмѣщать большее число гостей. Домъ этотъ, гдѣ мы принимали и русскихъ, и иностранцевъ, принялъ видъ какой-нибудь европейской кофейни, которая была всегда полна, и въ которой сходились разноплеменные люди; здѣсь раздавалась рѣчь на различныхъ языкахъ, и употреблялись блюда, фрукты и вина разныхъ странъ. Время проходило въ общей бесѣдѣ или въ частныхъ толкахъ о разныхъ предметахъ, отъ важнѣйшихъ до самыхъ обыкновенныхъ."

Екатерина и въ Кіевѣ продолжала заниматься дѣлами. Здѣсь она подписала, между прочимъ, указъ о запрещеніи дуэлей, которымъ очень гордилась; здѣсь же состоялась ратификація торговаго договора съ Франціей, о которомъ такъ хлопоталъ Сегюръ. „Произошелъ,— разсказываетъ онъ,—обмѣнъ подписанныхъ обоими государями (Екатериной II и Людовикомъ XIV) актовъ; каждый изъ русскихъ уполномоченныхъ получилъ отъ короля по 40 тыс. фр. и портретъ его величества, осыпанный брилліантами и стоившій почти столько же; русская и французская канцеляріи получили каждая по 1000 червонцевъ. Мнѣ императрица тоже подарила свой портретъ, осыпанный брилліантами, прекрасные мѣха и 40 тыс. фр."

Кромѣ дѣлъ государственныхъ, Екатерина занималась въ Кіевѣ серьезнымъ чтеніемъ. Она изучала работу англійскаго юриста Блакстона, объ Англійской свободѣ, и писала замѣчанія на нее. Храповицкій долженъ былъ доставать для императрицы Наказъ, составленный ею для Комиссіи объ Уложеніи, тому назадъ 20 лѣтъ; Екатерина сличала Блакстона съ своимъ Наказомъ. Секретарь

долженъ былъ дополнить справками выписки изъ книги Блакстона.

И въ Кіевѣ Екатерина вела дѣятельную переписку съ сыномъ, съ невѣсткой и съ Гриммомъ. Сынъ съ невѣсткой освѣдомляли ее о состояніи здоровья внуковъ,

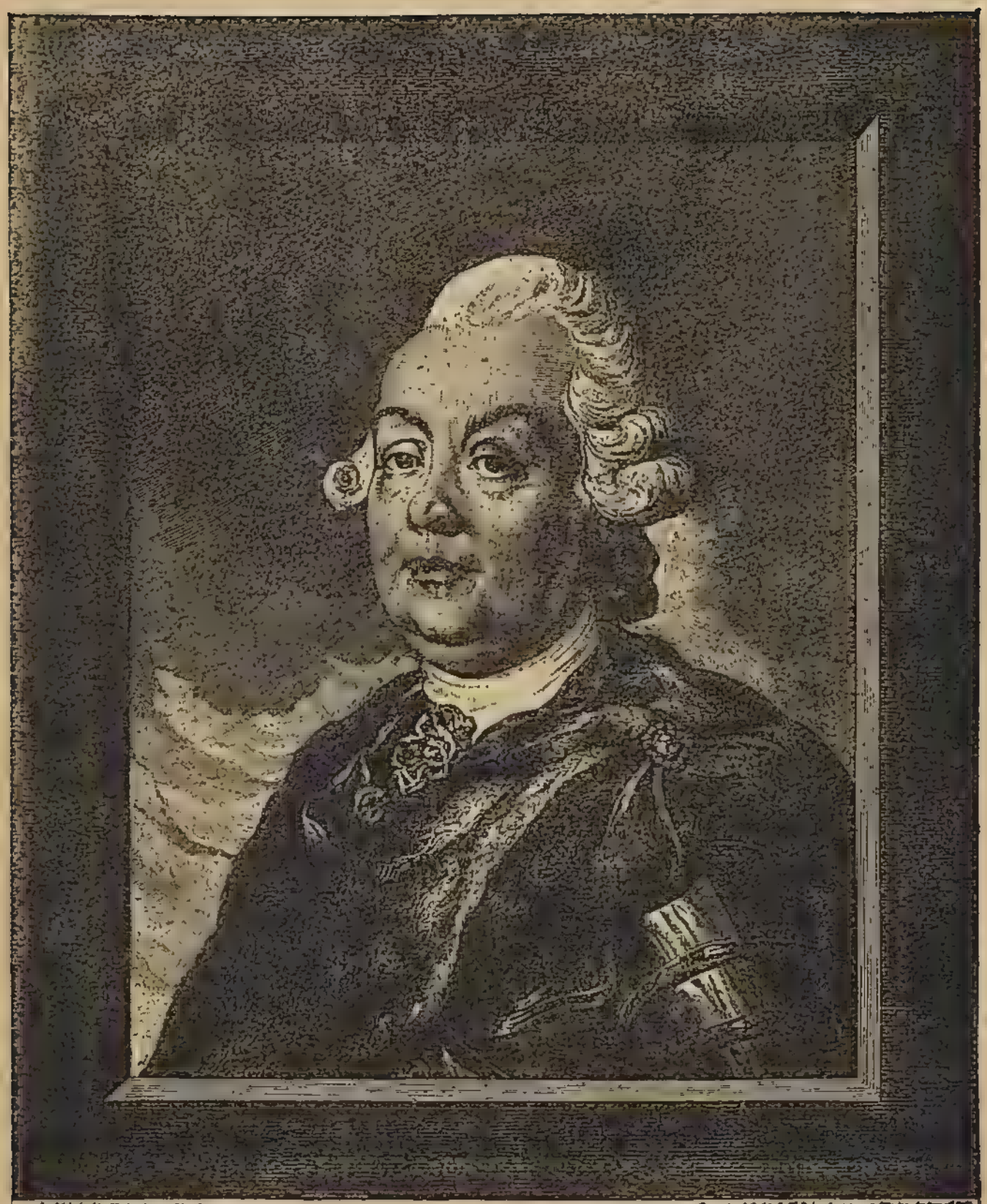
Гр. Кобенцель.

хворавшихъ корью; маленькіе внуки диктовали матери письма къ бабушкѣ, и письма эти доставляли ей большое удовольствіе; она просила только, „чтобы они вараксали сами“; въ свою очередь она отвѣчала имъ. Невѣсткѣ надо было давать совѣты, какъ надо лечить

дѣтей, и какъ хорошо „оставлять ихъ однихъ играть на коврѣ,—дѣти всегда очень довольны судьбою, когда ихъ оставляютъ на волѣ“.

Все это не мѣшало Екатеринѣ веселиться, какъ веселились ея „карманные министры“. На ряду съ серьезными, дѣловыми письмами, она писала другія, болѣе легкомысленныя. Такъ 1 апрѣля она сочинила шуточное письмо, якобы отъ г. М. къ другу его г Н., въ видѣ корр спонденціи въ газеты; въ этомъ посланіи она такъ описывала, шутки ради, свое пребываніе въ Кіевѣ: „Съ тѣхъ поръ, какъ императрица прибыла сюда, она страдаетъ безсонницей и отсутствіемъ апетита; говорятъ, что она только и занята мыслью о предстоящемъ своемъ коронованіи въ Тавридѣ. Приготовленія къ этой церемоніи отличаются громадными размѣрами. Корона будетъ доставлена изъ Вѣны, гдѣ надъ составленіемъ ея трудились ювелиры кабинета его имп. величества, германскаго императора. Всему свѣту извѣстно, что эта корона составлена изъ драгоцѣнныхъ камней, которые выдала сокровищница вѣнская... Французскій посланникъ гр. Сегюръ хочетъ присутствовать при вышеупомянутыхъ празднествахъ и вообще онъ въ послѣднее время обнаруживаетъ нѣкоторое разстройство... Газетъ здѣсь получается несмѣтное множество; въ гостинницахъ, однако, нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ; иностранцамъ за обѣдомъ не даютъ ни тарелокъ, ни ножей, ни вилокъ. Одинъ острякъ на дняхъ замѣтилъ, что русскій дворъ находится въ Кіевѣ въ такомъ же выгодномъ положеніи, какъ раки на мели“..

Такъ подтрунивала Екатерина надъ собой и своими



Генералъ Фельдмаршалъ
Графъ Петръ Александровичъ
Румянцовъ Задунайскій.
Родился 1725 г. Генваря 4го дня. скончался 1796 г. Декабря 8го.

Сыну Его Обергофмейстеру
Всепокорнѣйшее приношеніе
отъ преданнѣйшаго слуги
Жамеса Валькера.

GENERAL FEILD MARSHALL
COUNT PETER ALEXANDROVITSH
ROMANSOFF ZADOUNAISKI.
Born January 4th 1725. Died December 8th 1796.

To his Son the Grand Maitre de la Cour
This plate is humbly inscribed
by his devoted Servant
James Walker.

гостями. Впрочемъ, письмо это никуда не было отправлено, и осталось въ черновикѣ.

Въ Кіевѣ пришлось пробыть три мѣсяца, ждать, когда вскроются рѣки, и можно будетъ ѣхать дальше водой; къ тому же Потемкинъ старался задержать Екатерину подольше въ Кіевѣ,—чтобы его агенты лучше успѣли приготовить все къ пріему императрицы въ его намѣстничествѣ. Екатерина воспользовалась этимъ временемъ, чтобы познакомиться съ этимъ городомъ святынь. Она аккуратно обошла всѣ святыни,—„были въ обѣихъ пещерахъ и прикладывались ко всѣмъ мощамъ“,—записывалъ Храповицкій, и послѣ посѣщенія пещеръ писала Гримму: „Кстати, я должна передать вамъ поклонъ отъ имени великаго князя Владимира, котораго мощи находятся здѣсь, въ Печерскомъ монастырѣ“.

Вообще же она осталась недовольна Малороссіей.

Она „была поражена невзрачнымъ видомъ зданій въ губерніяхъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи Румянцева. Въ особенности въ Кіевѣ нашла она, что улицы грязны и дурно мощены, а постройки вообще въ плохомъ состояніи и лишены всякаго изящества. Ей досадно было видѣть, что въ Кіевѣ не заботились объ украшеніяхъ, которыя она встрѣчала проѣздомъ въ другихъ, менѣе значительныхъ городахъ. Сама она не захотѣла говорить объ этомъ съ фельдмаршаломъ, и поручила Мамонову (фавориту) дать почувствовать ея неудовольствіе. Онъ исполнилъ щекотливое порученіе съ возможной осторожностью, и намекнулъ фельдмаршалу, что государыня ожидала найти такой городъ, какъ Кіевъ, въ лучшемъ состояніи. Герой Кагула почтительно и терпѣливо выслу-

шалъ замѣчаніе и отвѣчалъ: „Скажите Ея В-ву, что я—фельдмаршалъ ея войскъ, что мое дѣло брать города, а не строить ихъ, и еще менѣе ихъ украшать“. Въ тотъ же вечеръ слова Румянцева были въ точности переданы императрицѣ. Эта великая монархиня, сначала пораженная смѣлостью отвѣта, пріостановилась, на мгновеніе задумалась, и сказала своему любимцу: „Онъ правъ.—Но пусть же Румянцевъ продолжаетъ брать города, а мое дѣло будетъ строить“.

Сегюръ съ своей стороны объясняетъ дѣло интригами Потемкина: „Фельдмаршалъ не получалъ никакихъ средствъ для управленія Малороссіей. Труды его подвигались медленно; солдаты его ходили въ старой одеждѣ, офицеры напрасно домогались повышенія. Всѣ милости, всѣ поощренія падали на армію, надъ которой начальствовалъ Потёмкинъ“.

IX.

ПОТЕМКИНЪ.

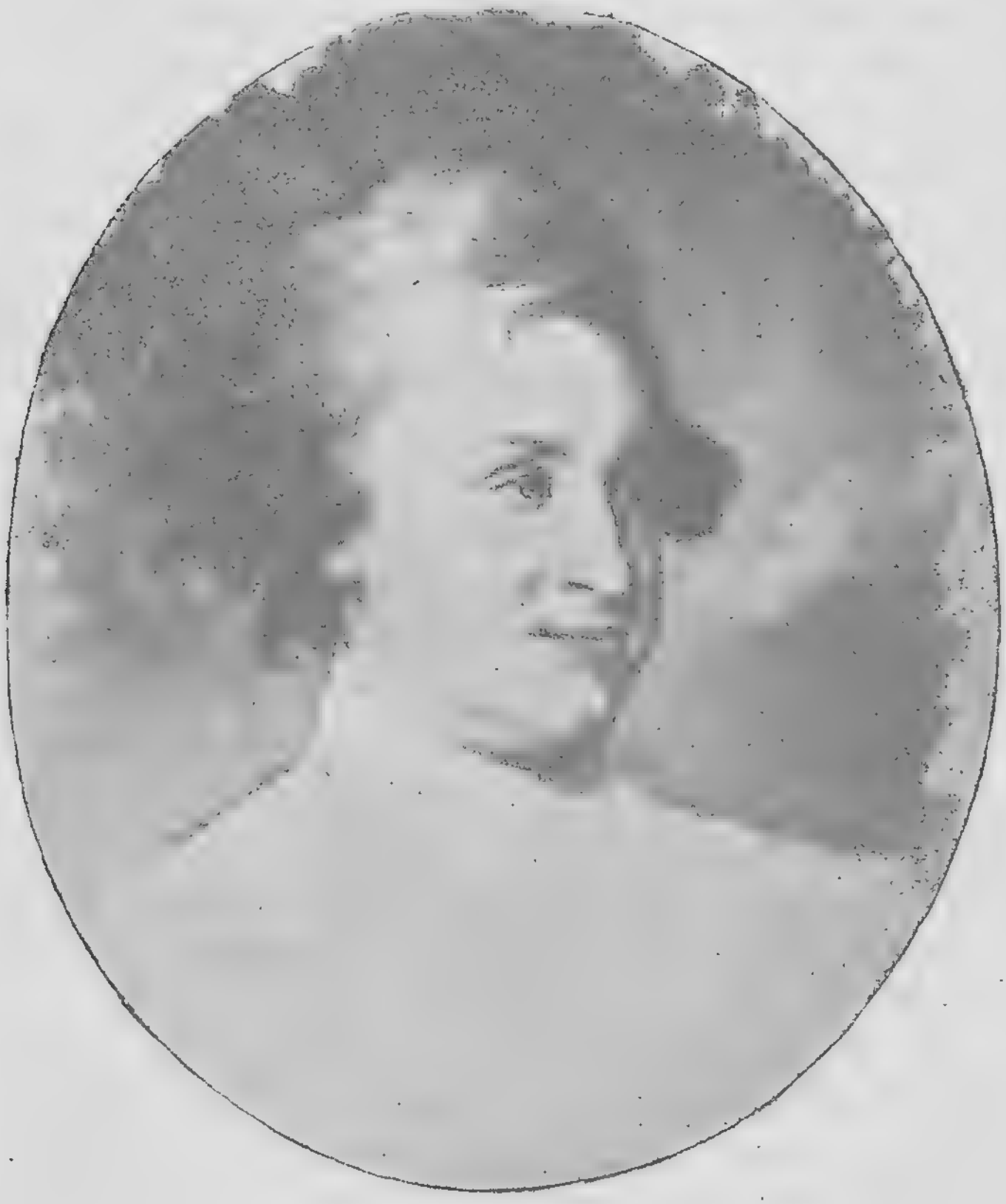
Нѣсколько въ сторонѣ отъ всего двора, не во дворцѣ, а въ Печерской обители, не среди царедворцевъ, а среди монаховъ, поселился въ Кіевѣ Потемкинъ. Онъ явился сюда съ юга, изъ Крыма, гдѣ готовилъ все къ пріему императрицы; онъ ждалъ своего часа, чтобы показать Семирамидѣ Сѣвера все богатство полуденнаго края, во главѣ котораго онъ стоялъ.

Удивительная была карьера Потемкина. Сынъ небогатаго смоленскаго дворянина, онъ съ юныхъ лѣтъ мечталъ о блестящемъ будущемъ, мечталъ сдѣлаться или

министромъ, или архіереемъ. Учился въ Московскомъ университетѣ однимъ изъ первыхъ его студентовъ, былъ удостоенъ золотой медали,—и затѣмъ исключенъ за нехожденіе на лекціи, такъ какъ слишкомъ увлекся самостоятельнымъ чтеніемъ и бросилъ профессорскую науку. Поступивъ въ военную службу, былъ гвардейскимъ унтеръ-офицеромъ, когда разразился переворотъ, возведшій на престолъ Екатерину, и невольно, въ составѣ своего полка, оказался участникомъ этого переворота; случайно услуживъ новой императрицѣ,—подавъ ей темлякъ,—вышелъ сразу въ люди, былъ пожалованъ въ подпоручики и въ камеръ-юнкеры, и награжденъ 400 душъ крестьянъ. Когда началась первая турецкая война, онъ былъ уже камергеромъ,—и пошелъ на войну волонтеромъ. Заслуживъ на войнѣ генеральскій чинъ, скоро явился въ столицу гонцомъ отъ Румянцева, съ реляціей о побѣдѣ,—и имѣлъ счастье понравиться императрицѣ; послѣ этого началась между ними переписка. Наконецъ, въ годъ окончанія войны, былъ выписанъ къ императрицѣ, назначенъ ея генералъ-адъютантомъ... Это было въ 1774 г.

Съ этихъ поръ милости полились на Потемкина рѣкой. Екатерина возвела его въ графское достоинство, Іосифъ II—въ князья Римской Имперіи. Сверхъ того, онъ получилъ золотую шпагу съ алмазами, портретъ императрицы съ брилліантами, былъ украшенъ Георгіемъ и андреевской лентой, и польскими, прусскими, датскими и шведскими орденами; не хватало только англійскаго ордена Подвязки. Въ Петербургѣ былъ у него свой Аничковъ дворецъ, въ Царскомъ Селѣ—дворецъ Бабо-

ловскій. Иностранные министры бесѣдовали съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ; онъ былъ какъ бы главнымъ министромъ императрицы.



Кн. Потемкинъ.

Екатерина высоко цѣнила Потемкина, считая его настоящимъ дворяниномъ, неподкупнымъ своимъ слугой,

неспособнымъ ни на какое предательство, и называла своимъ ученикомъ, своимъ другомъ, своимъ идоломъ. Въ письмахъ она называла его „Папой“.

Богатства Потемкина были несмѣтны. Деньги, имѣнія, крестьяне, дома,—всего этого у него было безъ числа. Въ имѣніяхъ его работало нѣсколько большихъ фабрикъ и заводовъ, стеклянныхъ, зеркальныхъ, суконныхъ и иныхъ,—заводы эти давали громадные доходы. Изъ своихъ имѣній Потемкинъ поставлялъ припасы въ армію,—это тоже давало большіе барыши. Въ Крыму у него были соленыя озера, дававшія до 300 тыс. р. въ годъ. И наконецъ, онъ могъ безсчетно черпать деньги изъ казны, и безотчетно распоряжаться любыми казенными суммами; цѣлые милліоны выдавались по первому его требованію. Сообразно этому, онъ пользовался и кредитомъ; банкиръ Сутерляндъ считалъ за нимъ сотни тысячъ долгу. Даже петербургскимъ извозчикамъ онъ задолжалъ 19 тысячъ. Одинъ изъ его костюмовъ стоилъ не много, не мало,—280 тысячъ. А однажды у него за обѣдомъ были поданы хрустальныя чаши, наполненныя брилліантами,—и брилліанты эти раздавались дамамъ цѣлыми ложками. Это могъ себѣ позволить только Потемкинъ.

Оставаясь въ теченіе 15 лѣтъ главнымъ министромъ Екатерины, Потемкинъ былъ ея руководителемъ во всѣхъ важнѣйшихъ ея дѣлахъ, онъ направлялъ главнымъ образомъ внѣшнюю ея политику. Греческій проектъ, планъ изгнанія турокъ изъ Европы и возстановленіе Греческой имперіи, съ вел. княземъ Константиномъ (внукомъ императрицы) на престолѣ, созданъ былъ Потемкинымъ; онъ

постоянно вспоминалъ о цареградскихъ походахъ Олега и Игоря, и мечталъ о такихъ же походахъ Екатерины. Онъ особенно настаивалъ на присоединеніи Крыма: „повѣрьте,—писалъ онъ въ докладѣ императрицѣ,—что Вы симъ пріобрѣтеніемъ безсмертную славу получите и такую, какой ни одинъ государь въ Россіи еще не имѣлъ. Сія слава проложитъ дорогу еще къ другой и большей славѣ: съ Крымомъ достанется и господство на Черномъ морѣ; отъ Васъ зависѣть будетъ запирать ходъ туркамъ и кормить ихъ или морить съ голоду.

„Сколько славно пріобрѣтеніе, столько Вамъ будетъ стыда и укоризны отъ потомства, которое скажетъ: вотъ она могла, да не хотѣла, или упустила". Крымъ былъ прямой дорогой туда же, въ Константинополь. Екатерина охотно поддавалась этимъ внушеніямъ Потемкина, и когда родился второй ея внукъ Константинъ, писала о немъ: „Этотъ болѣе нѣженъ, чѣмъ старшій, и какъ только его коснется холодный воздухъ, онъ прячетъ свой носикъ въ пеленки; ему хочется, чтобъ ему было тепло, чертъ возьми... Мы то ужъ знаемъ то, что знаемъ"; а черезъ 2 года приказала выбить медаль съ изображеніемъ внука Константина—и Чернаго моря съ Царьградомъ и св. Софіей.

Крупнымъ человѣкомъ былъ Потемкинъ и въ военномъ дѣлѣ. Въ противоположность Петру III и Павлу I, затруднявшимъ солдатъ непривычной обмундировкой и прической, Потемкинъ старался всячески облегчить солдатъ, упростить ихъ военную форму. „Красота одежды военной состоитъ въ равенствѣ и въ соотвѣтствіи вещей съ ихъ употребленіемъ,—писалъ онъ, приступая къ этимъ рефор-

мамъ:—Платье чтобы было солдату одеждою, а не въ тягость, всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно—плодъ роскоши, требуетъ много времени и ижди-венія и слугъ, чего у солдата быть не можетъ.—Завивать, пудриться, плесть косы—солдатское ли сіе дѣло? у нихъ камердинеровъ нѣтъ. На что же пукли? Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукой, шпильками, косами. Туалетъ солдатскій долженъ быть таковъ, что всталъ, то и готовъ. Еслибъ можно было счесть, сколько выдано въ полкахъ палокъ, и сколько храбрыхъ душъ пошло отъ сего на тотъ свѣтъ! И простительно ли что стражъ отечества удрученъ прихотями, происходящими отъ вертопраховъ, а часто и отъ безразсудныхъ". Совре-менники высоко цѣнили эти разумныя преобразованія Потемкина; „Солдаты русскіе,—говорили они,— никогда не забудутъ этого". Но этого мало. Онъ заботился и о сокращеніи жестокихъ наказаній, объ устройствѣ солдат-скихъ артелей и объ умноженіи лазаретовъ. Зато офи-церы обижались на него, что онъ всѣмъ имъ говорилъ обыкновенно „ты" и винили его, что онъ распустилъ войска.

Потемкинъ былъ также начитанный, просвѣщенный че-ловѣкъ. Онъ самъ еще съ юныхъ лѣтъ читалъ книги за-поемъ, особенно его интересовали богословскіе вопросы, онъ занимался исторіей церковныхъ соборовъ, раздѣле-ніемъ церквей, расколомъ. Онъ читалъ Плутарха, увле-кался одами Пиндара и приказывалъ переводить ихъ для него; въ его библіотекѣ было до 2 тыс. книгъ. Сегюръ, отправляясь съ императрицей въ Крымъ, радовался, что

встрѣтится тамъ съ Потемкинымъ и прочтетъ съ нимъ „нѣсколько греческихъ трагедій и анакреонтическихъ одъ“ изъ библіотеки Екатерины (она везла съ собой цѣлую библіотеку). Не несвѣдущъ былъ онъ и въ искусствахъ: цѣнилъ живопись, скульптуру, архитектуру,—особенно „легкость и простоту іоническаго стиля“,—а „музыкѣ не учась, былъ въ ней большой знатокъ“; слѣдилъ за новыми произведеніями музыкантовъ, и посылалъ новинки, вышедшія изъ подъ пера Сарти, Гримму, со своими примѣчаніями; гр. Разумовскій изъ Вѣны собирался прислать ему на службу Моцарта. Не даромъ поэты называли его меценатомъ, и самъ Державинъ въ одѣ своей „Водопадъ“ писалъ о немъ:

„Не ты ль наперсникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ,
Во храмѣ Музъ—другъ Аполлона,
На полѣ Марса—вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ—хотя и не въ порфирѣ“.

Самаго высокаго мнѣнія была о Потемкинѣ Екатерина. Она говорила о немъ: „Ахъ, что за голова у этого человѣка!—И эта хорошая голова забавна, какъ дьяволъ“. Это сочетаніе ей, повидимому, особенно нравилось. Иначе судилъ эту голову германскій императоръ; Іосифъ II, познакомившись лично съ Потемкинымъ (въ Петербургѣ), писалъ о немъ: „онъ совѣтникъ императрицы, но совѣтникъ несостоятельный. У него мало свѣдѣній; къ тому же онъ лѣнивъ, и даже сама императрица обращается съ нимъ, какъ со своимъ ученикомъ...—Вы

можете представить себѣ, что тѣ лица, которымъ она это говоритъ, недостаточно откровенны, чтобы прямо возразить ей: такъ какъ, государыня, онъ вашъ ученикъ, то онъ вамъ не дѣлаетъ чести". Сегюръ подробно анализировалъ Потемкина: „Никогда еще ни при дворѣ, ни на поприщѣ гражданскомъ или военномъ не бывало царедворца болѣе великолѣпнаго и дикаго, министра болѣе предпріимчиваго и менѣе трудолюбиваго, полководца болѣе храбраго и вмѣстѣ нерѣшительнаго. Онъ представлялъ собою самую своеобразную личность, потому что въ немъ непостижимо смѣшаны были величіе и мелочность, лѣнь и дѣятельность, храбрость и робость, честолюбіе и беззаботность. Вездѣ этотъ человѣкъ былъ бы замѣчателенъ своею странностью. Но за предѣлами Россіи и безъ особенныхъ обстоятельствъ, доставшихъ ему благоволеніе Екатерины II, онъ не только не могъ бы пріобрѣсти такую огромную извѣстность и достичь до такого высокаго сана, но едва ли бы дослужился до сколько-нибудь значущаго чина... До мечтательности честолюбивый, онъ воображалъ себя то курляндскимъ герцогомъ, то королемъ польскимъ, то задумывалъ основать духовный орденъ, или просто сдѣлаться монахомъ. То, чѣмъ онъ обладалъ, ему надоѣдало; чего онъ достичь не могъ, возбуждало его желанія. Ненасытный и пресыщенный, онъ былъ вполнѣ любимецъ счастья, и также подвиженъ, непостоянепъ и прихотливъ, какъ само счастье". „Баловнемъ счастья"—называлъ себя и самъ Потемкинъ.

„Иногда онъ обнаруживалъ геній орла, иногда легкомысліе ребенка,— писалъ о немъ дальше Сегюръ.—Вели-

кіе предметы заставляли его дѣйствовать, мелочи останавливали его дѣйствія; никто не составлялъ какой-либо проектъ столь быстро, какъ онъ; никто не исполнялъ своихъ проектовъ столь медленно и не отказывался отъ ихъ исполненія столь легко, какъ онъ. Занявшись устройствомъ фабрикъ, онъ послѣ о нихъ не заботился; купивъ что-либо, онъ сейчасъ готовъ былъ продать эту вещь; часто онъ опрокидывалъ то, что только имъ самимъ было построено. Музыка или какое-либо стихотвореніе отвлекали его отъ занятія какимъ-либо политическимъ вопросомъ; своимъ легкомысліемъ онъ часто лишался довѣрія, необходимаго при дѣлахъ, требующихъ послѣдовательности и постоянства". Воронцовъ жаловался, что онъ самыя важныя бумаги оставляетъ на своемъ письменномъ столѣ, такъ что государственныя дѣла не остаются въ тайнѣ.

Это какой то пучекъ противорѣчій,—думаешь невольно, читая характеристику Потемкина, сдѣланную де-Линемъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ онъ описываетъ главнаго министра Екатерины: „Показывая видъ лѣнивца, трудится безпрестанно; не имѣетъ стола, кромѣ своихъ колѣнъ, другого гребня, кромѣ своихъ ногтей; всегда лежитъ, но не предается сну, ни днемъ, ни ночью; безпокоится прежде наступленія опасности, и веселится, когда она настала; унываетъ въ удовольствіяхъ; несчастенъ отъ того, что счастливъ; нетерпѣливо желаетъ—и скоро всѣмъ наскучиваетъ; философъ глубокомысленный, искусный министръ, тонкій политикъ, и вмѣстѣ избалованный 9-лѣтній ребенокъ; любитъ Бога, боится сатаны, котораго почитаетъ гораздо болѣе и сильнѣе, нежели самого

себя; одною рукою крестится, а другою привѣтствуетъ женщинъ; принимаетъ безчисленныя награжденія, и тотчасъ же ихъ раздаетъ; лучше любитъ давать, чѣмъ платить долги; чрезвычайно богатъ, но никогда не имѣетъ денегъ; говоритъ о богословіи съ генералами, а о военныхъ дѣлахъ съ архіереями; по очереди имѣетъ видъ восточнаго сатрапа, или любезнаго придворнаго вѣка Людовика XIV, и вмѣстѣ изнѣженнаго сибарита. Какая же его магія? Геній, потомъ и еще геній; природный умъ, превосходная память, возвышенность души, коварство безъ злобы, хитрость безъ лукавства, счастливая смѣсь причудъ, великая щедрость въ раздаяніи наградъ, чрезвычайная тонкость, даръ угадывать то, что онъ самъ не знаетъ, и величайшее познаніе людей; это настоящій портретъ Алкивіада". Его можно сравнивать то съ Ахилломъ,—говоритъ де-Линь,—то съ Терситомъ. „Въ немъ есть много исполинскаго, романтическаго и варварскаго". „Великій человѣкъ, великъ умомъ, великъ и ростомъ",—говорилъ о Потемкинѣ Суворовъ, и прибавлялъ при этомъ, что у него чердакъ хорошо меблированъ. „Полуобразованный и полудикій геній, Потемкинъ наполнилъ міръ своею славой",—писалъ о немъ еще одинъ его современникъ, гр. Рибопьеръ.

И внѣшность Потемкина полна тѣхъ же противорѣчій, той же двойственности. Онъ—самый прочный фаворитъ самой непостоянной изъ женщинъ,—а между тѣмъ онъ совсѣмъ не хорошъ собой,—даже больше „онъ страшенъ и противенъ", разсказываютъ о немъ современники. Громаднаго роста, непропорціонально сложенный, со смуглой кожей; ноги у него кривыя, одинъ глазъ косой,

другой слѣпой,—онъ потерялъ его въ ссорѣ съ Алексѣемъ Орловымъ, неизвѣстно какимъ образомъ; „одноглазый циклопъ“,—называютъ его придворные. Не мудрено, что его нельзя было убѣдить позволить съ себя написать портретъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Екатерина. И манеры его не изящны; въ Эрмитажѣ для посѣтителей тѣснаго круга императрицы были выработаны особыя шутливыя правила, какъ надо вести себя,—тамъ спеціально для Потемкина былъ такой параграфъ: „Просятъ быть веселыми, но ничего не уничтожать, не разбивать и не кусаться“. Въ минуты хандры отъ свѣтлѣйшаго всего можно было дождаться...

X.

РУССКІЙ КНЯЗЬ—И ФРАНЦУЗСКІЙ ГРАФЪ.

Посолъ французскаго короля, графъ Сегюръ, не забылъ своей первой аудіенціи у Потемкина. Свѣтлѣйшій князь принялъ его необычно. „Я письменно просилъ князя дать мнѣ аудіенцію,—разсказываетъ Сегюръ:—Въ назначенный мнѣ день я явился, велѣлъ доложить о себѣ, и сѣлъ въ пріемной залѣ, гдѣ дожидалось нѣсколько русскихъ вельможъ и графъ Кобенцель. Мнѣ было непріятно дожидаться. Прошло съ четверть часа, а дверь все еще не отворялась; я еще разъ велѣлъ доложить о себѣ. Мнѣ объявили, что князь еще не можетъ меня принять; тогда я сказалъ, что мнѣ некогда ждать, вышелъ къ удивленію всѣхъ присутствующихъ и преспокойно отправился домой.

„На другой день я получилъ отъ Потемкина письмо, въ которомъ онъ извинялся въ своей неисправности и назначалъ мнѣ новое свиданіе. Я явился къ нему, и на этотъ разъ, только что я вошелъ, какъ былъ тотчасъ же встрѣченъ княземъ; онъ былъ напудренъ, разодѣтъ, въ кафтанѣ съ галунами, и принялъ меня въ своемъ кабинетѣ". Его очень заинтересовалъ американскій орденъ, которымъ былъ украшенъ посолъ; „такъ какъ онъ очень любилъ ордена, то нѣсколько разъ бралъ въ руки, перевертывалъ и разсматривалъ мой орденъ Цинциннати, и хотѣлъ непремѣнно знать, что это за орденъ... Заговоривъ о любимомъ предметѣ, онъ цѣлый часъ почти толковалъ со мной о разныхъ русскихъ и европейскихъ орденахъ".

Съ тѣхъ поръ русскій князь и французскій графъ подружились, и Сегюръ бывалъ запросто у Потемкина; тотъ просилъ его „быть друзьями и бросить всякія церемоніи". Теперь въ Кіевѣ Сегюръ не разъ посѣтилъ Потемкина. Эти посѣщенія были отнюдь не похожи на пріемъ при дворѣ Екатерины. „Если кто подымался въ Печерскій монастырь,—чтобы посѣтить Потемкина, который тамъ расположился,—разсказываетъ Сегюръ,—то подумалъ бы, что онъ присутствуетъ при аудіенціи визиря въ Константинополѣ, Багдадѣ или Каирѣ. Тамъ господствовало молчаніе и какой то страхъ. По врожденной ли склонности къ нѣгѣ, или изъ притворнаго высокомѣрія, которое онъ считалъ умѣстнымъ обнаруживать, этотъ могущественный и прихотливый любимецъ Екатерины, изрѣдка показываясь въ фельдмаршальскомъ мундирѣ, покрытомъ орденами съ брилліантами, весь въ

шитьѣ и галунахъ, расчесанный, напудренный,—чаще всего ходилъ въ халатѣ на мѣху, съ открытой шеей, въ широкихъ туфляхъ, съ распущенными и нечесанными волосами; обыкновенно онъ лежалъ, развалясь на широкомъ диванѣ, окруженный множествомъ офицеровъ и значительнѣйшими сановниками имперіи; рѣдко приглашалъ онъ кого-нибудь садиться и почти всегда усердно игралъ въ шахматы, а потому не считалъ себя обязаннымъ обращать вниманіе на русскихъ или иностранцевъ, которые посѣщали его.

„Я зналъ эти странности. Но такъ какъ большая часть присутствовавшихъ не знала объ искренней взаимности, которая водворилась между нами, то, признаюсь, мое самолюбіе иногда страдало, когда мнѣ приходило на мысль, что иностранцы увидятъ посла французскаго короля принужденнымъ подчиняться, вмѣстѣ съ прочими, высокомѣрію и причудамъ Потемкина. Но, чтобы не возбудить ложныхъ толковъ, я поступилъ слѣдующимъ образомъ: когда я пріѣхалъ къ нему и обо мнѣ доложили, я вошелъ, и видя, что князь сидитъ за шахматами, не удостоивая меня взглядомъ,—я прямо подошелъ къ нему, обѣими руками взялъ и приподнялъ его голову, поцѣловалъ его и попросту сѣлъ подлѣ него на диванъ. Эта фамильярность немного удивила зрителей; но такъ какъ Потемкину она не показалась неумѣстной, то всѣ поняли мои отношенія къ нему“.

Сегюръ продолжалъ слѣдить за отношеніями Россіи къ Турціи. Потемкинъ, по его мнѣнію, хотѣлъ войны; Сегюръ дѣлалъ все, чтобы предупредить войну. Свѣтлѣйшій не разъ говорилъ послу: „Стало быть рѣшено, что

ваша нація, самая образованная въ мірѣ, будетъ всегда защитницей изувѣровъ и невѣжъ. И все подъ предлогомъ торговыхъ выгодъ, которыя могли бы быть вполнѣ замѣнены для васъ пріобрѣтеніями въ Архипелагѣ. Вся Европа въ правѣ обвинять Францію, которая упорно охраняетъ въ нѣдрахъ ея варварство и чуму". Сегюръ отвѣчалъ на это, что французскій король стремится сохранить всеобщій миръ, а паденіе Турціи вызвало бы всеобщую войну въ Европѣ. „Пусть такъ, — говорилъ Потемкинъ,—если ужъ вы непремѣнно хотите сохранить чуму и полагаете, что христіанское государство или греческія республики будутъ менѣе благопріятны для вашей торговли, нежели гордые, своевольные и высокомѣрные мусульмане. Но, по крайней мѣрѣ вы бы должны были согласиться, что турокъ должно стѣснить въ болѣе естественныхъ, приличныхъ имъ границахъ для избѣжанія безпрестанно ожидаемыхъ войнъ". „Понимаю,—отвѣчалъ Сегюръ.—Вамъ нуженъ Очаковъ и Аккерманъ, это почти то же, что требовать Константинополь"...

„Въ тѣ дни, въ которые князь Потемкинъ не принималъ гостей, или лучше сказать, не разыгрывалъ роль азіатскаго владыки, я любилъ бывать у него по домашнему, видѣть его, окруженнаго любезными племянницами и друзьями. Это былъ другой человѣкъ, правда, всегда причудливый, но остроумный, и умѣвшій всегда придать занимательность разговорамъ самымъ разнообразнымъ".

Здѣсь, за завтракомъ у свѣтлѣйшаго, Сегюру пришлось однажды быть свидѣтелемъ любопытной сцены, какъ самъ князь съ племянницами и друзьями старались пріобрѣсти контрабандой драгоцѣнныя кружева, прове-

зенныя изъ за границы, минуя русскую таможню; провезъ ихъ въ своей каретѣ одинъ изъ служителей французскаго посла, котораго пропустили черезъ таможню безъ осмотра. „Разъ завтракаю я у Потемкина съ его племянницами и нѣсколькими посторонними лицами,—разсказываетъ Сегюръ,—и вдругъ замѣчаю, что нѣкоторые изъ присутствующихъ безпрестанно уходятъ въ сосѣднюю комнату и тщательно притворяютъ за собою двери. Всякій разъ, какъ я пытался тоже войти туда, одна изъ племянницъ князя задерживала меня подъ какимъ-либо предлогомъ. Это еще болѣе подстрекало мое любопытство; я при удобномъ случаѣ ускользнулъ, поспѣшно отворилъ дверь, и увидѣлъ—на большомъ столѣ, окруженномъ любопытными и покупателями, цѣлую огромную кучу разныхъ запрещенныхъ товаровъ, которые мой камердинеръ показывалъ, всячески выхваляя ихъ достоинство и объявляя цѣну. Мое появленіе поразило всѣхъ. Князь, любопытные зрители, покупатели, всѣ были виновны и пойманы на дѣлѣ. Мой торговецъ, озадаченный, началъ скорѣе сбирать свои вещи. Я принялъ на себя гнѣвный видъ, выбранилъ контрабандиста, и объявилъ ему, что отказываю ему отъ мѣста. Напрасно дамы старались меня уговорить и упрашивали простить его; я цѣлый часъ крѣпился, но, наконецъ, долженъ былъ уступить, когда самъ князь, первый министръ, просилъ у меня помилованія виновнаго. „Что же дѣлать, — сказалъ я,—когда, къ удивленію моему, вы сами въ числѣ виновниковъ и укрывателей“.

XI.

„ФЛОТЪ КЛЕОПАТРЫ“.

„Зима миновала. Днѣпръ избавился изъ ледяныхъ оковъ своихъ; природа, сбросивъ траурный покровъ и засіявъ блескомъ весны, подавала Екатеринѣ знакъ къ отъѣзду, —разсказываетъ Сегюръ.—Мы отпраздновали день ея рожденія. Помолясь усердно въ Печерскомъ монастырѣ, императрица раздала много наградъ, лентъ, брилліантовъ

Флотилія Екатерины на Днѣпрѣ.

и жемчугу. Де-Линь сказалъ: „Кіевская Клеопатра не глотаетъ жемчуговъ, а раздаетъ ихъ во множествѣ“.

„Наконецъ, 22 апрѣля императрица пустилась въ путь на галерѣ, въ сопровожденіи великолѣпнѣйшей флотиліи, которая когда-либо шла по широкой рѣкѣ. Она состояла изъ 80 судовъ съ 3 тыс. чел. матросовъ и солдатъ. Впереди

шли 7 парядныхъ галеръ огромной величины, искусно расписанныхъ, съ множествомъ ловкихъ матросовъ въ одинаковой одеждѣ. Комнаты, устроенныя на палубахъ, блистали золотомъ и шелками. Каждый изъ насъ имѣлъ комнату и еще нарядный и роскошный кабинетъ, съ покойными диванами, съ чудесною кроватью подъ штофною занавѣсью и съ письменнымъ столомъ краснаго дерева. На каждой изъ галеръ была своя музыка. Множество лодокъ и шлюпокъ носились впереди и вокругъ этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебствомъ.

Лагери и новыя селенія по пути Екатерины.

„Мы подвигались медленно, часто останавливаясь, и пользуясь остановками, садились на легкія суда и катались вдоль берега, вокругъ зеленѣющихъ островковъ, которыми усѣяна рѣка. Множество народа громкими кликами привѣтствовало императрицу, когда, при громѣ пушекъ, матросы мѣрно ударяли по волнамъ Бирисфена (Днѣпра) своими блестящими, расписанными веслами. Порою на береговыхъ равнинахъ Днѣпра маневрировали

легкіе отряды казаковъ. Города, деревни, усадьбы, а иногда простыя хижины такъ были изукрашены цвѣтами, расписанными декораціями и тріумфальными воротами, что видъ ихъ обманывалъ взоръ, и они представлялись какими то дивными городами, волшебно созданными замками, великолѣпными садами... Когда мы подъѣзжали къ большимъ городамъ, то передъ нами выравнивались строемъ превосходные полки, блиставшіе красивымъ оружіемъ и богатымъ нарядомъ. Противоположность ихъ щегольского вида съ наружностью румянцевскихъ солдатъ уже доказывала намъ, что мы оставляемъ область этого маститаго, знаменитаго воина, и вступаемъ въ мѣста, которыя судьба подчинила власти Потемкина"...

Сегюръ помѣщался на одной галерѣ съ принцемъ де-Линемъ. Это было пріятное сосѣдство. „Де-Линь, будучи 20-ю годами старше меня, — разсказываетъ Сегюръ,— удивлялъ меня живостью своего воображенія и юношескимъ умомъ. Рано утромъ будилъ онъ меня стукомъ въ тонкую перегородку, которая отдѣляла его кровать отъ моей, и читалъ экспромты въ стихахъ и пѣсенки, только что имъ сочиненныя. Немного погодя, его лакей приносилъ мнѣ письмо въ 4 и 6 страницъ, гдѣ остроуміе, шутка, политика, любовь, военные анекдоты и эпиграммы мѣшались самымъ оригинальнымъ образомъ. Онъ требовалъ немедленнаго отвѣта.

„Мы были свободны только по утрамъ,—и пріятно проводили ихъ въ чтеніи, въ разговорахъ, въ переходахъ съ одной галеры на другія, и въ прогулкахъ по берегамъ. Въ часъ мы отправлялись на царскую галеру и обѣдали съ императрицей. Столъ ея, какъ всегда,

былъ накрытъ на 10 приборовъ. Только разъ въ недѣлю она сзывала всю свиту, имѣвшую честь сопровождать ее. Тогда столъ устраивался на огромномъ суднѣ, гдѣ помѣщалось до 60 человѣкъ".

Послѣ обѣда разыгрывались небольшія пьески, „поговорки", какъ это называлось, въ каютѣ, или въ спальнѣ императрицы; Кобенцель былъ неистощимъ на эти забавы, пріятно разнообразившія досугъ. Вообще, веселье царило въ этомъ веселомъ обществѣ. „Я никогда не видалъ императрицы болѣе любезною, какъ въ первый день нашего плаванья, — разсказываетъ Сегюръ; — за обѣдомъ было очень весело; мы всѣ рады были, что выѣхали изъ скучнаго Кіева, гдѣ льды держали насъ цѣлые 3 мѣсяца. Весна молодила наши умы. Прекрасная погода, великолѣпіе нашего флота, величественная рѣка, движеніе, радость зрителей, толпившихся по берегу,— все это возбуждало и подстрекало воображеніе"... „Если бы насъ спросили въ то время, когда мы садились на суда,—писалъ принцъ де-Линь своей пріятельницѣ въ Парижъ,—что хотятъ они дѣлать на этихъ галерахъ?—мы могли бы отвѣчать: забавляться во что бы то ни стало; ибо никогда не было столь блистательнаго и пріятнаго плаванія".

Плаваніе шло, однако, не вполнѣ гладко.—„Днѣпръ положилъ всевозможныя старанія, чтобы замедлить путешествіе,—жаловалась Екатерина;—вмѣсто 9 дней, мы находились на немъ 2 недѣли". Иногда по случаю непогоды приходилось останавливаться на цѣлыя сутки. Галеру императрицы однажды прижало къ берегу, въ другой разъ она сѣла на мель „Съ нами все случалось,—писалъ

де-Линь,—даже и буря, отъ которой 3 галеры сѣли на мель". Тѣмъ не менѣе, плаваніе всѣмъ доставляло удовольствіе, и Екатерина выражала сожалѣніе, что не здѣсь выстроенъ Петербургъ.

Сегюръ записалъ бесѣды, какія велись во время этого плаванія съ императрицей. „Въ разговорахъ нашихъ,—разсказываетъ онъ,—мы безпрестанно переходили отъ одного къ другому. Мы сравнивали прежнія времена съ новыми, Францію съ Греціей, Англію съ Карѳагеномъ, Пруссію съ Македоніей, имперію Екатерины съ Кировою имперіей, разсказывали анекдоты старые и новые; императрица сообщила намъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Петра Великаго и Елизаветы. Однажды зашла рѣчь о качествахъ самой императрицы. „Я знаю,— сказала она,— я вообще вамъ нравлюсь, и вы хвалите меня цѣликомъ, но, разбирая меня поподробнѣе, вы осуждаете во мнѣ многое. Я безпрестанно дѣлаю ошибки противъ языка и правописанія. Сегюръ знаетъ, что у меня иногда претупая голова, потому что ему не удалось заставить меня сочинить 6 стиховъ. Безъ шутокъ, я думаю, не смотря на ваши похвалы, что если бы я была частной женщиной во Франціи, то ваши милыя парижскія дамы не нашли бы меня довольно любезною для того, чтобы отужинать съ ними." „Прошу васъ вспомнить, государыня,—возразилъ Сегюръ,—что я здѣсь представитель Франціи, и не долженъ допускать клеветъ на ея счетъ".

Но императрица, бывшая въ духѣ, продолжала въ томъ же тонѣ: „Какъ вы полагаете, чѣмъ бы я была, если бы родилась мужчиной и частнымъ человѣкомъ?" Въ отвѣтъ на это Фитцъ Гербертъ сказалъ, что она была бы муд-

рымъ законовѣдцемъ, Кобенцель полагалъ, что бы сдѣлалась великимъ министромъ, а я увѣрялъ ее, что она сдѣлалась бы знаменитымъ полководцемъ. „На этотъ разъ вы ошибаетесь,—возразила она:—я бы отважилась на все для славы, и въ чинѣ поручика въ первую кампанію не снесла бы головы“.

„Въ другой разъ мы говорили о предположеніяхъ, которыя тогда дѣлались въ Европѣ по поводу ея путешествія. Мы всѣ были одинаковаго мнѣнія и увѣряли, что вездѣ будутъ думать, будто она съ императоромъ (Іосифомъ II) хочетъ завоевать Турцію, Персію, даже можетъ быть Индію и Японію, наконецъ, что странствующій кабинетъ Екатерины занимаетъ и тревожитъ всѣ прочіе кабинеты.

„Стало быть, этотъ петербургскій кабинетъ, находящійся теперь на волнахъ Днѣпра, кажется весьма значительнымъ, если такъ тревожитъ другіе?

„Точно такъ, государыня,—сказалъ тогда де-Линь,—а между тѣмъ я не знаю ни одного, который былъ бы такъ малъ: онъ и весь то въ нѣсколько дюймовъ, потому что простирается отъ одного виска до другого и отъ переносицы до волосъ“.

Однажды зашла рѣчь о неумѣніи имшератрицы писать стихи. Она сказала „карманнымъ“ своимъ министрамъ: „Видите, господа! вы хвалите меня вообще за все; но если разсмотрите подробнѣе, то конечно станете бранить. Пожалуйте замѣтьте, я обязана частью моей славы князю Орлову. Онъ присовѣтовалъ мнѣ послать флотъ въ Архипелагъ. За Тавриду и за изгнаніе татаръ, угрожавшихъ моему государству, я должна благодарить князя Потемкина. Я беру на свой счетъ только то, что образовала

сихъ господъ. За побѣды должна я признательностію фельдмаршалу Румянцеву. Вѣрьте мнѣ, что я только счастлива, если мною сколько-нибудь довольны, такъ это потому, что я нѣсколько тверда и одинакова въ моихъ правилахъ". Она говорила также: „Я увѣрена, что обо мнѣ худо говорятъ въ Европѣ. Твердятъ безпрестанно, что я готова разориться, что я много издерживаю. Нѣтъ нужды, маленькое мое хозяйство идетъ своимъ порядкомъ".

Екатерина любила ссылаться на примѣръ Петра Великаго. Во время путешествія,—разсказываетъ де-Линь,—„она всегда имѣла при себѣ табакерку съ портретомъ Петра I. „Я спрашиваю у себя каждый день, говорила она, что бы сей великій человѣкъ приказалъ, что бы сталъ дѣлать, и что бы сталъ запрещать, будучи на моемъ мѣстѣ."

Часто, однако, разговоръ переходилъ на другія, менѣе политическія темы. Де-Линь передаетъ такую сцену: „Императрица сказала намъ вчера за столомъ: „для меня кажется странно, отчего вы, означающее множественное число, вошло въ употребленіе, и для чего изгнали ты?"—Оно еще не совсѣмъ изгнано, В. В., и можетъ быть употребляемо между великими особами, что Богу во всѣхъ молитвахъ также говорятъ.

— Скажите, для чего жъ вы обходитесь со мною съ большею церемоніею? Посмотримъ, я вамъ тѣмъ же буду отвѣчать. Будешь ли ты со мною такъ говорить? —сказала она оберъ-шталмейстеру.

— Для чего же не такъ,—отвѣчалъ онъ,—если только ты сама будешь со мною учтивѣе.

Тутъ полились цѣлыя тысячи ты, одни смѣшнѣе другихъ. Я свои мѣшалъ съ именемъ Величества, твоего Величества было уже для меня довольно. Другіе не знали, что сказать, и Величество, осыпанное грубыми ты, возвращая оное обратно, несмотря на сіе, имѣла видъ Владычицы Всероссійской, и почти всѣхъ частей свѣта."

XII.

„ГРАФЪ ПОНЯТОВСКІЙ".

„Я выѣхала 22 этого мѣсяца изъ Кіева—писала императрица Гримму,—и вотъ уже три дня, какъ мы плывемъ на веслахъ по Борисфену: всѣ, слава Богу, здоровы. Новаго ничего не могу вамъ сказать, кромѣ того, что изо всѣхъ моихъ плаваній это кажется самое затруднительное, потому что рѣка такъ извилиста, на ней столько острововъ и остановковъ, столько мелей, что до сихъ поръ мы вовсе не употребляли въ дѣло парусовъ; она гораздо быстрѣе Невы. Теперь мы между двумя берегами, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Польшѣ; этотъ очень гористъ;—русскій же берегъ совершенно низменный. Богъ знаетъ, откуда пойдетъ это письмо. Надѣюсь завтра или послѣ завтра видѣть на своей галерѣ короля Польскаго".

Еще раньше, изъ Кіева, въ мартѣ мѣсяцѣ, Потемкинъ ѣздилъ въ Фастовъ и видѣлся тамъ съ польскимъ королемъ. Это было предварительное свиданіе; Потемкинъ увѣрилъ короля въ готовности императрицы, насколько это возможно, исполнить желанія короля. Теперь въ Каневѣ предстояло свиданіе императрицы съ прежнимъ

ея поклонникомъ. Новый фаворитъ, Мамоновъ, дѣлалъ видъ, что жестоко ревнуетъ къ нему Екатерину. Сегюръ и де-Линь едва удерживались, глядя на это, отъ смѣху; королю было 55, а Екатеринѣ 58 лѣтъ.

Художникъ Линдсей изобразилъ акварелью флотъ Екатерины въ тотъ моментъ, когда онъ подходилъ къ Каневу. Впереди 3 большихъ парусныхъ судна одинаковой величины и одинаково окрашенныя красной краской и позолотой. На ихъ палубѣ—павильоны съ большими окнами; надъ павильонами—площадки, на которыхъ помѣщены въ боевомъ порядкѣ солдаты. Первая изъ галеръ, по имени „Днѣпръ"—принадлежитъ государынѣ. Бокъ о бокъ съ ней стоитъ „Бугъ",—съ кн. Потемкинымъ и его племянницами; нѣсколько позади третья барка, „Десна", служитъ столовой. За ними гуськомъ слѣдуютъ остальныя галеры.

„Флотъ нашъ—разсказываетъ Сегюръ—остановился подъ Каневымъ, въ которомъ выставлены были польскія войска, въ богатыхъ мундирахъ, съ блестящимъ оружіемъ. Пушки съ кораблей и изъ города возвѣстили прибытіе обоихъ монарховъ. Екатерина послала на красивой шлюпкѣ нѣсколько генераловъ встрѣтить короля польскаго. Король, чтобы избавиться отъ затруднительнаго этикета, хотѣлъ сохранить инкогнито, и сказалъ посланнымъ, которые его сопровождали: „Господа, король польскій поручилъ мнѣ представить вамъ графа Понятовскаго".

„Когда онъ вступилъ на императрицыну галеру, мы окружили его, желая замѣтить первыя впечатлѣнія и слышать первыя слова двухъ державныхъ особъ, которыя

Послѣдній польскій король—Станиславъ-Августъ—
„Гр. Понятовскій".

находились въ положеніи, далеко несходномъ съ тѣмъ, въ какомъ они были нѣкогда. Но мы обманулись въ нашихъ ожиданіяхъ, потому что, послѣ взаимнаго поклона, важнаго, гордаго и холоднаго, Екатерина подала руку королю, и они вошли въ кабинетъ, въ которомъ пробыли съ полчаса"... (Когда они вышли), „въ его глазахъ виднѣлся отпечатокъ грусти, которую не скрыла его принужденная улыбка".

На большой галерѣ былъ устроенъ парадный обѣдъ. „За обѣдомъ мало ѣли, мало говорили, только смотрѣли другъ на друга, слушали прекрасную музыку и пили за здравіе короля, при грохотѣ пушечнаго залпа. По выходѣ изъ за стола, король взялъ изъ рукъ пажа перчатки и вѣеръ императрицы и подалъ ей. Послѣ того онъ сталъ искать и никакъ не могъ найти своей шляпы; императрица, замѣтивъ это, велѣла принести шляпу и подала ее королю. Принимая ее, Станиславъ сказалъ: „Когда то, В. В., Вы пожаловали мнѣ другую шляпу, которая была гораздо лучше этой" (онъ намекалъ на данную ему Екатериной польскую корону).

„Мы возвратились на царскую галеру. Король пробылъ еще немного времени, и въ 8 часовъ уѣхалъ въ Каневъ".

„Когда наступила ночная темнота,—продолжаетъ Сегюръ,—каневская гора зардѣлась огнями; по уступамъ ея была прорыта канава, наполненная горючимъ веществомъ; его зажгли, и оно казалось лавою, текущею съ огнедышащей горы; сходство было тѣмъ разительнѣе, что на вершинѣ горы взрывъ болѣе 100 тысячъ ракетъ озарилъ воздухъ и удвоилъ свѣтъ, отразившись въ во-

дахъ Днѣпра. Флотъ нашъ тоже былъ великолѣпно освѣщенъ, такъ что на этотъ разъ для насъ не было ночи". „Представленіе Везувія, продолжавшееся во все то время, которое мы стояли на якорѣ передъ окнами короля, освѣщало горы, долины и воды лучше, нежели самое блестящее солнце среди дня,—добавляетъ де-Линь,—и позлащало или воспламеняло всю природу. Мы забывали, что тогда была ночь".

Пріемъ королю былъ оказанъ достаточно холодный. „Король далъ великолѣпный балъ,—императрица отказалась участвовать въ немъ. Станиславъ упрашивалъ ее остаться еще хоть сутки;—Екатерина сказала ему, что боится опоздать и заставить ждать императора (Іосифа II), который долженъ былъ съѣхаться съ нею въ Херсонѣ... Пора милостей для короля миновала". (Сегюръ). Король просилъ Потемкина уговорить императрицу, чтобы она осталась еще въ Каневѣ и согласилась у него отобѣдать; свѣтлѣйшій пытался ее убѣдить, но тщетно; Екатерина отвѣчала ему:—„Когда я что опредѣляю, тогда обыкновенно бываетъ то не на вѣтру, какъ въ Польшѣ часто случалось; итакъ ѣду завтра, какъ назначила, а ему желаю всякаго благополучія... Право батинька, скучно". „Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, были довольны, что избавились вчерашняго безпокойства. Кн. Потемкинъ ни слова не говорилъ; принуждена была говорить безпрестанно; языкъ засохъ; почти осердили, прося остаться. Король торговался на 2, на 3 дня, или хотя для обѣда на другой день".

Такъ минуло это свиданіе... „Король дожидался насъ при Каневѣ, — разсказываетъ де-Линь;—онъ прожилъ

тутъ 3 мѣсяца и 3 милліона, для свиданія на 3 часа съ императрицей“...

Это было за нѣсколько лѣтъ до второго раздѣла Польши.

XIII.

КРЕМЕНЧУГЪ.

30 апрѣля флотъ императрицы прибылъ въ Кременчугъ. Здѣсь начиналась уже Новороссія; путешественники вступали въ намѣстничество Потемкина. Тутъ долженъ былъ свѣтлѣйшій развернуть свое стараніе и свое искусство царедворца и декоратора во всю.

Сойдя при пушечной пальбѣ на берегъ, императрица въ каретѣ прослѣдовала въ домъ, спеціально приготовленный для ея пребыванія. Потемкинъ вмѣстѣ съ другими начальствующими лицами ѣхалъ верхомъ возлѣ кареты. Вечеромъ того же дня устроена была великолѣпная иллюминація, въ разноцвѣтныхъ огняхъ.

На другой день, по утру, во время Высочайшаго выхода въ большую залу, „представалъ императрицѣ преосвященный Амвросій, арх. Екатеринославскій и Херсонеса Таврическаго, и говорилъ рѣчь, изъявляющую радость всего полуденнаго края, восхищеннаго посѣщеніемъ Монархини, превратившей неплодныя пустыни въ обитательныя села и грады. Затѣмъ, когда императрица шествовала къ обѣденному столу, представлены были и жалованы къ рукѣ депутаты осетинскаго народа, племенъ, просящихъ св. крещенія... Обѣдъ былъ въ новопостроенной пространной залѣ. Во время стола игралъ оркестръ,

составленный изъ 186 пѣвцовъ и разныхъ музыкантовъ, исполняя съ совершеннымъ успѣхомъ италіанскую кантату, для сего знаменитаго случая сочиненную капельмейстеромъ Саргіемъ. Когда смеркалось, зажжена была иллюминація, и садъ съ ближнею рощей, различными огнями освѣщенные, показывали много пріятныхъ видовъ". Такъ повѣствуетъ оффиціальный журналъ путешествія.

Сегюръ дополняетъ эту сухую картину личными своими впечатлѣніями. „Скучное пребываніе въ Кіевѣ, зима и въ особенности недовольный видъ Румянцева расположили къ грусти веселую императрицу. По высадкѣ нашей въ Кременчугѣ иная картина представилась взорамъ ея: весна, ожививъ природу, придала предметамъ праздничный видъ, и свѣтлая, прелестная зелень украшала все, даже болота. Домъ обширный, красивый, построенный и расположенный по вкусу Екатерины, англійскій садъ, въ которомъ волшебнымъ образомъ князь Потемкинъ насадилъ огромнѣйшія деревья; прекрасный видъ, украшенный тѣнистой зеленью, цвѣтами и водой; 12 тысячъ вновь снаряженнаго войска; собраніе всего дворянства губерніи, въ богатыхъ нарядахъ, и купцовъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ имперіи; наконецъ, повсемѣстное движеніе послѣ 3 мѣсячнаго покоя, и близость къ цѣли этой необыкновенной поѣздки, занявшей вниманіе Европы: вотъ чѣмъ открылись для меня эти новыя зрѣлища".

„Потемкинъ, необыкновенный всегда и во всемъ, явился здѣсь столько же дѣятельнымъ, сколько былъ лѣнивъ въ Петербургѣ. Какъ будто какими то чарами умѣлъ онъ преодолѣвать всѣ возможныя препятствія, побѣждать природу, сокращать разстоянія, скрывать недостатки,

обманывать зрѣніе тамъ, гдѣ были лишь однообразно-песчаныя равнины, дать пищу уму на пространствѣ долгаго пути, и придать видъ жизни степямъ и пустынямъ. Станціи были размѣщены такимъ образомъ, что путешественники не могли утомиться; флотъ останавливался всегда въ виду селеній и городовъ, расположенныхъ въ живописныхъ мѣстностяхъ. По лугамъ паслись многочисленныя стада; по берегамъ располагались толпы поселянъ; насъ окружало множество шлюпокъ съ парнями и дѣвушками, которые пѣли простонародныя пѣсни, однимъ словомъ, ничего не было забыто".

Въ Кременчугѣ были устроены большіе маневры, съ участіемъ 45 эскадроновъ конницы и многочисленной пѣхоты; „я рѣдко видывалъ такое прекрасное и блестящее войско",—замѣчаетъ Сегюръ. Екатерина въ письмахъ къ Еропкину и Салтыкову писала тоже: „Здѣсь я нашла 3 легко-конныхъ полка, про которыхъ покойный Панинъ и многія иныя старушенки говорили, что они только на бумагѣ, но вчерась я видѣла своими глазами, что тѣ полки не карточные, но въ самомъ дѣлѣ прекрасные".

Все вообще, что видѣла здѣсь Екатерина, все, что показывалъ ей магъ и волшебникъ—Потемкинъ,—вызывало у нея восторгъ и восхищеніе. „Въ Кременчугѣ намъ всѣмъ весьма понравилось,—писала она Салтыкову:—наипаче послѣ Кіева, который между нами не получилъ партизана, и еслибы я знала, что Кременчугъ таковъ, какъ я его нашла, я бы давно переѣхала... Чтобы видѣть, что я не попусту имѣю довѣренность къ способностямъ фельдмаршала кн. Потемкина, надлежитъ пріѣхать въ его губерніи, гдѣ всѣ части устроены какъ возможно

лучше и порядочнѣе: войска, которыя здѣсь, таковы, что даже чужестранные ихъ хвалятъ неложно; города строятся, недоимокъ нѣтъ. Въ трехъ же малороссійскихъ губерніяхъ оттого, что ничему не давано движенія, недоимки простираются до милліона; города мерзкіе, и ничто не дѣлается."

Свое удовольствіе императрица сочла долгомъ высказать главному его виновнику, Потемкину; она сказала ему: „Отъ Петербурга до Кіева мнѣ казалось, что пружины моей имперіи ослабли отъ употребленія; здѣсь онѣ въ полной силѣ и дѣйствіи". (Сегюръ).

Въ самомъ веселомъ настроеніи пскидала императрица Кременчугъ. „Если бъ вы знали,—писала она Гримму,—что говорится и творится ежедневно на моей галерѣ, вы помирали бы со смѣху. Всѣ эти люди, путешествующіе со мною, такъ ко мнѣ привыкли, что чувствуютъ себя, какъ дома".

XIV.

ІОСИФЪ II.

Въ Херсонѣ Екатерина должна была съѣхаться съ германскимъ императоромъ, Іосифомъ II.

Представитель блестящаго дома Габсбурговъ не въ первый разъ собирался посѣтить Россію. Онъ былъ уже въ гостяхъ у Екатерины 7 лѣтъ назадъ, въ 1780 г. Это была политическая поѣздка: Австріи надо было „оттортнуть Россію отъ союза съ Пруссіей"; австрійскіе дипломаты старались „возстановить прежнія дружескія отношенія

между императорскими дворами", и для этого должны были „не щадить ни труда, ни денегъ". Для этого же ѣздилъ въ Россію и Іосифъ, тогда еще бывшій наслѣдникомъ престола.

Іосифъ пріѣзжалъ подъ именемъ графа Фалькенштейна, и встрѣтился съ Екатериной въ Могилевѣ; затѣмъ онъ побывалъ въ Москвѣ, и вторично посѣтилъ императрицу въ Петербургѣ и въ Царскомъ селѣ. Екатерина съ большимъ интересомъ и даже какъ будто страхомъ готовилась къ этому пріему царственнаго сосѣда; она жаловалась сыну, что потѣетъ отъ одной мысли о предстоящей встрѣчѣ; когда же свиданіе состоялось, она старалась хорошенько изучить гостя. Графъ Фалькенштейнъ очень понравился Екатеринѣ; она была плѣнена его любезностью, его краснорѣчіемъ и образованіемъ. „Я не кончила бы, если бы стала хвалить его,—писала Екатерина Гримму.—Это голова самая основательная, самая глубокая, самая просвѣщенная, какую я знаю. Ну, ужъ кто его опередитъ, тому придется вставать рано. Если вамъ съ нимъ случится разговаривать, онъ овладѣетъ всѣмъ вашимъ слухомъ, и вы не наслушаетесь его". Чтобы понравиться Екатеринѣ, Іосифъ велѣлъ отслужить панихиду за упокой души Вольтера...

Говорили тогда и о политикѣ. Екатерина спросила гостя, не собирается ли онъ, какъ будущій императоръ, завладѣть Римомъ. Онъ отвѣтилъ ей въ томъ же тонѣ, что ей легче захватить второй Римъ (т.-е. Константинополь), чѣмъ ему—первый. Второй Римъ не сдѣлался достояніемъ Екатерины; но Іосифъ не помѣшалъ ей пріобрѣсти Крымъ, проникнуть къ Черному морю. За это

Іосифъ II, австрійскій императоръ.

нужно было быть благодарной. Теперь предстояла новая война съ Турціей; надо было о многомъ столковаться; Іосифу слѣдовало ознакомиться съ силами Россіи, съ готовностью ея къ войнѣ. Особенно важно было увидѣть вновь пріобрѣтенные Новороссію и Тавриду. Туда онъ и уѣхалъ теперь на свиданіе съ Екатериной.

Еще въ августѣ предыдущаго года Екатерина извѣстила Іосифа о своемъ предполагаемомъ путешествія на югъ, во время котораго она надѣялась съ нимъ свидѣться,— но сдѣлала это неоффиціально, и даже недостаточно вѣжливо, въ припискѣ къ письму, между прочимъ. Іосифъ, скандализованный такой странной формой приглашенія, рѣшилъ „дать почувствовать Цербстской принцессѣ, превращенной въ Екатерину, что не слѣдуетъ располагать императоромъ съ такимъ пренебреженіемъ и невниманіемъ“, и отвѣтъ свой послалъ ей тоже въ припискѣ къ письму. Затѣмъ, рѣшивъ ѣхать, онъ измѣнилъ тонъ, и засыпалъ Екатерину выраженіями своего восторга, своего восхищенія, что онъ снова ее увидитъ. Онъ пріѣдетъ въ Россію, не какъ императоръ, а какъ простой дворянинъ, пріѣдетъ лишь для того, чтобы тысячу разъ повторить Екатеринѣ, какъ онъ ее уважаетъ. Онъ считаетъ дни и часы, оставшіеся до этого свиданія. У него даже дѣлается сердцебіеніе, когда онъ услышитъ названіе Херсона. Екатерина съ своей стороны не оставалась въ долгу, тоже считала дни и минуты, и поздравляла себя, что такой опытный знатокъ и безпристрастный судья увидитъ, наконецъ, ея имперію.

XV.

СВИДАНІЕ ДВУХЪ МОНАРХОВЪ.

Екатерина обѣдала на своей галерѣ, когда пришло извѣстіе „о вступленіи въ границы Россійскія знаменитаго путешественника графа Фалькенштейна". Знаменитый путешественникъ проѣхалъ прямо въ Херсонъ, осмотрѣлъ тамъ постройки,—новую крѣпость, верфи и магазины,—и на другой день выѣхалъ навстрѣчу Екатеринѣ. Надо было спѣшить принимать гостя,—а препятствія и задержки на пути умножались „По причинѣ сильно упорствующихъ вѣтровъ, галеры и прочія суда, флотилію составляющія, не могли продолжать плаванія своего". Императрица, узнавъ о выѣздѣ императора изъ Херсона,—„переѣхала на берегъ, и въ экипажахъ, съ малою свитою отправилась навстрѣчу ему". Они встрѣтились у одинокаго казацкаго хутора

Екатерина въ письмѣ къ Гримму описывала эту встрѣчу: „7 мая я узнала на своей галерѣ, что графъ Фалькенштейнъ скачетъ во весь опоръ ко мнѣ навстрѣчу. Тотчасъ и я вышла на берегъ, чтобъ съ своей стороны поскакать навстрѣчу къ нему. И вотъ мы оба такъ хорошо скакали, что встрѣтились среди поля носъ къ носу. Первое слово, имъ сказанное мнѣ: „Вотъ теперь всѣ политики сбиты съ толку, никто не видитъ нашего свиданія". Онъ былъ съ своимъ посланникомъ (гр. Кобенцелемъ), а я съ княземъ де-Линемъ, Краснымъ Кафтаномъ и графиней Браницкой. Величества сѣли въ одну карету и проскакали 30 верстъ до Кайдаковъ.

„Пока мы рыскали по полю, мы разсчитывали—одинъ изъ насъ (Іосифъ II) на мой обѣдъ, а другая—на обѣдъ князя Потемкина, который, готовясь къ основанію новаго города (Екатеринослава), чтобъ выиграть время, постился, и хотя мы нашли его вернувшимся изъ своей экспедиціи, но обѣда не было. Однако же нужда изобрѣтательна: князь Потемкинъ вздумалъ самъ обратиться въ кухмистера, принцъ Нассаускій въ поваренка, великій генералъ Браницкій въ пирожника, и вотъ съ самаго коронованія обоихъ величествъ они еще никогда не были такъ почетно и вмѣстѣ такъ дурно угощаемы; несмотря на то, всѣ ѣли, смѣялись и довольствовались кое-какимъ обѣдомъ."

На другой день, въ присутствіи обоихъ монарховъ, состоялось давно подготовленное торжество. „9 мая—разсказываетъ Сегюръ,—мы расположились въ палаткахъ, въ 8 верстахъ отъ Кайдака, на мѣстѣ, гдѣ императрица хотѣла построить Екатеринославъ. Въ царскомъ шатрѣ отслужили молебенъ, и государи совершили закладку собора новаго города въ чрезвычайно красивой мѣстности. Онъ долженъ былъ быть построенъ на высотѣ, съ которой далеко виденъ извивающійся Днѣпръ, съ его лѣсистыми островками"...

Графъ Фалькенштейнъ остался не очень доволенъ порядками, какіе царили во флотѣ императрицы. Онъ писалъ фельдмаршалу Ласси: „Трудно выразить царствующій въ этомъ путешествіи безпорядокъ. Высадка на берегъ была трудна и продолжительна. На судахъ больше вещей и людей, чѣмъ имѣется экипажей и лошадей. Одинъ мчится впередъ, другимъ приходится слѣдовать. Путешествіе на

сушѣ сопровождается невообразимымъ безпорядкомъ; часть экипажей еще на судахъ; всякій беретъ кибитку, мѣстный экипажъ, и тащитъ въ нее свой багажъ. По этимъ безпредѣльнымъ равнинамъ мчатся, сломя голову, по 6, по 8 экипажей въ рядъ, и хотя дѣлаютъ всего по

Екатеринославъ.

4 перегона въ день, ломаютъ экипажи, теряютъ посуду, матрацы и багажъ въ этихъ степяхъ, и затѣмъ всего этого не хватаетъ. Ѣды много, но большей частью отвратительной, холодной, жесткой. Наконецъ, если бы не любезность императрицы и нѣсколькихъ человѣкъ, особенно иностранцевъ, общество которыхъ терпимо, это было бы настоящимъ отбываніемъ наказанія".

Но и Екатерина высказывала недовольство гостемъ. Храповицкій занесъ въ свои записки нѣсколько ея замѣчаній по его адресу. „Все вижу и слышу,—говорила Екатерина,—хотя не бѣгаю, какъ императоръ. Онъ много читалъ и имѣетъ свѣдѣнія; но, будучи строгъ противъ самого себя, требуетъ отъ всѣхъ неутомимости и невозможнаго совершенства; не знаетъ русской пословицы: мѣшать дѣло съ бездѣльемъ;—двухъ бунтовъ самъ былъ причиною. Тяжелъ въ разговорахъ. Принцъ де-Линь, будучи подъ личиною любезности самымъ глубокимъ философомъ, его перевертываетъ."

При всемъ томъ, наружно отношенія между монархами оставались самыми дружественными, и Іосифъ дѣлалъ все, чтобы заслужить расположеніе Екатерины; Сегюръ разсказываетъ, какъ австрійскій императоръ держалъ себя съ фаворитами русской императрицы: „стараясь понравиться Екатеринѣ, онъ расточалъ Мамонову очень частые знаки вниманія и благосклонности, терпѣлъ даже прихотливое высокомѣріе Потемкина, и не разъ, подобно придворнымъ императрицы, довольно долго ожидалъ выхода князя въ его пріемной"...

XVI.

ХЕРСОНЪ.

Съ Днѣпра, по пути къ Херсону, Екатерина писала Еропкину и Салтыкову: „хорошо видѣть сіи мѣста своими глазами, намъ сказали, что наѣдемъ на жары, несносныя человѣчеству, а мы наѣхали на воздухъ теплый и

вѣтръ свѣжій, весьма пріятный и самый весенній; степь, правда, что безлѣсная, но слой земли самый лучшій и такой, что безъ многаго труда все на свѣтѣ произведетъ; почиталась она безводною, а мы видѣли повсюду ручьи и рѣчки, при которыхъ поселеній уже не въ маломъ числѣ Здѣшніе жители всѣ безъ изъятія имѣютъ видъ свѣжій и здоровѣе, нежели кіевскіе, и кажутся работящѣе и живѣе"...

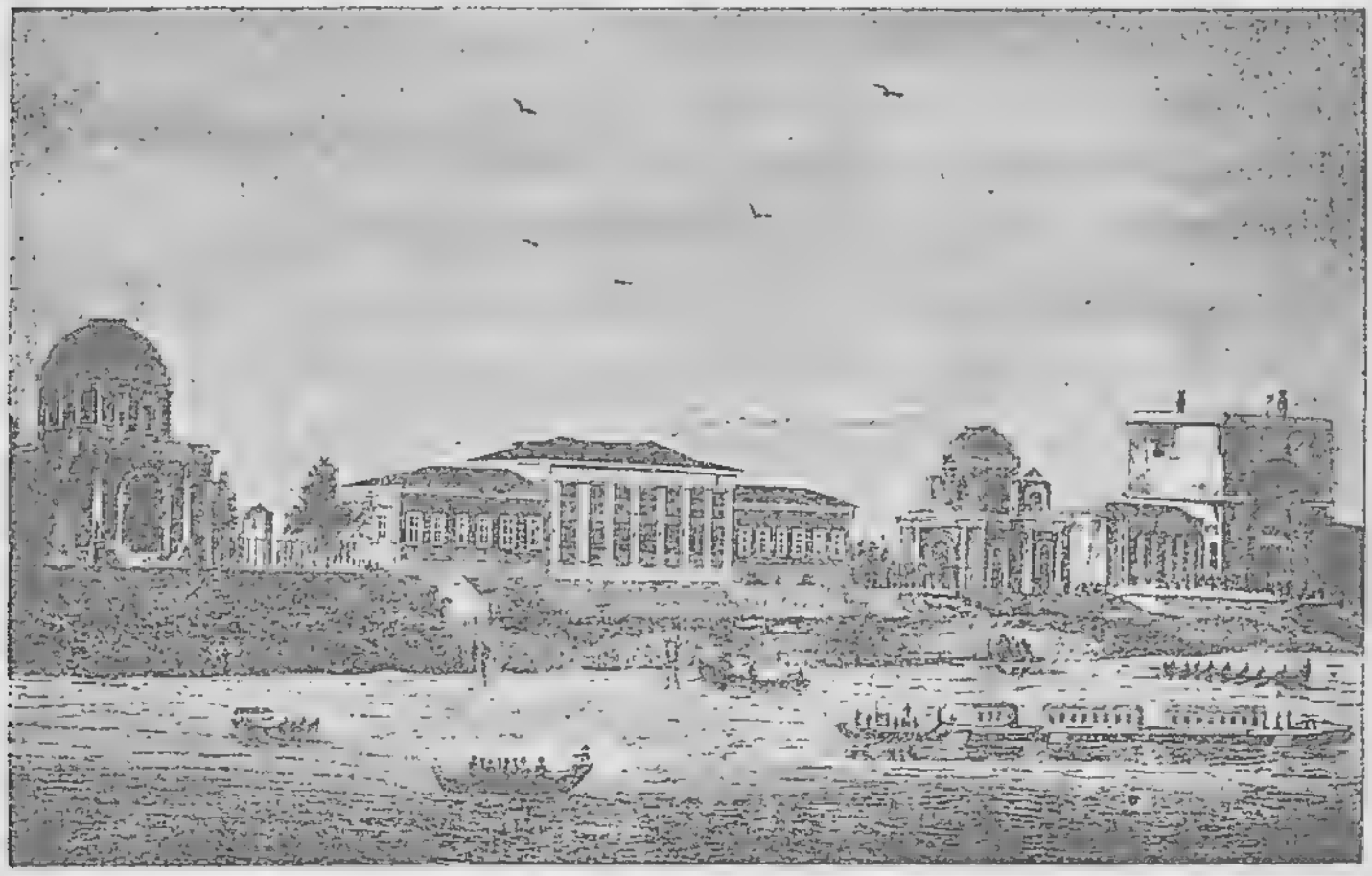
12 мая прибыли въ Херсонъ. Императрица въѣхала въ городъ въ великолѣпной колесницѣ, вмѣстѣ съ императоромъ и Потемкинымъ. Народъ отпрягъ лошадей, и на себѣ ввезъ государыню въ городъ. Затѣмъ пошли пріемы, обѣды, балы. Пять дней прожили въ Херсонѣ, и остались, повидимому, довольны. Екатерина писала Еропкину: „Мы пріѣхали въ Херсонъ. Дитя сіе не существовало 8 лѣтъ назадъ. Сначала проѣхали каменныя казармы 6-ти полковъ, потомъ повернули направо, въѣхали въ крѣпость, которая за себя постоитъ, внутри крѣпости военныя строенія многія окончены; нѣкоторыя приходятъ въ отдѣлку; церковь каменная, прекрасная. Выѣхавъ изъ крѣпости, повернули мы въ адмиралтетъ, въ которомъ всѣ магазины и строенія каменные, крыты желѣзомъ. На стапелѣ нашли мы готовый 80-ти пушечный корабль, который въ субботу, дастъ Богъ здоровье, на воду спустимъ; возлѣ него 66-ти пушечный, почти готовый; возлѣ сего фрегатъ 50-ти пушечный. Сіи корабли изъ моего дома, изъ той комнаты, въ которой я вамъ пишу, видны, и садъ сего дома возлѣ адмиралтейства и стапеля. Купеческаго города, который съ другой стороны составляетъ предмѣстье, я еще не видала; но сказываютъ—не хуже;

народу здѣсь, окромя военныхъ, великое множество и разноязычные изъ большей части Европы"...

Сегюръ разсказываетъ о Херсонѣ: „Послѣ поѣздки по 400—верстному пространству, насъ неожиданно поразилъ видъ Херсона. Но и безъ этого обстоятельства мы не могли не дивиться при видѣ столькихъ новыхъ, величественныхъ зданій. Мы увидѣли почти уже оконченную крѣпость, казармы на 24 тыс. человѣкъ, адмиралтейство со всѣми принадлежностями, арсеналъ, заключающій въ себѣ до 600 орудій, два военные корабля и фрегатъ, снаряженные къ спуску, публичныя зданія, воздвигаемыя въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколько церквей прекрасной архитектуры, наконецъ, цѣлый городъ, уже торговый, съ 2 тысячами домовъ и лавками, полными греческихъ, константинопольскихъ и французскихъ товаровъ; въ гавани его заходили и стояли до 200 купеческихъ судовъ... Понятно удивленіе присутствующихъ и восторгъ, съ какими они превозносили дарованіе и подвиги Потемкина."

Впрочемъ, Сегюръ не все въ Херсонѣ одобрялъ въ равной мѣрѣ. „Очарованіе было мимолетное, и удивленіе наше охладилось размышленіемъ. Разсмотрѣвъ Херсонъ вблизи, и подробно, мы замѣтили, что его мѣстоположеніе дурно выбрано, что корабли вообще не могутъ подыматься по Днѣпру иначе, какъ безъ груза, а военныя суда, здѣсь построенныя, не могутъ свободно спускаться по рѣкѣ безъ помощи камелей. Не было ни набережной, ни пакгаузовъ для товаровъ; наконецъ, испаренія болотъ и островковъ возлѣ города вредно дѣйствовали на здоровье жителей"...

15 мая, въ присутствіи ея величества и графа Фалькенштейна, „спущены были на воду построенные при Херсонскомъ адмиралтействѣ два военные корабля и одинъ фрегатъ: 80 пушечный корабль наименованъ „Іосифъ II“ („Это галантно“,—замѣтила Екатерина), 66 пушечный



Дворецъ Потемкина въ Херсонѣ.

„Владимиръ“ и фрегатъ 50 пушечный „Александръ“. Спускъ этотъ былъ обставленъ богато. „Чрезъ Днѣпръ,—разсказываетъ очевидецъ,—заранѣе были построены три пловучіе моста съ перилами, для защиты отъ солнца и дожля снабженные крышей, которая была покрыта зеленою клеенкой. Между обоими крайними мѣстами, на которыхъ помѣщались зрители, находились подмостки, съ которыхъ должны были сойти корабли. Средній помостъ, предназначенный для императрицы, гр. Фалькенштейна и

высшихъ знатныхъ особъ, отличался великолѣпіемъ и съ большимъ вкусомъ прибранными украшеніями. „Парчи, золотыя бахромы, гирлянды, жемчуги и цвѣты украшали балдахины, сооруженные на берегу для ихъ величествъ“,—прибавляетъ де-Линь.—„Отъ императорскаго дворца до верфи, находившейся почти въ полуверстѣ, путь былъ уравненъ и покрытъ зеленымъ сукномъ, на 2 сажени въ ширину... Государыня явилась запросто, въ сѣромъ суконномъ капотѣ, съ черною атласной шапочкой на головѣ. Графъ Фалькенштейнъ также былъ одѣтъ въ простомъ фракѣ. Князь Потемкинъ, напротивъ, блисталъ въ богато вышитомъ золотомъ мундирѣ, со всѣми орденами“...

Въ Херсонъ явился изъ Константинополя русскій посолъ Булгаковъ, и происходили важныя совѣщанія о турецкихъ дѣлахъ; это былъ настоящій конгрессъ. У Потемкина было тутъ собрано большое войско,—больше 150 тысячъ. Турки съ своей стороны устроили морскую демонстрацію,—ихъ эскадра явилась около устья Днѣпра; Екатеринѣ пришлось отложить предположенную поѣздку въ Кинбурнъ. Войны, однако, не ждали еще такъ скоро.

Іосифъ II удостоилъ Сегюра своими бесѣдами. „Днемъ гулялъ онъ по окрестностямъ, и такъ какъ я,—разсказываетъ Сегюръ,—имѣлъ счастье ему понравиться, онъ дѣлалъ далекія прогулки вмѣстѣ со мною, запросто, взявъ меня подъ руку. Въ разговорахъ со мною онъ далъ мнѣ понять, что мало сочувствовалъ честолюбивымъ замысламъ Екатерины. Въ этомъ отношеніи политика Франціи ему нравилась. „Константинополь,—говорилъ онъ,—всегда будетъ предметомъ зависти и раздоровъ, вслѣдствіе которыхъ великія державы никогда не согласятся насчетъ раздѣла

Турціи.“ Его не поражали быстрые успѣхи русскихъ предпріятій. „Я вижу болѣе блеска, чѣмъ дѣла,—говорилъ онъ;—Потемкинъ дѣятеленъ, но онъ болѣе способенъ начать великое предпріятіе, чѣмъ привести его къ окончанію. Впрочемъ, все возможно, если расточать деньги и не жалѣть людей. Въ Германіи или во Франціи мы не посмѣли бы и думать о томъ, что здѣсь производится безъ особенныхъ затрудненій.“

Такія прогулки повторялись потомъ, въ степи, когда путешественники двинулись дальше къ Крыму. На одной остановкѣ, вечеромъ, „когда разошлись отъ императрицы, Іосифъ II, желая воспользоваться прекрасной ночью, взялъ меня подъ руку и отправился со мною гулять. Мы довольно долго ходили по этой обширной равнинѣ, гдѣ взоръ не находилъ преградъ. При видѣ нѣсколькихъ верблюдовъ и татарскихъ пастуховъ, бродившихъ въ степи, императоръ сказалъ мнѣ: „Какое странное путешествіе. Кто бы могъ подумать, что я вмѣстѣ съ Екатериной II, съ французскимъ и англійскимъ посланниками буду бродить по татарскимъ степямъ. Это совершенно новая страница въ исторіи.“

— „Мнѣ скорѣе кажется,—отвѣчалъ Сегюръ,—что это страница изъ тысячи и одной ночи, что меня зовутъ Джафаромъ, и что я прогуливаюсь съ халифомъ Гарунъ аль Рашидомъ, по обыкновенію своему переодѣтымъ“...

XVII.

ТАВРИДА.

17 мая выѣхавъ изъ Херсона, Екатерина черезъ 2 дня вступила въ Крымъ, названный вновь, какъ въ древнія

времена, Тавридой. При самомъ въѣздѣ, явился на встрѣчу отрядъ татарскихъ всадниковъ, богато одѣтыхъ и вооруженныхъ; „монархиня,—разсказываетъ Сегюръ, —пожелала, чтобы во время ея пребыванія въ Крыму ее охраняли татары,—презиравшіе женскій полъ, враги христіанъ, и недавно лишь покоренные ея власти. Этотъ неожиданный опытъ довѣрчивости удался, какъ всякій отважный подвигъ.

„Согласитесь, любезный Сегюръ,—сказалъ мнѣ, смѣясь, де-Линь,—что 12 тысячъ татаръ, которыми мы окружены, могли бы надѣлать тревоги на всю Европу, если бы вздумали вдругъ потащить насъ къ берегу, посадить на суда августѣйшую государыню и могущественнаго римскаго императора и увезти ихъ въ Константинополь, къ великому удовольствію его величества Абдулъ Гамета, владыки и повелителя правовѣрныхъ!..“ Къ счастію, эти мысли не пришли на умъ великодушнымъ сынамъ Магомета.“

Сама Екатерина писала Гримму, по пріѣздѣ въ Бахчисарай, 21 мая: „Вчера, около 6 часовъ, послѣ обѣда, прибыли сюда всѣ въ добромъ здравіи и самомъ веселомъ расположеніи духа; во всю дорогу насъ сопровождали татары... Это было превосходное зрѣлище:—окруженные спереди, съ боковъ и сзади, въ открытой каретѣ, въ которой сидѣло 8 человѣкъ, мы въѣхали въ Бахчисарай, и вышли прямо въ домъ хановъ; тамъ мы помѣщены между минаретами и мечетями, гдѣ кричатъ, молятся, поютъ и вертятся на одной ножкѣ 5 разъ каждые 24 часа. Мы все это слышимъ изъ своихъ оконъ...—О! Какое странное явленіе—наше пребываніе здѣсь! Кто? Гдѣ?“

Сегюръ описываетъ пребываніе въ Бахчисараѣ: „Ихъ

имп. В-ва заняли большіе ханскіе покои. Фитцъ Гербертъ, Кобенцель, де-Линь и я помѣстились въ комнатахъ сераля; къ нимъ примыкалъ красивый садъ, окруженный высокою стѣною. Единственной мебелью въ этихъ комнатахъ были широкіе диваны вдоль всей стѣны. Средину комнаты занимало вмѣстилище для воды изъ бѣлаго мрамора съ фонтаномъ, безпрерывно струившимъ потокъ чистой, свѣжей воды. Комната была полуосвѣщена, стекла въ окнахъ были расписаны; когда мы отворяли окно, то и тогда лучи солнца едва проникали чрезъ густыя вѣтви розовыхъ, лавровыхъ, жасминныхъ, гранатовыхъ и померанцевыхъ деревъ, закрывавшихъ окна своею зеленью и замѣнявшихъ намъ занавѣси.

„Я помню, что разъ лежалъ я на моемъ диванѣ, разслабленный чрезвычайнымъ жаромъ и наслаждаясь журчаніемъ фонтана, прохладою тѣни и запахомъ цвѣтовъ. Я предался восточной нѣгѣ и замечтался, какъ истый паша. Вдругъ вижу предъ собою маленькаго старичка, въ длинной одеждѣ, съ бѣлою бородою и съ красной шапочкой на лысой головѣ. Наружность его, видъ покорности и азіатскій поклонъ дополнили мое очарованіе, и я на нѣсколько минутъ вообразилъ себя совершеннымъ мусульманскимъ владыкой, къ которому какой-нибудь ага или бостанджи явился за приказаніями“... (Это оказался садовникъ ханскій, и Сегюръ взялъ его себѣ въ проводники). „Онъ провелъ меня по всѣмъ извилистымъ переходамъ восточнаго дворца... Покоренные магометане не смѣли ни въ чемъ намъ отказывать, и мы вошли въ мечеть въ молитвенное время“...

„Императрица провела въ Бахчисараѣ только 5 дней.

Удовольствіе выражалось во всѣхъ чертахъ лица ея: она наслаждалась гордостью государыни, женщины и христіанки при мысли, что заняла тронъ хановъ, которые нѣкогда были владыками Россіи"...

Де-Линь писалъ изъ Бахчисарая: „Я въ гаремѣ послѣдняго крымскаго хана. Судьба избрала для меня комнату прелестнѣйшей его султанши, а Сегюру—перваго изъ его черныхъ евнуховъ... Въ чертогахъ нашихъ, которые сооружены отчасти въ арабскомъ, китайскомъ и турецкомъ вкусѣ, находится множество водоемовъ, маленькихъ садиковъ, живописи, позолоты и надписей; между прочими, въ просторной и великолѣпной залѣ, изображено золотыми буквами, на турецкомъ языкѣ, вокругъ карниза слѣдующее: „Вопреки зависти, цѣлый свѣтъ увѣдомляется, что ни въ Испаганѣ, ни въ Дамаскѣ, ни въ Стамбулѣ нѣтъ такого богатства, какъ здѣсь".

„Съ самаго Херсона,—продолжаетъ де-Линь,—мы вездѣ встрѣчали жилища среди степей, очаровательныхъ своимъ азіатскимъ великолѣпіемъ. Я не знаю болѣе, гдѣ и въ какомъ вѣкѣ я нахожусь. Когда вижу воздымающіяся и движущіяся горы, то почитаю это мечтою: вмѣсто того табуны дромадеровъ, поднимаясь на высокія ноги свои, походятъ въ нѣкоторомъ разстояніи на горы, приведенныя въ движеніе. Не сіи ли звѣри, сказалъ я самъ себѣ, служили экипажемъ тремъ королямъ для славнаго путешествія въ Вифлеемъ! Я при каждой встрѣчѣ съ юными кавказскими князьями, облитыми серебромъ, на коняхъ блистательной бѣлизны, думаю, не во снѣ ли это вижу. Когда вижу ихъ вооруженныхъ луками и стрѣлами, то переношусь въ древнія времена Кира... Изъ оконъ древ-

няго Крыма, изъ коего сдѣлали дворецъ для того, чтобы провести въ немъ одну ночь, открываю я прелестнѣйшіе виды въ двухъ частяхъ свѣта, простирающіеся почти до Каспійскаго моря: мнѣ кажется, это можетъ служить уподобленіемъ искушенію сатаны, который не могъ бы показать ничего лучшаго нашему Спасителю...

„Мнѣ еще кажется мечтою то время, когда сижу въ 6-мѣстной каретѣ, похожей на торжественную колесницу, украшенную вензелями изъ дорогихъ каменьевъ, между двумя великими особами, и когда, усыпленный отъ жару, часто склоняю голову на плеча ихъ, и пробуждаясь, слышу слѣдующій разговоръ товарищей моихъ: „У меня 30 милліоновъ подданныхъ, считая только мужской полъ.—А у меня 22 со всѣми,—отвѣчаетъ другой.—Мнѣ надобно,—продолжаетъ первый,—по крайней мѣрѣ 600 тысячъ войска отъ Камчатки до Риги.—Мнѣ будетъ довольно и половины,—отвѣчаетъ другой.“

„Однажды, въ Бахчисараѣ Екатерина вспомнила о стихахъ, которые она пробовала писать въ Царскомъ селѣ, подъ руководствомъ Сегюра, и сказала: „Послушайте, господа, я запрусь одна въ своей комнатѣ: и вы увидите.“ Вотъ что она намъ вынесла; она не могла продолжать далѣе: Sur le sopha du Kan, sur des coussins bourrés, dans un Kiosque d'or, de grilles entourés (т. е. на ханской софѣ, на набитыхъ подушкахъ, въ кіоскѣ изъ золота, окруженномъ рѣшетками)... Больше четырехъ часовъ размышляла въ уединеніи Екатерина, стараясь придумать что-нибудь еще,—но тщетно, и такъ и вышла потомъ съ этими двумя строками“...—разсказываетъ де-Линь.

Стихи не давались Екатеринѣ. Но это не мѣшало ей

быть въ восторгѣ ото всего, что она видѣла. Храповицкій занесъ въ свой дневникъ: „Говорено съ жаромъ о Тавридѣ. Пріобрѣтеніе сіе важно; предки дорого бы заплатили за то“. Еропкину императрица писала: „Весьма мало знаютъ цѣну вещамъ тѣ, кои съ униженіемъ безславили пріобрѣтеніе сего края. Херсонъ и Таврида со временемъ не только окупятся, но надѣяться можно, что если Петербургъ приноситъ 8-ю часть дохода Имперіи, то вышеупомянутыя мѣста превзойдутъ плодами безплодныхъ мѣстъ.“

XVIII.

КРЫМСКІЙ ПОМѢЩИКЪ.

Крымскій помѣщикъ—принцъ де-Линь. Еще когда онъ только что прибылъ въ Петербургъ, чтобы участвовать въ путешествіи Екатерины, государыня объявила, что „жалуетъ его землей въ Крыму,—у Чернаго моря, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, находился храмъ, въ которомъ царевна Ифигенія была жрицею“.

Достигнувъ съ императрицею Крыма, принцъ отдѣлился отъ всей компаніи, и поѣхалъ на южный берегъ, гдѣ лежало его помѣстье. Съ увлеченіемъ описывалъ онъ, въ письмахъ къ маркизѣ К., свою поѣздку.

„На сребристомъ берегу Чернаго моря, на краю того обширнаго потока, въ который сливаются всѣ воды Четырдаха, подъ тѣнью двухъ древнихъ вѣтвистыхъ орѣшниковъ, при подошвѣ скалы, на которой виденъ еще столпъ, печальный остатокъ Діанина храма, прославившагося жертвоприношеніемъ Ифигеніи; неподалеку отъ

сей скалы, съ которой Тоасъ низвергалъ чужеземцевъ, наконецъ, въ самомъ прелестнѣйшемъ и любопытномъ мѣстѣ вселенной, я пишу теперь.

„Сижу на турецкомъ коврѣ, на землѣ разостланномъ, окруженный татарами, которые смотрятъ на меня, какъ я пишу, поднимаютъ отъ удивленія глаза къ небу, какъ будто на другого Магомета.

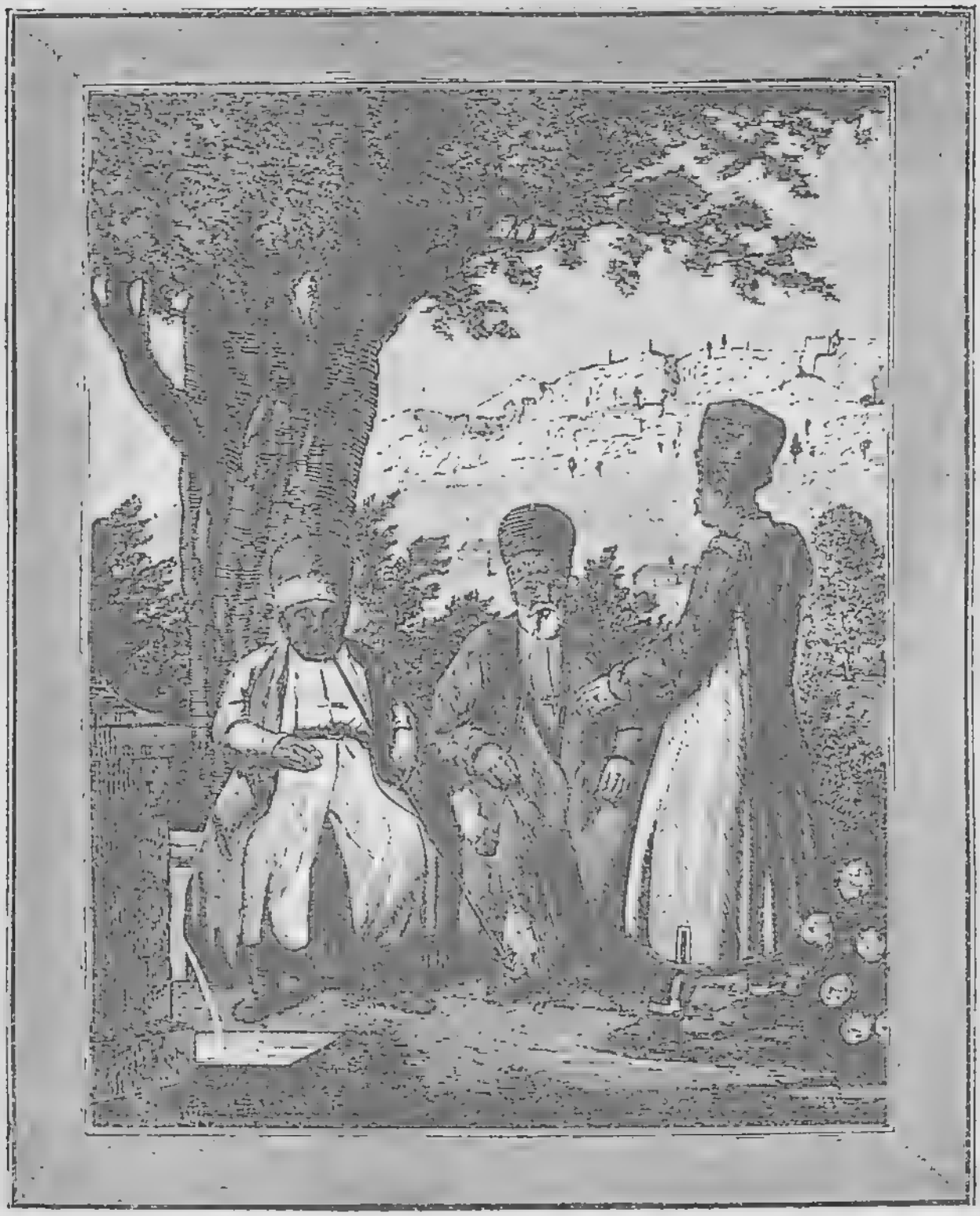
„Вижу счастливые берега древней Идаліи и Натоліи; фиговыя, пальмовыя, оливковыя, абрикосовыя и персиковыя цвѣтущія деревья разливаютъ вокругъ меня сладкіе ароматы, скрывая отъ взоровъ знойные лучи солнца; морскія волны переливаются у ногъ моихъ свѣтлыми чешуями. Усматриваю, позади себя, сквозь деревья, жилища, построенныя въ видѣ амфитеатра, монхъ дикихъ, которые, сидя спокойно на своихъ плоскихъ кровляхъ, служащихъ имъ вмѣсто балконовъ, курятъ табакъ; ихъ кладбище даетъ понятіе о поляхъ Елисейскихъ. Мирное жилище усопшихъ означается камнями, которые увѣнчаны чалмоносными, позлащенными и мраморными огромными урнами. Разнообразіе всѣхъ сихъ видовъ, питающихъ воображеніе, отнимаетъ у меня силу писать. Простершись на коврѣ своемъ, я погружаюсь въ размышленіе...

„Нѣтъ, не могу различить того, что происходитъ въ душѣ моей; чувствую себя обновленнымъ невидимой силой. Удалившись отъ пышности, великолѣпія, шумныхъ торжествъ, утомительныхъ забавъ и двухъ самодержавныхъ особъ Сѣвера и Запада, коихъ я оставилъ на другомъ краю высокихъ горъ, наслаждаюсь, наконецъ, во всей полнотѣ самимъ собой. Спрашиваю у себя, гдѣ я? И какимъ случаемъ зашелъ сюда? Повторяю снова размышленія свои о непостоянствѣ моей жизни...

„Ночь будетъ прекрасная. Море, утомленное дневнымъ движеніемъ, стоитъ неподвижно и представляетъ на гладкой поверхности своей прекрасное зеркало, въ которомъ я вижу свое изображеніе. Вечеръ хорошъ чрезвычайно; я ощущаю въ мысляхъ моихъ ясность, блистающую на небѣ и на морѣ“.

Принцу приходятъ на память историческія событія и имена, связанныя съ этими мѣстами: „Можетъ быть, тутъ писалъ Овидій, можетъ быть, сидѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я сижу теперь... Вотъ Портъ Эвксинскій, принадлежавшій нѣкогда Митридату... Собираю здѣсь, близь сего древняго Херсона, отломки алебастровыхъ столповъ; встрѣчаю остатки водяныхъ спусковъ и стѣны, представляющія окружность Парижа и Лондона вмѣстѣ. Оба сіи города исчезнутъ, подобно ему... Возвращаясь назадъ, начинаю одобрять праздность добрыхъ мусульманъ моихъ, сидящихъ на кровляхъ, сложа крестообразно руки и ноги. Нахожу между ними одного албанца, который нѣсколько разумѣетъ по итальянски; приказываю ему спросить у нихъ, счастливы ли они, или могу ли я быть имъ полезенъ, и знаютъ ли они, что императрица мнѣ ихъ пожаловала? Они велѣли мнѣ сказать, что они до сихъ поръ очень счастливы, и что въ случаѣ перемѣны сядутъ на два корабля, которые сами построили, и отправятся на нихъ на свою сторону, къ туркамъ. Они показываютъ мнѣ своихъ овецъ, лежащихъ на травѣ; я благословляю безпечныхъ; показываютъ свои плодовитыя деревья, и увѣдомляютъ черезъ переводчика, что когда наступитъ время собиранія плодовъ, то каймаканъ пріѣзжаетъ изъ Бахчисарая брать половину оныхъ... Благос-

ловляю безпечныхъ, обѣщаю имъ защищать ихъ отъ притѣсненій. Они мнѣ приносятъ масло, сыръ и молоко.



Крымскіе татары времёнъ покоренія Кавказа.

„Начинаю дѣлать разные замыслы. Наскучивъ всѣмъ, что есть извѣстнаго, для чего мнѣ здѣсь не остаться? Я преобразую сихъ татарскихъ мусульманъ, пріучивъ ихъ

пить вино, а дому своему придамъ видъ чертоговъ, на которые издалека станутъ смотрѣть мореплаватели; построю 8 виноградныхъ павильоновъ съ колоннадами и балюстрадами, которые скроютъ собой ихъ кровли. Тотчасъ начертываю планъ всему тому, чтобы немедленно было изготовлено...

„Наступаетъ вечеръ. Ночныя тѣни начинаютъ уже помрачать дневной свѣтъ, солнце склоняется къ западу; стада, пасущіяся близь меня, вызываютъ татаръ, которые спокойно сходятъ съ своихъ кровлей, гонятъ ихъ домой, чтобъ запереть вмѣстѣ съ своими женами, сидѣвшими цѣлый день взаперти. Крикуны съ вершины своихъ минаретовъ зовутъ въ мечеть. Положивъ руку на сердце, благословляю безпечныхъ прощаюсь съ ними, оставляя ихъ равно удивленными видѣть меня своимъ властелиномъ, и узнать желаніе мое, чтобы всегда сами собою управлялись.

„Я успокоиваю встревоженный духъ мой, собираю разсѣянныя мысли. Съ сердечнымъ умиленіемъ взираю на сіи прелестныя мѣста, которыхъ не увижу больше никогда, и которыя доставили мнѣ день, пріятнѣйшій въ моей жизни. Поднявшійся внезапно прохладный вѣтеръ не позволилъ мнѣ отправиться въ шлюпкѣ, которая бы должна была везти меня моремъ въ Феодосію. Сажусь на татарскую лошадь, и слѣдуя проводникамъ своимъ, предаюсь опасностямъ ночи, дороги и рѣкъ, чтобы переправиться чрезъ высокія горы, и тамъ найти Ихъ Имп. Величества въ Карасубазарѣ“.

XIX.

СЕВАСТОПОЛЬ.

Между тѣмъ Екатерина со всѣмъ дворомъ прибыла изъ Бахчисарая въ Инкерманъ. „Здѣсь—разсказываетъ Сегюръ—высокія горы полукружіемъ огибаютъ широкій и глубокій заливъ, гдѣ нѣкогда стояли древнія города Херсонесъ и Евпаторія... Эту пристань императрица назвала Севастополемъ“...

Тутъ Потемкинъ приготовилъ свой главный сюрпризъ. „Ихъ величества сидѣли за столомъ, при звукахъ прекрасной музыки, когда внезапно отворились двери большого балкона, и взорамъ нашимъ представилось величественное зрѣлище: между двумя рядами татарскихъ всадниковъ, мы увидѣли заливъ, верстъ на 12 въ даль и на 4 въ ширину; посреди этого залива, въ виду царской столовой, выстроился въ боевомъ порядкѣ грозный флотъ, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный въ 2 года. Государыню привѣтствовали залпомъ изъ пушекъ, и грохотъ ихъ, казалось, возвѣщалъ Понту Евксинскому о присутствіи его владычицы и о томъ, что не болѣе, какъ черезъ 30 часовъ, флаги ея кораблей могутъ развѣваться въ виду Константинополя, а знамена ея арміи—водрузиться на стѣнахъ его“. Это неожиданное зрѣлище было разсчитано и на Іосифа II, чтобы показать ему, какъ приготовилась къ новой войнѣ Россія.

Послѣ обѣда обоимъ Величествамъ подали шлюпку, нарочно выписанную изъ Константинополя,—точь въ точь такую же, въ какой катался турецкій султанъ,—и они

поѣхали въ Севастополь; съ кораблей встрѣтили ихъ пушечной пальбой. „Мы спустились въ заливъ,—разсказываетъ Сегюръ; —Екатерина обозрѣвала корабли свои, и дивилась глубинѣ и ширинѣ залива, вырытаго природою, будто съ намѣреніемъ устроить здѣсь прекраснѣйшую пристань въ мірѣ. Проѣхавъ заливъ, мы пристали къ подножію горы, на которой полукружіемъ возвышался Севастополь, построенный Екатериной. Нѣсколько зданій для складки товаровъ, адмиралтейство, городскія укрѣпленія, 400 домовъ, толпы рабочихъ, сильный гарнизонъ, госпиталь верфи, пристани, торговая и карантинная,—все придавало Севастополю видъ довольно значительнаго города. Намъ казалось непостижимымъ, какимъ образомъ въ 2 тысячахъ верстъ отъ столицы, въ недавно пріобрѣтенномъ краѣ, Потемкинъ нашелъ возможнымъ воздвигнуть такія зданія, соорудить городъ, создать флотъ, утвердить портъ и поселить столько жителей: это дѣйствительно былъ подвигъ необыкновенной дѣятельности.

„Три корабля, спущенные при насъ въ Херсонѣ, и другіе изъ Таганрога должны были прибыть сюда вскорѣ. Но между тѣмъ въ заливѣ уже стояла эскадра изъ 25 военныхъ кораблей, совершенно вооруженныхъ, снабженныхъ всѣмъ нужнымъ и готовыхъ по первому мановенію Екатерины тотчасъ же стать подъ паруса“.

Екатерина писала Гримму: „Право, все это до того похоже на сказку изъ 1001 ночи, что не знаешь, находишься ли на яву, или во снѣ.—Графъ Фалькенштейнъ, кажется, очень доволенъ всѣмъ, что видитъ“...

Севастополь понравился и графу Фалькенштейну. По крайней мѣрѣ, австрійскому фельдмаршалу гр. Ласси онъ

писалъ: „Севастополь—красивѣйшій портъ, какой я когда-либо видѣлъ. Въ немъ могутъ удобно помѣститься 150 кораблей, въ совершенной безопасности отъ всякихъ случайностей со стороны моря и отъ непріятеля, который никогда не отважится проникнуть въ бухту, защищаемую тремя батареями. Выходить изъ бухты въ море можно при трехъ вѣтрахъ. Есть отдѣльная гавань для торговыхъ судовъ, другая для карантина и третья для починки и килованія судовъ.

„Настроено уже много домовъ, магазиновъ, казармъ, и если будутъ продолжать такимъ образомъ въ слѣдующіе 3 года, то, конечно, этотъ городъ сдѣлается очень цвѣтущимъ. Все это очень не по шерсти французскому посланнику, и онъ смотритъ страшно озадаченнымъ.

„Обыкновенный переѣздъ отсюда въ Константинополь совершается въ двое сутокъ, а иногда даже только въ полтора сутокъ. Судите же, мой любезный маршалъ, на какія непріятныя размышленія все это должно наводить моего собрата, повелителя правовѣрныхъ, который никогда не можетъ быть увѣренъ, что эти молодцы не явятся, не нынѣ завтра,—разгромить у него окна пушечными выстрѣлами.

„Императрица находится въ восторженномъ состояніи по поводу всего, что она видитъ, и при мысли о новой степени величія и могущества, на которую она возводитъ Русскую Имперію. Князь Потемкинъ въ настоящее время всемогущъ, и его чествуютъ выше всякаго представленія. Будь у меня возможность такъ близко придвинуться къ Берлину, да будь пруссаки такіе же олухи, какъ турки,

я бы не устоялъ противъ желанія отдѣлаться отъ такихъ сосѣдей".

Екатеринѣ хотѣлось также узнать мнѣніе представителя Франціи, Сегюра. Она спрашивала его, что онъ думаетъ объ этомъ. „Ваше величество,—отвѣчалъ онъ,—загладили тяжкое воспоминаніе о Прутскомъ мирѣ... Вы подчинили татаръ, прежнихъ поработителей Россіи... Основаніемъ Севастополя вы довершили на югѣ то, что Петръ началъ на сѣверѣ. Вамъ остается одинъ только славный подвигъ,—одержать побѣду надъ природой, населить и оживить всѣ эти завоеванныя земли и обширныя степи, чрезъ которыя мы недавно проѣзжали".

Въ Севастополѣ явился къ Екатеринѣ посланецъ съ острова Мальты: Гросмейстеръ мальтійскихъ рыцарей слалъ русской императрицѣ свои дары,—пальмовую вѣтвь съ кустомъ цвѣтовъ, трофеями украшеннымъ, въ знакъ побѣдоноснаго пріобрѣтенія Тавриды. Екатерина отдала эту вѣтвь Потемкину, основателю Севастопольской гавани, а онъ послалъ ее на корабль „Слава Екатерины".

Послѣ Севастополя, путешественники посѣтили еще нѣкоторые города Тавриды,—Симферополь, Карасубазаръ, Судакъ,Старый Крымъ, Феодосію или Кафу. Потемкинъ всюду умѣлъ показать товаръ лицомъ. Особенно хорошо была устроена встрѣча въ Карасубазарѣ. „Кромѣ прекрасной широкой дороги, которую онъ пробилъ и выровнялъ трудами своихъ солдатъ, онъ съ ихъ же помощію развелъ на берегу Карасу обширный англійскій садъ, и посреди его выстроилъ изящнѣйшій дворецъ. Здѣсь уже

не Армида чаровала Ринальда; напротивъ, русскій Ринальдъ совершалъ диво для своей Армиды".

Здѣсь была устроена блестящая иллюминація: когда вечеромъ Екатерина вышла изъ дворца, чтобы насладиться прохладною тѣнью, свѣжестью воды и запахомъ цвѣтовъ, всѣ пригорки на 10 верстъ кругомъ вспыхнули тремя рядами разноцвѣтныхъ огней; посреди этого горящаго круга возвышалась конусообразная гора, на которой яркими чертами блисталъ вензель императрицы. Изъ вершины горы вспыхнулъ прекрасный фейерверкъ, завершенный взрывомъ 300 тысячъ ракетъ".

Въ Кизикерменѣ, по выѣздѣ уже изъ Крыма, Іосифъ II разстался съ Екатериной, и русская Семирамида со своимъ дворомъ направила свой путь на сѣверъ...

Уѣхала Екатерина—опустѣли и выстроенные для нея дворцы. Не прошло года съ ея отъѣзда,—и тамъ, гдѣ пировала Сѣверная Семирамида,—водворилась мерзость запустѣнія. Дворцы были обворованы, вещи растасканы, попорчены и изъѣдены мышами, въ садахъ бродили стада, въ покояхъ образовались течи, штукатурка обвалилась, крыши грозили паденіемъ. Единственными памятниками пребыванія въ Крыму Екатерины остались каменныя мили по крымскимъ дорогамъ, да и тѣхъ немного, тріумфальныя ворота въ Бахчисараѣ, фонтанъ въ Старомъ Крыму, да дольше другихъ стоялъ дворецъ въ Севастополѣ. Уцѣлѣли еще старыя плошки—отъ горѣвшихъ когда то иллюминацій...

XX.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕМЫ.

Въ Крыму, до отъѣзда оттуда въ обратный путь, Сегюръ не разъ бесѣдовалъ на политическія темы съ графомъ Фалькенштейномъ. Въ это время возобновились обычныя ихъ прогулки по степи, какія были еще раньше, на пути въ Крымъ изъ Херсона. Іосифъ II довольно откровенно высказывалъ своему собесѣднику, что онъ думалъ о замыслахъ Екатерины, о Потемкинѣ и вообще о Россіи.

„Моя уступчивость во время завоеванія Крыма,—говорилъ Іосифъ,—заставляетъ васъ думать, что я соглашусь на новыя завоеванія. Вы ошибаетесь: я искренне желаю сохраненія мира. Занятіе Крыма русскими меня не потревожило: единственнымъ послѣдствіемъ этого было умиреніе турокъ; у нихъ отнята была возможность начать наступательную войну. Къ тому же я находилъ въ этомъ свои выгоды... Но теперь совсѣмъ другое дѣло. Я не допущу русскихъ утвердиться въ Константинополѣ. Для Вѣны, во всякомъ случаѣ, безопаснѣе имѣть сосѣдей въ чалмахъ, нежели въ шляпахъ“.

Впрочемъ, Іосифъ отдавалъ должное могуществу русской императрицы, и признавалъ, что въ другихъ вопросахъ турки должны будутъ уступить ея требованіямъ. „Вы видите, государыня увлекается... Если турки отказомъ вооружатъ противъ себя императрицу, то кто можетъ воспрепятствовать ей отомстить и взять у нихъ нѣсколько городовъ? У нея огромное, бодрое, неутомимое войско. Оно пройдетъ, куда она захочетъ“...—Вдали отъ столицы

пробиваютъ дороги, устраиваютъ пристани, строятся на болотахъ, воздвигаютъ дворцы, разводятъ парки среди степей, и все это дѣлается безъ платы, безъ покрова, иногда безъ пищи и всегда безъ ропота. Изъ всѣхъ монарховъ Европы императрица одна только дѣйствительно богата. Она много повсюду издерживаетъ, и не имѣетъ долговъ; ассигнаціи свои она оцѣниваетъ, во сколько хочетъ; если бы ей вздумалось, она могла бы ввести кожанныя деньги. Между тѣмъ Англія обременена своими бумажными деньгами. Франція публично признала разстроенное положеніе своихъ финансовъ; а я едва могу покрыть издержки на новыя крѣпости, которыя строятся".

„Всѣ эти затруднительныя обстоятельства,—говорилъ Сегюръ,—тѣмъ болѣе должны побудить императора всячески стараться избѣгнуть разорительной войны."

„Такъ какъ мы часто,—продолжаетъ Сегюръ,—разговаривали о томъ же предметѣ, я всегда старался доказывать ему, что могущество Россіи болѣе кажущееся, нежели твердое. „Здѣсь болѣе блеска, чѣмъ прочности—говорилъ я;—за все берутся, ничего не довершаютъ. Потемкинъ легко бросаетъ то, за что принялся съ жаромъ; на мѣстѣ Екатеринослава онъ заложилъ городъ, который будетъ необитаемымъ, и огромный храмъ, въ которомъ, можетъ быть, не будутъ никогда молиться. Для постройки этой новой столицы онъ выбралъ мѣсто высокое, видное, но совершенно безводное. Херсонъ построенъ на неудобномъ мѣстѣ и окруженъ болотами. Корабли не могутъ входитъ туда съ грузомъ. Въ послѣдніе 10 лѣтъ степи опустѣли больше прежняго. Крымъ лишился болѣе двухъ третей своего населенія. Кафа разорена и не поднимется.

Одинъ Севастополь теперь довольно значителенъ; но нужно много времени, чтобы онъ сталъ настоящимъ городомъ. Позаботились все украсить, нарядить, оживить на срокъ, на показъ императрицѣ; но лишь только Екатерина уѣдетъ, то вмѣстѣ съ нею исчезнутъ всѣ прикрасы этого обширнаго края. Я знаю князя Потемкина. Онъ произвелъ театральный эффектъ, и занавѣсъ опускается, а онъ займется новыми представленіями въ Польшѣ или Турціи. Управленіе и все, что требуетъ постоянства, несовмѣстно съ его нравомъ. Начни онъ войну, и война бы ему скоро надоѣла; дождавшись георгіевской ленты, онъ съ такимъ же жаромъ будетъ домогаться мира, какъ теперь старается его нарушить."

„Я съ этимъ согласенъ,—сказалъ императоръ,—насъ здѣсь отвлекали отъ одного очарованія къ другому. Въ сущности же здѣсь многаго недостаетъ; внѣшность дѣйствительно блестяща... Въ Россіи приказаніе исполняется немедленно. Если бы какой-нибудь Карлъ XII былъ во главѣ этого народа, онъ бы съ 600, 000 человѣкъ заставилъ трепетать всю Европу."

XXI.

ШАЛОСТЬ.

Не одни важные, политическіе вопросы занимали спутниковъ Екатерины. Сегюръ разсказываетъ о наивной шалости, какую онъ и де-Линь себѣ позволили, когда были еще въ Бахчисараѣ.

„Естественно,—повѣствуетъ Сегюръ, — что когда мы

жили въ сералѣ ханскомъ,—наружность, самый воздухъ этихъ сладострастныхъ покоевъ возбуждали наше воображеніе. Любопытство де-Линя, который былъ моложавѣе въ 50 лѣтъ, нежели я въ 30,—вовлекло меня въ шалость, къ счастію, не имѣвшую тѣхъ послѣдствій, какихъ можно было ожидать; однако, мы получили строгій и заслуженный урокъ.

„Мусульманину нельзя сдѣлать злѣйшей обиды, какъ знакомствомъ съ его женой. Въ этомъ отношеніи всякое сообщеніе, даже взглядами, запрещено всѣмъ, кромѣ мужа. Это запрещеніе подстрекало любопытство князя, и онъ сказалъ мнѣ: „Какая польза намъ гулять по огромному саду, если намъ запрещено любоваться цвѣтами. По крайней мѣрѣ, до отъѣзда изъ Крыма, надобно увидѣть какую-нибудь татарку безъ покрывала. Я на это рѣшился; хотите быть моимъ товарищемъ въ этомъ предпріятіи?“

„Я не устоялъ противъ искушенія, и мы пошли бродить по долинамъ. Но надежда долго насъ обманывала. Наконецъ, неподалеку отъ уединеннаго домика, на опушкѣ маленькаго лѣса, мы увидѣли трехъ женщинъ, сидя мывшихъ себѣ ноги въ свѣтломъ ручьѣ. Приблизившись какъ можно тише между деревьями, мы, наконецъ, успѣли помѣститься противъ нихъ, подъ прикрытіемъ куста. Такъ какъ покрывала этихъ женщинъ лежали подлѣ нихъ на землѣ, то мы прекрасно могли ихъ разсмотрѣть. Но, увы, какое разочарованіе! Изъ нихъ не было ни одной молодой и хорошенькой, даже сносной. Мой товарищъ не кстати крикнулъ: „Признаюсь, Магометъ недурно сдѣлалъ, что велѣлъ имъ закрываться!“

„Услышали ли насъ, или насъ выдалъ шелестъ листьевъ, только наши три мусульманочки выскочили и съ криками побѣжали. Мы было за ними, чтобы ихъ успокоить, какъ вдругъ видимъ татаръ, бѣгущихъ съ горъ, тоже съ криками, бросающихъ въ насъ каменьями и грозящихъ кинжалами. Такъ какъ мы не приготовились къ битвѣ, то, не дожидаясь ихъ приближенія, пустились бѣжать и укрылись отъ преслѣдователей въ чащѣ лѣса.

„До тѣхъ поръ дѣло было еще не важно, по ложному правилу, что скрытый грѣхъ на половину прощенъ. Но мой неблагоразумный соучастникъ не удовольствовался этимъ. На другой день за столомъ замѣтили, что императрица грустна и молчалива; императоръ былъ погруженъ въ думы; Потемкинъ пасмуренъ и разсѣянъ. Разговоръ какъ то не клеился, или совсѣмъ замолкалъ. Вдругъ де-Линь, естественный врагъ скуки, чтобы разсѣять императрицу и развеселить собесѣдниковъ—вздумалъ разсказать нашу шалость и вчерашнее происшествіе. Какъ ни подталкивалъ я его, онъ смѣло продолжалъ свой разсказъ. Слушатели уже начали было смѣяться, чего онъ и ожидалъ, какъ вдругъ Екатерина, взглянувъ на насъ величаво и строго, сказала:—„Господа, эта шутка весьма неумѣстна и можетъ послужить дурнымъ примѣромъ. Вы посреди народа, покореннаго моимъ оружіемъ; я хочу, чтобы уважали его законы, его вѣру, его обычаи и предразсудки. Если бы мнѣ разсказали эту исторію, и не назвали бы дѣйствующихъ лицъ, то я бы никакъ не подумала на васъ, а стала бы подозрѣвать моихъ пажей, и они были бы строго наказаны.“

Намъ нечего было возражать на это. Де-Линь за-

молкъ такъ же, какъ и я, досадуя на свою неумѣстную болтливость. Наше смиреніе понравилось императрицѣ, и она снова развеселилась; даже черезъ нѣсколько дней послѣ этого, назначивъ аудіенцію одной мусульманской княжнѣ, племянницѣ Селимъ Гирея, она позволила намъ спрятаться такъ, чтобы мы могли ее увидѣть, оставаясь почти незамѣченными. Княжна была красивѣе нашихъ трехъ татарокъ. Однако же черныя брови и лоснящееся румянами лицо придавали ей видъ куклы, несмотря на прекрасные глаза."

Самъ де-Линь, впрочемъ, разсказываетъ объ этомъ случаѣ нѣсколько иначе. Своей пріятельницѣ въ Парижъ онъ пишетъ: „Я здѣсь видѣлъ только одну женщину: княжну царской крови, племянницу послѣдняго султана Селимъ Гирея. Императрица, передъ которою она сняла съ себя покрывало, спрятала меня за экранъ. Она была прекрасна, какъ ясный день, и убрана такимъ множествомъ алмазовъ, какого не найдешь у всѣхъ Вѣнскихъ женщинъ вмѣстѣ, а этого уже много!"

Такъ забавлялись молодые люди, изъ коихъ одному было за 30 лѣтъ, а другому—за 50. И такъ учила ихъ уму-разуму мудрая Екатерина.

XXII.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Обратный путь Екатерины шелъ черезъ Полтаву, Харьковъ, Тулу, Москву и Тверь. На эту дорогу потребовалось больше мѣсяца. Выѣхавъ 31 мая изъ Перекопа, Екатерина только къ 11 іюля пріѣхала въ Петербургъ.

7 іюня прибыли въ Полтаву. Здѣсь,—повѣствуетъ Сегюръ,—„пребываніе Екатерины ознаменовалось зрѣлищемъ не менѣе блистательнымъ и любопытнымъ, чѣмъ прежнія, видѣнныя нами". Тутъ была собрана большая армія, 50 тысячъ человѣкъ, и устроены большіе маневры,—войска воспроизвели предъ императрицей картину знаменитаго Полтавскаго боя.

Екатерина осталась очень довольна. „Удовольствіемъ и гордостью горѣлъ взоръ Екатерины; казалось, кровь Петра Великаго струилась въ ея жилахъ. Это величественное и великолѣпное зрѣлище достойно увѣнчало наше романическое и вмѣстѣ историческое путешествіе. Князь Потемкинъ поднесъ императрицѣ чудесное жемчужное ожерелье; она осыпала его подарками и щедро раздавала чины и ордена генераламъ и офицерамъ."

20 іюня пріѣхали къ обѣду въ Тулу. „На пути до Москвы—говоритъ Сегюръ,—мы не встрѣчали ничего замѣчательнѣе г. Тулы, который можно бы почесть за одно изъ созданій Екатерины,—такъ она его украсила. Большая часть деревянныхъ домовъ уже уступила мѣсто каменнымъ строеніямъ.

„Тула издавна извѣстна производствомъ оружія, которымъ она снабжаетъ всю русскую армію. Здѣсь дѣлаются также стальныя вещи, и эта отрасль промышленности, поощреніемъ императрицы, доведена до такой степени совершенства, что она смѣло можетъ сеперничать съ англійскими фабриками. Ея В-во раздавала намъ произведенія тульскихъ заводовъ, очень искусно выдѣланныя."

„Остальной путь—разсказываетъ де-Линь—показался намъ короткой прогулкою... Всѣ кареты наши были на-

биты персиками и апельсинами; слуги пьяны отъ шампанскаго, а я,—замѣчаетъ почтенный гастрономъ,—умираю съ голоду, потому что столъ императрицы очень невкусенъ, состоитъ изъ однихъ холодныхъ блюдъ, къ тому же она всегда очень поспѣшно выходитъ изъ за него, и такъ медленно за него садится, что все простываетъ".

XXIII.

„ЯВЛЕНІЕ БОЖЕСТВА."

„Вотъ уже тому два мѣсяца,—писалъ де-Линь въ Парижъ маркизѣ К.,—какъ я расточаю деньги понапрасну; это со мною случалось и прежде, но совсѣмъ инымъ образомъ. Можетъ быть, я уже издержалъ цѣлые милліоны... Подлѣ меня въ каретѣ лежитъ большой зеленый мѣшокъ, наполненный золотыми имперіалами. Всѣ жители сосѣдственныхъ деревень, и даже остальные верстъ за 10, 15 и 20, для того, чтобы видѣть императрицу, собираются на мѣсто нашего проѣзда, и за четверть часа или болѣе прежде, нежели она проѣдетъ мимо нихъ, падаютъ ницъ и встаютъ не прежде четверти же часа по отъѣздѣ нашемъ, а я сіе распростертое сонмище осыпаю золотомъ, что иногда случается мнѣ дѣлать разъ по десяти въ день".

Такъ встрѣчало Екатерину населеніе мѣстъ, по которымъ она проѣзжала. Ее ждали задолго, и задолго готовились къ встрѣчѣ. Одинъ изъ харьковскихъ жителей, бывшій впослѣдствіи сенаторомъ а тогда бывшій 10-лѣтнимъ мальчикомъ, Ф. П. Лубяновскій, разсказываетъ въ своихъ

запискахъ, какъ ждали Екатерину въ Харьковѣ: „За недѣлю передъ тѣмъ въ городѣ уже не было угла свободнаго; жили въ палаткахъ, шалашахъ, сараяхъ, гдѣ кто могъ и успѣлъ пріютиться; все народонаселеніе губерніи, казалось, стеклось въ одно мѣсто; къ счастію, было это лѣтомъ, при ясной, тихой и теплой погодѣ.

„Показался на Холодной горѣ царскій поѣздъ;—насталъ праздниковъ праздникъ; тысячи голосовъ громогласно воскликнули:— ш е с т в у е т ъ!— и все умолкло, Неподвижно, какъ вкопанные, въ тишинѣ благоговѣйной всѣ смотрѣли и ожидали; б о ж е с т в о я в л я л о с ь. У городскихъ воротъ встрѣтили императрицу намѣстникъ Чертковъ и правитель губерніи Норовъ верхомъ, оба военные, генералъ-поручики, но оба въ губернскомъ мундирѣ. Отъ воротъ до дворца (нынѣ университетъ), версты полторы, императрица ѣхала шагомъ и изъ кареты по обѣ стороны кланялась, слышенъ былъ только звонъ съ колоколенъ. Не случалось мнѣ быть въ другой разъ свидѣтелемъ такой глубокой тишины и благоговѣнія при многочисленномъ стеченіи народа. Императрица показалась на балконѣ дворца; тутъ только обычное ура загремѣло по всему городу.

„На другой день императрица уѣхала. Отъ дворца по площади къ собору постлано было алое сукно, по которому Ея В-во изволила пѣшкомъ итти въ соборъ, гдѣ слушала молебенъ. Въ этомъ шествіи и я имѣлъ счастіе видѣть императрицу: опираясь на трость, безъ зонтика, въ полуденный зной, она шла очень тихо, съ лицомъ довольнымъ, исполненнымъ благоволенія, величественно и милостиво кланялась на обѣ стороны. Изъ собора отправилась въ дальнѣйшій путь.“

Просвѣщенный помѣщикъ Болотовъ, членъ Вольнаго Экономическаго Общества, авторъ статей по сельскому хозяйству, разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, какъ встрѣчали Екатерину въ Тулѣ. Императрицу ждали тамъ въ половинѣ іюня мѣсяца, и „все дворянство готовилось къ тому времени ѣхать въ сей губернскій городъ, дабы имѣть случай видѣть сей торжественный пріѣздъ и самую императрицу.... Всѣ госпожи (дворянки) шили, сообразно съ алымъ цвѣтомъ тульскаго (дворянскаго) мундира, и себѣ алыя русскія шелковыя платья"; вмѣстѣ съ прочими, „восхотѣлось" и женѣ Болотова съ дочерьми и сыномъ быть въ Тулѣ, и потому „спѣшили и онѣ запастись такимъ же себѣ одѣяніемъ и нарядами, не взирая на весь убытокъ, съ тѣмъ сопряженный". Что касается самого Болотова, то онъ спустилъ цѣлый прудъ въ управляемомъ имъ имѣніи, чтобы представить для царской кухни щукъ и карповъ покрупнѣе.

Прибывъ въ Тулу, Болотовъ нашелъ этотъ городъ вполнѣ готовымъ къ пріему императрицы. „Я успѣлъ въ тотъ же день побывать на заводѣ, видѣть все тамъ для императрицы приготовленное, а потомъ еще съѣздить въ арсеналъ, и насмотрѣться и тамъ всей пыли, какую старались тогда кинуть въ глаза императрицѣ". „Вся Тула наполнена была тогда съѣхавшимся со всѣхъ сторонъ обоего пола дворянствомъ, и всѣ, такъ сказать, на цыпочкахъ ходили, дожидаясь съ часу на часъ прибытія императрицы"....

„Не могу безъ смѣха вспомнить, —продолжаетъ Болотовъ,—о той превеликой суетѣ, въ какой находились всѣ въ сіе достопамятное утро, и какая скачка поднялась по

всей Тулѣ каретъ и колясокъ и бѣганіе взадъ и впередъ народа. Вся большая Кіевская улица, отъ самаго въѣзда и сооруженныхъ при ономъ великолѣпныхъ тріумфальныхъ воротъ —до самаго собора и далѣе до дворца, установилась въ одинъ почти мигъ безчисленнымъ множествомъ народа, и онъ, съ неописанною нетерпѣливостью, ожидалъ прибытія государыни и той минуты, въ которую увидитъ онъ свою обладательницу. Соборъ наполнился такъ барынями, что сдѣлалась въ немъ оттого духота совершенная. Всѣ онѣ одѣты были въ новые свои однорядные или женскіе мундиры, и всякая изъ нихъ старалась получить для себя лучшее и выгоднѣйшее мѣсто для смотрѣнія государыни, о которой всѣ здѣсь навѣрное полагали, что она, поравнявшись противъ собора, непремѣнно остановится и, выйдетъ изъ кареты, войдетъ въ церковь для поклоненія святымъ иконамъ.

„Въ семъ положеніи и стоючи всѣ въ своихъ мѣстахъ, провели мы все тогдашнее прекрасное, свѣтлое и тихое лѣтнее утро. Наконецъ, въ 12 часу громъ пушечной за городомъ пальбы возвѣстилъ намъ о приближеніи къ городу императрицы. Въ мигъ всё—и—всё, и весь народъ установился въ порядкѣ по своимъ мѣстамъ и всѣ, съ неизъяснимымъ вожделѣніемъ, стали дожидаться ея прибытія и глазами искать уже въ дали ея кареты, ѣхавшей за многими другими, проскакавшими мимо насъ впереди. Наконецъ, показалась и она, окруженная множествомъ всадниковъ, скакавшихъ по обѣимъ сторонамъ оной. Самъ намѣстникъ скакалъ подлѣ сей кареты съ боку, верхомъ, и не успѣла оная поровняться противъ насъ, какъ всѣ мы отдали ей глубочайшій поклонъ. Но самое сіе покло-

неніе и лишило насъ съ толикою нетерпѣливостью ожидаемаго удовольствія ее увидѣть, ибо, вмѣсто того, чтобъ ей противъ насъ остановиться, какъ того мы всѣ ожидали, проскакала она мимо насъ такъ скоро, что мы, поднявъ головы свои, увидѣли уже карету ея далеко отъ насъ уже удалившуюся, и посмотрѣли только вслѣдъ за оною.

„Столь же хорошо въ лестныхъ ожиданіяхъ своихъ обманулись и всѣ наши госпожи боярыни, находившіяся въ соборѣ, ибо и тамъ императрицѣ не угодно было выйти изъ кареты. Но она, остановившись на секунду противъ отворенныхъ въ соборѣ дверей, перекрестилась только передъ вынесеннымъ къ ней архимандритомъ крестомъ, и приказала тотчасъ продолжать путь свой далѣе ко дворцу. И такъ всѣ тутъ ожидавшія госпожи, искони не видавшія государыни и въ глаза, принуждены были ни съ чѣмъ и съ чувствительнымъ неудовольствіемъ разъѣзжаться по своимъ домамъ и квартирамъ... Всѣ по крайней мѣрѣ утѣшали себя надеждою, что увидятъ государыню въ приготовленномъ въ сей день въ театрѣ спектаклѣ...

„Сіе всеобщее желаніе наконецъ, совершилось: Государыня, дѣйствительно, удостоила оный своимъ посѣщеніемъ, и не успѣло, предъ вечеромъ, все дворянство въ театръ съѣхаться и всѣ ложи онаго наитѣснѣйшимъ образомъ собою наполнить, какъ пріѣхала и государыня въ препровожденіи намѣстника и прочихъ господъ и госпожъ своей свиты. Минута вшествія ея, скажу, была восхитительная для всѣхъ. У всѣхъ зрѣніе и сердца обращены были на оную, и не успѣла государыня показаться,

какъ съ возгремѣвшею вдругъ музыкою, всѣ вставъ, ей наиглубочайшимъ образомъ поклонились, и удостоены были и отъ ней соотвѣтственнымъ поклономъ. Съ сей минуты всѣхъ очи обращены были на нее во все продолженіе представляемой тогда пьесы, которую едва ли и десятая часть народа тогда видѣла.

„По окончаніи спектакля, поѣхала императрица обратно во дворецъ, а мы всѣ, по выходѣ изъ театра, поѣхали вслѣдъ за нею, для смотрѣнія иллюминаціи и серенады въ полномъ ихъ видѣ и дѣйствіи ко дворцу, и провели остальное время сего вечера довольно весело; ибо было дѣйствительно много зрѣнія достойнаго; въ особенности же любовался я безчисленнымъ множествомъ плошекъ, которыми всѣ стѣны Тульской старинной крѣпости и ея башень были иллюминованы. Къ послѣднимъ, къ пріѣзду государыни, придѣланы были сверху другія башеньки съ шпицами, существующія и понынѣ (писано въ 1810 г.), и всѣ онѣ установлены были множествомъ плошекъ, и всѣ онѣ вмѣстѣ, съ наставленными по всѣмъ зубцамъ ниже оныхъ рядами проволоки съ скипидаромъ, зажены были въ одинъ мигъ и представляли преузорочное зрѣлище. А таковое же душевное удовольствіе доставляла всѣмъ зрителямъ и тогдашняя серенада;—тихая восхитительная гармонія духовой и вокальной музыки услаждали слухъ каждаго.

Вечеромъ Тульское дворянство давало балъ; ждали, что государыня „не только удостоитъ своимъ присутствіемъ, но и пробудетъ на ономъ весь вечеръ“. Болотовъ, вмѣстѣ со всѣми, отправился туда же, въ надеждѣ, не услышитъ ли онъ тамъ чего-нибудь о судьбѣ своей книги. „Мы

нашли всю огромную залу дворянскаго собранія, наполненную уже народомъ и набитую безчисленнымъ почти множествомъ господъ и госпожъ и всѣхъ съ крайнею нетерпѣливостью и вожделѣніемъ дожидающихся той минуты, въ которую государыня прибыть имѣетъ. А не успѣли мы нѣсколько осмотрѣться, какъ вдругъ и заговорили всѣ: „ѣдетъ, ѣдетъ“... А не успѣло слово сіе повсюду разнестись, какъ въ мигъ произошла страшная между всѣми суета и волненіе... Всякому хотѣлось стать впереди и занять выгоднѣйшее мѣсто, и у всѣхъ духъ почти переводился, какъ услышали уже вшествіе пріѣзжихъ въ сѣни.

„Вдругъ, наконецъ, загремѣла музыка, и въ тотъ же мигъ растворяются настежь входныя двери. Но, подумайте и вообразите себѣ, какъ изумились, увидѣвъ, вмѣсто государыни, нашего только намѣстника, ведущаго за руку госпожу Протасову, спутницу императрицы, а вслѣдъ за ними другихъ вельможъ, съ нею пріѣхавшихъ и ведущихъ также знаменитѣйшихъ госпожъ за руки которыя всѣ не успѣли войти въ залу, какъ и пошли танцовать большой длинный польскій.

„Господи, какое началось тогда у всѣхъ шептаніе и перешептываніе... Съ неописаннымъ прискорбіемъ скоро услышали и узнали, что императрица, по причинѣ усталости и небольшого недомоганія, ѣзду сію отмѣнила, а изволила отпустить на балъ нашъ всѣхъ своихъ только спутниковъ и спутницъ“... Особенно опечалены были дамы: „Что-жъ касается до госпожъ, обманувшихся въ наилестнѣйшихъ своихъ надеждахъ и увидѣвшихъ тогда, что всѣ ихъ траты и убытки, употребленные на свои

наряды, обратились въ ничто, и сдѣлались тщетными, то прискорбія, сожалѣнія и даже самой внутренней досады изобразить никакъ не можно было".

Надѣялись, по крайнай мѣрѣ, что Екатерина еще останется въ Тулѣ на день—другой, но на утро разнеслась вѣсть, что императрица немедленно отправляется въ дальнѣйшій путь, на Москву. Всѣ, кто не успѣлъ увидать государыню въ городѣ или на балѣ, захотѣли увилѣть ее хотя при выѣздѣ изъ Тулы. „И, Господи! какая поднялась тогда изо всего города ѣзда каретъ въ Московскую улицу, и какой стукъ и громъ происходилъ отъ множества каретъ, поспѣшающихъ въ оную. Всѣмъ и каждому изъ нихъ хотѣлось благовременно пріискать себѣ тамъ чей-нибудь домъ, или по крайней мѣрѣ, окошко въ немъ для смотрѣнія, и многія не жалѣли никакихъ денегъ, при наймаиіи на нѣсколько часовъ оныхъ. Со всѣмъ тѣмъ, многимъ не удалось найтить себѣ мѣстъ въ домахъ и окошкахъ, а принуждены онѣ были стоять въ каретахъ, на улицѣ самой, и выходить изъ нихъ при проѣздѣ мимо ихъ государыни. Но, бѣдныя и жалкія, всѣ онѣ не получили за всѣ свои труды и убытки удовлетворенія; всѣмъ имъ вообще удалось только взглянуть на проскакавшую мимо ихъ, со скоростью, подобною молніи, карету съ императрицею, и я сумнѣваюсь, чтобъ которой-нибудь изъ нихъ удалось ее въ лицо увидѣть".

XXIV.

МОСКВА.

Въ Москвѣ Екатерина должна была, наконецъ, встрѣтиться съ внуками, которые поправились отъ болѣзни и

выѣхали къ ней навстрѣчу. Съ дороги, еще изъ Крыма, императрица писала имъ, что ждетъ не дождется того дня, когда увидится съ ними: „Спѣшу къ вамъ, колико можно... Мнѣ весьма будетъ радостно васъ видѣть... Какъ съѣдемся, чаю много будетъ разсказовъ, лишь бы одинъ другому не помѣшалъ говорить. Я завѣрно, при первомъ свиданіи съ вами, буду слушать; ибо радость, что васъ найду въ Коломенскомъ, отниметъ у меня слова“...

„Пріѣхавъ третьяго дня въ Коломенское,—писала Екатерина Гримму,—я нашла своихъ внуковъ, уже расположившихся здѣсь съ начала этого мѣсяца“... Она не могла сразу отвѣтить Гримму, „такъ какъ мои оба внучка страшно шумятъ у меня въ комнатѣ, а вѣдь жестоко было бы прогнать ихъ, когда мы 6 мѣсяцевъ не видались... Всѣ меня окружающіе здоровы, какъ я, особенно гр. Сегюръ и князь де-Линь, которые весело шумятъ съ Краснымъ Кафтаномъ и еще болѣе съ моими внуками; не знаю, какъ я могла и это написать.“

27 іюня Екатерина выѣхала изъ Коломенскаго въ Москву. Это не было для нея большимъ удовольствіемъ: она была своего мнѣнія о первопрестольной столицѣ и открыто выражала свою нелюбовь къ Москвѣ; она не любила ее, какъ не любила и Кіева. „Я вовсе не люблю Москвы, – писала она въ одной изъ своихъ замѣтокъ,—Москва—столица бездѣлья и ея чрезмѣрная величина всегда будетъ главной причиной этого. Дворянству, которое собралось въ этомъ мѣстѣ, тамъ нравится; это неудивительно; но съ самой ранней молодости оно принимаетъ тамъ тонъ и пріемы праздности и роскоши; оно изнѣживается, всегда разъѣзжая въ каретѣ шестер-

ней... Кромѣ того, никогда народъ не имѣлъ передъ глазами больше предметовъ фанатизма... попы, богомольцы, нищіе, воры, безполезные слуги въ домахъ,—какіе дома, какая грязь въ домахъ, площади которыхъ огромны, а дворы—грязныя болота"...

Принцъ де-Линь писалъ своей пріятельницѣ въ Парижъ: „Я въ Москвѣ. Этотъ городъ, дающій понятіе, по нѣкоторымъ отношеніямъ, объ Испаганѣ, похожъ на 4 или 5 сотъ замковъ знатныхъ господъ, съѣзжающихся въ нихъ изъ деревень для общежитія... Самыя знатнѣйшія особы въ государствѣ, наскучивъ дворомъ, пріѣзжаютъ сюда затѣмъ, чтобъ свободно жить и говорить. Императрица почти не знаетъ, да и не хочетъ знать объ нихъ. „Что вы думаете объ этихъ господахъ?"—спросила она у меня. Я отвѣчалъ ей, глядя на трехъ или четырехъ престарѣлыхъ камергеровъ, генералъ-аншефовъ и проч.: „О, Ваше В-во, это самыя почтенныя руины."—„Они не очень меня любятъ,—сказала императрица;—я не нравлюсь имъ, быть можетъ, потому, что я виновата передъ нѣкоторыми изъ нихъ, или что они не правы передо мною."

Въ письмѣ къ Гримму Екатерина жаловалось на „праздники и сутолоку московскихъ пировъ, которые удвояютъ сумятицу и не оставляютъ ей ни минуты времени, ни отдыха во весь день." Дѣйствительно, барская Москва встрѣтила императрицу по праздничному. „Можно себѣ представить, какъ великолѣпны были празднества, устроенныя для царицы многочисленнымъ, знатнымъ и богатымъ дворянствомъ. Особенно хорошъ былъ праздникъ, данный въ честь императрицы графомъ Шереметевымъ, въ одномъ изъ его подмосковныхъ помѣстій (Кусковѣ).

„Дорога туда была освѣщена блестящимъ образомъ. Огромный графскій садъ, насажденный съ большимъ искусствомъ, былъ освѣщенъ разноцвѣтными огнями. На прекрасномъ его театрѣ сыграли большую русскую оперу („Самнитскіе браки“); меня удивило изящество мелодій, богатство нарядовъ, ловкость и легкость танцовщиковъ и танцовщицъ. Но болѣе всего меня поразило то, что авторъ словъ и музыки оперы, архитекторъ, построившій театръ, живописецъ, который его расписалъ, актеры и актрисы, кордебалетъ и самые музыканты оркестра,— всѣ были крѣпостные люди графа Шереметева. Этотъ помѣщикъ, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи, позаботился воспитать ихъ и обучить; ему обязаны они были своими талантами.

„Ужинъ былъ такъ же роскошенъ, какъ представленіе; никогда я не видывалъ такого множества золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, столько фарфора, мрамора и порфира. Наконецъ (что многимъ покажется невѣроятнымъ), весь хрусталь на столѣ на 100 приборовъ былъ изукрашенъ и осыпанъ дорогими каменьями, всѣхъ родовъ и цвѣтовъ и самой высокой цѣны.

„Такъ то русскіе вельможи, лишь только вступили на путь просвѣщенія, какъ уже начали подражать патриціямъ Рима; въ то время въ Москвѣ можно было встрѣтить не одного Лукулла“.

Во время пребыванія Двора въ Москвѣ, здѣсь совершено было большое церковное торжество; Екатерина писала потомъ Потемкину: „Въ Петровъ день на Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, Платона провозгласили мы митрополитомъ, и нашили ему на бѣлой клобукъ крестъ

брилліантовой въ поларшина въ длину и поперекъ;—и онъ во все время былъ какъ павлинъ Кременчугскій,"—не могла не прибавить ученица Вольтера...

XXV.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Вернувшись 11 іюня въ Царское Село, Екатерина могла, наконецъ, какъ и всѣ ея спутники, отдохнуть отъ путешествія и подвести итоги всему видѣнному. Она была очень довольна путешествіемъ, во время котораго, по ея словамъ,—„Таврическія горы шли къ ней навстрѣчу тяжелыми шагами, и съ томнымъ видомъ отвѣшивали поклонъ",—и еще болѣе довольна Потемкинымъ, который могъ торжествовать полную побѣду надъ противниками. Еще съ дороги императрица не разъ ему писала: „Мы здѣсь чванимся ѣздою и Тавридою, и тамошними генералъ-губернаторскими распоряженіями, кои добры безъ конца и во всѣхъ частяхъ. Тебя и службу твою, исходящую изъ чистаго усердія, весьма, весьма люблю, и самъ ты безцѣнной. Сіе я говорю и думаю ежедневно... Ей Богу, ты молодецъ рѣдкой, всѣмъ проповѣдую." Изъ Царскаго Села Екатерина писала Потемкину: „Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Третьяго дни окончили мы свое 6000-верстное путешествіе, пріѣхавъ на сію станцію въ совершенномъ здоровьѣ, а съ того часа упражняемся въ разсказахъ о прелестномъ положеніи мѣстъ вамъ ввѣренныхъ губерній и областей, о трудахъ, успѣхахъ, радѣніи, усердіи, попеченіи и порядкѣ, вами

устроенномъ повсюду. И такъ, другъ мой, разговоры наши почти непрестанные замыкаютъ въ себя либо прямо, либо съ боку твое имя, либо твою работу".

Въ память этого путешествія была выбита медаль, для раздачи всѣмъ участникамъ, съ профилемъ Екатерины—на одной сторонѣ, и картой путешествія—на другой: кругомъ карты русская надпись: „Путь на пользу"—выбранная Екатериной изъ 38 проектовъ, и обозначеніе: „въ 25 лѣто царствованія, 1787 году."

Медаль въ честь Потемкина.

Была выбита и другая медаль, въ честь Потемкина, съ его профилемъ и съ картой устроенныхъ имъ губерній. Сверхъ того, Потемкинъ получилъ 100 т. р. награды, и наименованіе Таврическаго. Безбородко получилъ домъ въ Москвѣ, принадлежавшій раньше Бестужеву; немало наградъ было роздано и другимъ лицамъ, содѣйствовавшимъ успѣху грандіознаго предпріятія.

Въ письмѣ, написанномъ спеціально къ Потемкину,

Сегюръ обѣщалъ, вернувшись во Францію, разсказать тамъ о всемъ, что видѣлъ въ путешествіи: „Я тамъ съ восторгомъ опишу всѣ тѣ чудныя картины, которыя вы представили нашимъ взорамъ; коммерцію, завлеченную въ Херсонъ, несмотря ни на зависть, ни на болота; флотъ, построенный въ 2 лишь года какимъ то чудомъ въ Севастополѣ, вашъ Бахчисарай, напоминающій 1001 ночь, вашу Темпейскую долину (Байдарскую); ваши празднества, почти баснословныя, въ Карасубазарѣ; вашъ Екатеринославъ, гдѣ вы собрали въ 3 года болѣе монументовъ, нежели иныя столицы въ 3 столѣтія; эти пороги, которые вы подчинили своей власти; ...и ту гордую Полтаву, на поляхъ которой вы отвѣчали подвигомъ своихъ 70 эскадроновъ (маневрами), на критики, которыми невѣжество да зависть клеветали на нашу администрацію и опытность вашей арміи. Если мнѣ не повѣрятъ, вы въ томъ виноваты: зачѣмъ сотворили столь много чудесъ въ столь малое время, и не гордились ими передъ всѣми, пока не показали намъ ихъ всѣхъ вдругъ...“

Принцъ де-Линь еще изъ Тулы писалъ въ Парижъ маркизѣ К. о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, и въ шутливой формѣ высказалъ нѣсколько горькихъ для русской императрицы истинъ: „Я знаю,—писалъ онъ,—что вѣрить путешественникамъ, придворнымъ, и также всему хорошему, разсказываемому о Россіи, нынѣ не въ модѣ; что тѣ самые изъ русскихъ, когорымъ не удалось ѣхать съ нами, станутъ предполагать, что будто и насъ обманываютъ, и мы обманываемъ. Уже успѣли сплести басню, что намъ по дорогѣ выставляли картонные домики, пушки и корабли, разрисованные на бумагѣ, а конницу безъ

лошадей, и тому подобный вздоръ". Но дальше онъ же самъ продолжаетъ: „Теперь я узналъ, что значатъ искусные обманы: напримѣръ, императрица, не будучи въ состояніи выходить изъ кареты и вездѣ все такъ, какъ мы, осматривать, должна вѣрить, что нѣкоторые города, коимъ она давала знатныя суммы на построеніе, уже совсѣмъ кончены; между тѣмъ какъ мы часто находили сіи же города безъ улицъ, улицы безъ домовъ, дома безъ кровлей, оконъ и дверей. Императрицѣ показывали одни каменные ряды, красиво выстроенные, однѣ колоннады губернаторскихъ палатъ, изъ коихъ она многимъ дарила по серебряному сервизу, приборовъ на сто.

„Не правда ли,—говорила мнѣ императрица, показывая на поля, обработанныя не хуже англійскихъ, и на такое жъ почти многолюдство въ губерніяхъ Харьковской и Курской,—не правда ли, что аббатъ де Шаппъ, ничего не видавшій сквозь замерзлыя отъ стужи стекла своей кареты, несправедливо говорилъ, что въ Россіи только о д н ѣ с т е п и. Я не спорю, что, можетъ быть, нѣкоторые помѣщики, употребляя во зло власть свою, (что, впрочемъ, и вездѣ бываетъ), жестокостію превращали иногда крикъ радости въ вопль нищеты. Однако же, какъ скоро губернаторъ обвинитъ такихъ помѣщиковъ, то ихъ строго наказываютъ, и вѣрно тѣ у р а, которыя раздавались вездѣ, гдѣ мы ни проѣзжали, восклицаемы были съ веселыми лицами и отъ чистаго сердца". Но дѣйствительность была иная.

Въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ проѣзжала императрица, богатыя декораціи, нарочно для нея выстроенныя, валились тотчасъ же послѣ ея проѣзда. Постройка со-

бора, заложеннаго въ Екатеринославѣ, была пріостановлена, и громадный фундаментъ, обошедшійся въ 70 т. р., обратился въ ограду для небольшой, дѣйствительно выстроенной церкви. Исчезли дворцы, сооруженные повсюду для пріёма императрицы и ея блестящей свиты. Докторъ Вейкартъ, отставшій отъ этой свиты еще въ Херсонѣ, писалъ оттуда: „Послѣ отъѣзда государыни въ Тавриду мы здѣсь какъ овцы безъ пастыря, или какъ сироты безъ отца и безъ матери. Ѣсть и пить нечего, купить нечего, да и кого объ ономъ спросить—не знаемъ".

XXVI.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Путешествіе, походившее на блестящую сказку 1001 ночи, еще не кончилось, какъ уже началось пробужденіе отъ сладостныхъ грезъ, отъ упоительной мечты; трезвая и печальная дѣйствительность показала путешествующимъ свое суровое лицо, и скоро отъ волшебныхъ иллюзій не осталось слѣда. Это дѣйствительность была—неурожай, дороговизна, голодъ.

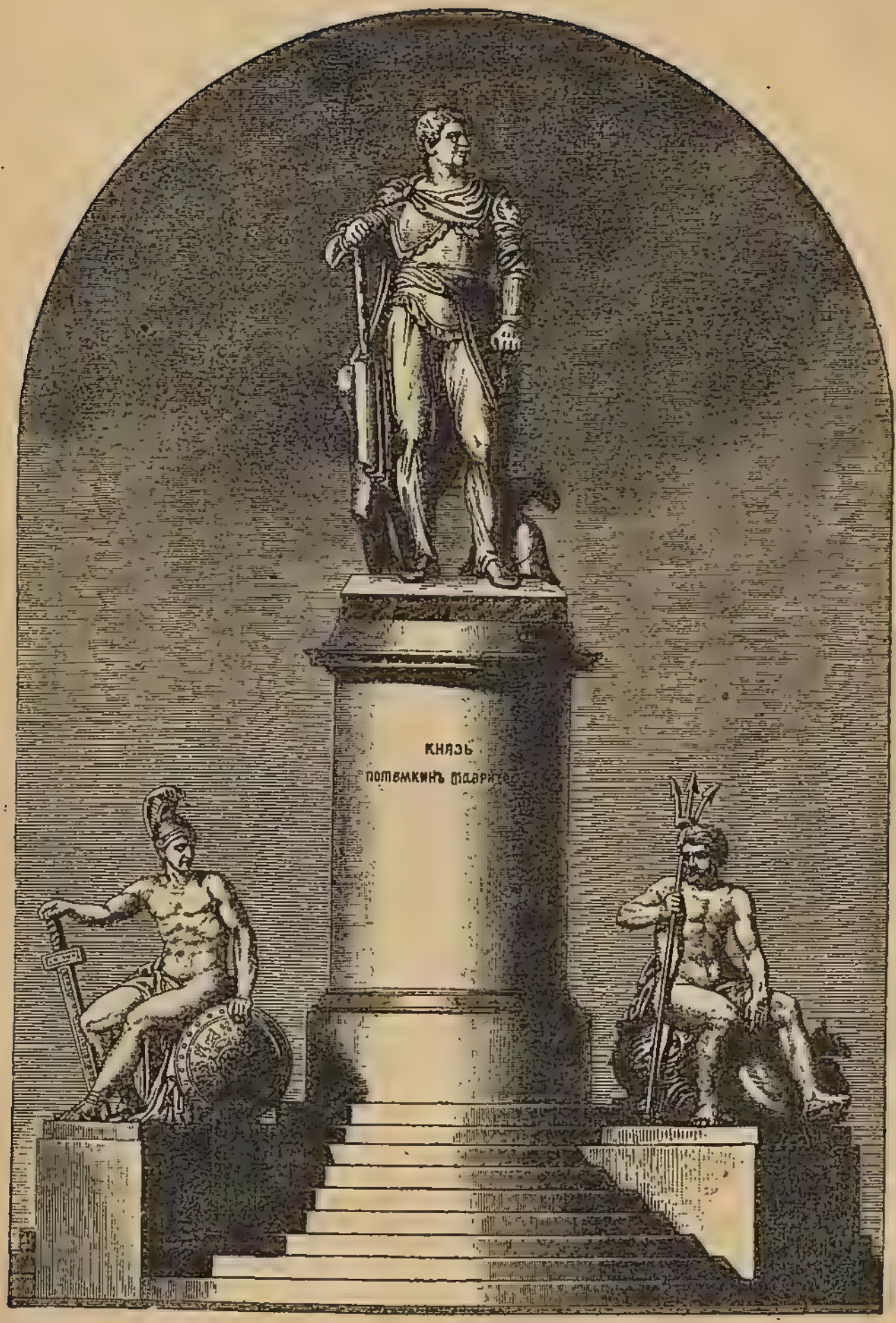
Первые слухи объ этомъ стали, повидимому, доходить до императрицы уже давно. „Тотчасъ по отъѣздѣ изъ Крыма,—пишетъ въ донесеніи своему двору англійскій посланникъ Фитцъ Гербертъ,—императрица впала въ замѣтно грустное настроеніе, переходившее иногда въ припадки раздражительности, и за исключеніемъ небольшихъ перерывовъ, она оставалась въ такомъ положеніи до возвращенія". Фитцъ Гербертъ объяснялъ это извѣ-

стіями, получавшимися ото всюду, „относительно нищеты и бѣдственнаго положенія ея подданныхъ вслѣдствіе неурожая, а потому и дороговизны хлѣба.“ Въ Тулѣ намѣстникъ Кречетниковъ старался успокоить императрицу, докладывая ей, что въ Тульскомъ краѣ все обстоитъ благополучно; но одинъ изъ ея спутниковъ, Левъ Нарышкинъ, принесъ Екатеринѣ хлѣбъ, купленный имъ на рынкѣ по дорогой цѣнѣ, и показалъ, чего стоили увѣренія Кречетникова. Этимъ и объясняется, что Екатерина не пожелала посѣтить бала, даннаго ей тульскимъ дворянствомъ. Когда фрейлины напомнили ей о балѣ Екатерина сказала имъ: „Могу ли я принять въ немъ участіе, когда, можетъ быть, многіе здѣшніе жители терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ?“ О томъ же сообщаютъ Сегюръ и де-Линь. Разсказавъ о праздникѣ въ Кусковѣ у Шереметева, Сегюръ продолжаетъ: „Екатерина въ свою очередь хотѣла дать въ Кремлѣ балы и торжества, которыхъ пышность соотвѣтствовала бы ея величію. Но все было отложено, когда она узнала, что народъ страдаетъ отъ непредвидѣннаго сильнаго неурожая.—„Неприлично было бы явиться мнѣ среди увеселеній и празднествъ, когда мои подданные страдаютъ отъ бѣдствія, которое я бы должна была предотвратить“. Де-Линь писалъ своей пріятельницѣ изъ Москвы: „Пріятная мечта исчезла, и наступила печальная сущность. Всѣ пиршества прекращаются; обозы съ хлѣбомъ заступаютъ мѣсто барокъ, нагруженныхъ апельсинами“.

Такъ закончилось путешествіе Екатерины. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 12 сентября, прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что турки объявили войну Россіи и посади-

ли русскаго посла Булгакова въ Семибашенный замокъ. Посреди голода надо было воевать за земли, пріобрѣтенныя на Черномъ морѣ.

Объ этихъ тяжелыхъ временахъ народнаго бѣдствія разсказываетъ подробно, въ одной изъ своихъ статей, извѣстный дворянскій публицистъ того вѣка, депутатъ Комиссіи 1767 г. князь М. М. Щербатовъ. „Большая часть государства съ голоду помираетъ. Московская, Калужская, Тульская, Рязанская, Бѣлогородская, Тамбовская губерніи и вся Малороссія претерпѣваютъ непомѣрной голодъ, ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду; но и сего уже недостаетъ; ибо, къ несчастію, и лебеда не родилась, и оной четверть по 4 р. покупаютъ. Ко мнѣ изъ Алексинской моей деревни привезли хлѣбъ, испеченной изъ толченнаго сѣна, 2 изъ мякины, и 3 изъ лебеды. Онъ въ ужесть меня привелъ, ибо, едва на четверть тутъ четверка овсяной муки положено. Но какъ я нѣкоторымъ и сей показалъ, мнѣ сказали, что еще хорошъ, а есть гораздо хуже. А однако никакого распоряженія не сдѣлано о прокормленіи бѣднаго народа, для прокормленія того народу, которой сочиняетъ силу Имперіи, котораго въ самое сіе время родственники и свойственники идутъ сражаться со врагомъ, которые въ степяхъ, въ холодѣ, въ нуждѣ и въ сырыхъ землянкахъ безъ ропоту умираютъ, который даетъ доходы не токмо на нужды государственныя, но и на самый роскошъ“.


КНЯЗЬ
ПОТЕМКИНЪ ТАВРИЧЕСКІЙ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
	Отъ редакціи	3
I.	Посолъ французскаго короля	5
II.	Въ Царскомъ Селѣ	11
III.	Въ гостяхъ у Императрицы	15
IV.	Новороссія	18
V.	Приготовленія Потемкина	24
VI.	Сборы Екатерины въ путь	33
VII.	До Кіева	40
VIII.	Въ Кіевѣ	47
IX.	Потемкинъ	59
X.	Русскій князь и французскій графъ	69
XI.	Флотъ Клеопатры	74
XII.	„Графъ Понятовскій“	81
XIII.	Кременчугъ	86
XIV.	Іосифъ II	89
XV.	Свиданіе двухъ монарховъ	93
XVI.	Херсонъ	96
XVII.	Таврида	101
XVIII.	Крымскій помѣщикъ	106
XIX.	Севастополь	111
XX.	Политическія темы	116
XXI.	Шалость	118
XXII.	Обратный путь	121
XXIII.	„Явленіе божества“	123
XXIV.	Москва	130
XXV.	Впечатлѣнія	134
XXVI.	Пробужденіе	138

ИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.
МОСКВА.
Цвѣтной бульваръ, 12, тел 3.38—45.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

въ культурно-бытовыхъ очеркахъ

подъ редакціей *В. Я. Уланова.*

М. Н. Коваленскій. Русскій ученый XVIII вѣка. Страницы изъ жизни Ломоносова. Цѣна 45 к.

Н. Д. Шаховская. Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII вѣка. (Св. Сергій и его хозяйство). Цѣна 40 к.

П. П. Кащенко. Судъ въ Московскомъ государствѣ. (XVI—XVII столѣтія). Цѣна 30 к.

Н. Д. Комовская. Въ странѣ Великаго Хана (картины изъ быта монголовъ). Цѣна 40 к.

Н. Н. Коваленская. Вельможа въ фаворѣ и ссылкѣ (князья Долгорукіе). Цѣна 40 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

М. А. Хрущова. Пьянство и кабаки въ древней Руси.
М. А. Каллашъ. Зинаида Волконская и ея время.
А. И. Содомовъ. Московское войско XVI и XVII вв. до преобразованія Петра Великаго.
Н. Н. Ковалевская. Воцареніе Елизаветы.
В. Н. Бочкаревъ. Дворъ Императрицы Елизаветы.
" " Дворъ Императрицы Екатерины.
Н. Д. Шаховская. За рубежомъ (князь Курбскій).
В. Н. Мордвиновъ. Въ городѣ Московской Руси.
В. К. Никольскій. Въ Московскихъ приказахъ.
" " Московская дипломатія.
Е. Л. Богрова. Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.
П. П. Кащенко. Какъ лечили въ древней Руси.
В. В. Терешкевичъ. Софія Палеологъ и Елена Глинская.
Н. А. Кунъ. Греческія колоніи на Черномъ морѣ.
В. Я. Улановъ. Въ Академіи Наукъ XVIII вѣка.

Въ мастерской **С. А. Баранова** *(Москва, Малая Сухаревская пл., 6)* имѣется большой подборъ тѣневыхъ картинъ, сдѣланный для настоящей брошюры.

БИБЛИОТЕКА